

ФАНТ-ХАБАР

2025

18

ФАНТ-ХАБАР

2025

6 (18)

3 АНС-100!
21 Календарь. 2025. Июль
30 Такие дела. Июнь 2025
36 Голоса из Сетей
102 Источники

Первая страница:
Постапокалиптическая Япония
в работах художника Tokio Genso

Редактор: БВИ
bvi@rusf.ru
<https://t.me/bratrazum>
<https://bvi.livejournal.com>
<http://bvi.rusf.ru/fx/fx018.pdf>

Арканар: Метагом, 2025

АНС – 100!

1 июня 1958

Далее. Должен тебе заметить, что ты порядочный сноб. «Знание – сила» вовсе не такой уж глупый журнал, как тебе кажется, хотя бы потому, что он пока единственный, набравшийся смелости пропагандировать нашу и зарубежную научную фантастику. Притом ребята там сидят неглупые, судя по замечаниям, которые они сделали относительно С. Р.

Что дать в двенадцатый? Предлагается два варианта. Первый – добиться толку от искусственной памяти. И опять же повторяю тебе, брат мой: во все не обязательно именно память, но ещё лучше (и много лучше, по-моему) – искусственное создание новых свойств мозга. А к этому можно прицепить и смутные отрывки воспоминаний о неведомом. И показать подопытных животных. А человек – о, вот в чём дело. Какое-нибудь животное после воздействия абвгдеж-лучами ведёт себя очень странно – видит за стенами, за углом и т. д. Короче, оно приобретает свойство «видеть» в четвертом измерении. И человек, чтобы проверить это, подвергает такой обработке и свой собственный мозг. И тоже начинает видеть «за углом». Смелый эксперимент (или эксперимент, форчуз), героизм советского учёного, руководящая роль и пр. А? И назвать рассказ «За углом». А?

Второй вариант – Козырев. Господи, если бы я так представлял себе всю эту механику, как ты, и если бы имел возможность спросить у Козырева, я бы давно уже оформил сюжет, и это было бы как гром с ясного неба для всех фантастов Поднебесной. Ведь на тему «Вечный двигатель» никто никогда не фантазировал, никто себе не мог представить подоплётку научную этого дела. А ты... Эх ты... Заср, одним словом.

Вот выбирай из этих тем. А лучше всего – если возьмёшь обе. Есть ещё тема, тоже малообсосанная. Относительно биотоков. По-моему, ты знаешь, в чём дело. Здесь можно дать помесь «Хойти-Тойти» и «Доктор Некто-полубог». Поставить живой человеческий мозг на машину. Схема: головной мозг – биотоки – усилитель – электроимпульсы – приёмник – механизм. Кто-нибудь умирает, его мозг ставят на робота, и он остаётся жить. Не беспомощный профессор Доуэль, а всемогущий Властелин. А?

АНС. Письмо брату

2 июня 1959

Посылаю тебе то, что вышло у меня из «Букета роз». Как видишь, рассказ не окончен. И это не от лени, уверяю тебя. Третью и последнюю новеллу по праву должен написать ты. Почему? Прежде чем ответить на этот вопрос, хочу пояснить тебе идею рассказа – на тот случай, если она тебе ещё не совсем ясна.

Как видишь, эпиграфом к рассказу взят подзаголовочек из новеллы Акутагава «В чаще». Содержание новеллы следующее. В бамбуковой чаще нашли убитого самурая. Ведётся следствие. Взят разбойник, который изнасиловал жену самурая и убил его самого. Новелла даёт три версии убийства: одна – версия разбойника (по его словам, он убил самурая на дуэли и отверг любовь его жены), версия жены (её исповедь: разбойник заманил их в чащу, её изнасиловал и скрылся, а она, опозоренная, убила мужа) и версия духа убитого (после того как разбойник изнасиловал его жену, самурай сам закололся). Все три версии оправданы обстановкой и тем, что нашли около трупа, и ни одна версия не объясняет, куда делся кинжал, которым был убит самурай. Меня заинтересовал этот приём. Я решил применить его в нашем творчестве, но без

этих загадок. Мы даём происшествие с межпланетником с трёх точек зрения. Две я уже дал. Третья, его, межпланетника, собственная, – на тебе. В отличие от Акутагава, я решил дать не версии события, а версии облика героя – с трёх точек зрения. Поэт считает, что Валентин – фантастически удачливый авантюрист, настолько удачливый, что сумел вернуться в своё время вопреки законам, божьим и человеческим. Жена считает, что Валентин вернулся потому, что не мог быть без неё – и Валентин это не опровергает. И вот его, Валентина, собственная версия – он – первооткрыватель, из тех, кто ищет новые и необычайные пути, из тех, кто хочет работать не на далёких потомков, а на современников. Мысль ясна? Эту идею ты должен выразить в своей новелле, легонько, без нажима. Так, чтобы было ясно: он вернулся не потому, что чертовщина ему помогла, а потому, что он был вооружён совершенным знанием. И вернулся не к жене, а ко всем людям, которых эта его жена олицетворяет. Повторяю, легко, без нажима и не в лоб. Ничего, если возможны кривотолки, этого не бойся. Пиши по хэммингда-эх-гуэвски.

Я не могу писать эту новеллу потому, что слишком наладился на минорный и экзальтированный лад предыдущих двух. У меня получатся сплошные сопли. Но я могу дать тебе план, как я представляю себе эту третью новеллу, – план для тебя, конечно, не обязательный.

АНС. Письмо брату

2 июня 1970

Сидю у в кабинете, загораю и на потолок плюваю. Передо мной заново перепечатанная рукопись ОО, стоит она пока 80 р. Я её призван считать к утру среды, после чего явиться к Нине и с помощью художественного редактора разметить места для ил-

люстраций. Затем, видимо, она (рукопись) пойдёт в производство. Нина надеется, что ещё до её отъезда в отпуск (до 15 июля примерно) получится вёрстка, а по приезде (в августе) и сверка, после чего бездумный штамп на Ногина и в сентябре... Эх, хорошо бы.

АНС. Письмо брату

3 июня 1962

В Писдоме – ты-то сам подписал протест? Или тоже рассосался? Из письма неясно. Кстати, водку ты, следовательно, пьёшь? Только со мной не пьёшь?

Принесли мне второй том руководства по зоологии. Три дня обрабатывал материал по кефалопода. Интересно – страсть. Так и просится на бумагу. Чудовищная карикатура на человека. Мозг расположен вокруг пищевода, совокупление на расстоянии, кровь бесцветная и синеватая, дыхание, выделение, половые акции – всё через одно и то же место. Ну, это потом.

Ездил к Ефремову – он обещал мне английские книги о кефалопода. Хороший он мужик – умница и добрый, нигде таких не видел.

АНС. Письмо брату

4 июня 1950

Давненько я тебе не писал, да, собственно, не о чём было. В субботу после занятий меня вызвали в числе других шести офицеров в горсовет «для содействия мероприятиям по благоустройству города». На сей раз «мероприятия» ограничились тем, что нужно было, чтобы миряне, «взяв в руки лопаты, шли в топъ», сиречь своими силами отрыли бы вдоль одной из главных улиц канавы для стока грязи и дождевой воды. «Содействие» же по идеи должно было выразиться в посильной агитации и,

где эта мера воздействия не помогает, в лёгоньком принуждении. Делалось это примерно так. Мы входим во двор и пuleй высакиваем назад, атакованые огромными «медецинскими» кобелями. Первый входивший и последний высакивавший, как ты сам понимаешь, занимают самое невыгодное тактическое положение. Впрочем, ущерб в таких случаях выражался обглоданной шинелью или обслюнившимся сапогом. На большее кобели не решаются. Далее мы сердито и требовательно стучим

в окна. Хозяин выходит и тупо рассматривает нас из-под ладони, поставленной козырьком. Мы объясняем ему, в чём дело. Он чешется, мнётся, затем выдавливает из себя: «Оно отчего ж и не покопать, только пущай соседи сперва покопают, а тогда уж и я посмотрю». Мы повышаем голоса. Хозяин смотрит на кобеля, рвущегося с цепи. Тогда один из нас вкрадчивым голосом спрашивает, не привлекался ли хозяин к уголовной ответственности в своё время и, вообще, что это за манера уклоняться от

постановлений Советской власти. Так как в подавляющем большинстве население правобережного Кана уже имело в своё время знакомство с нашими карательными органами и так как насчёт Советской власти у всех у них рыльце в пушку – уголовники, дерзко, ссыльные кулаки, – то хозяин поспешно заявляет, что так вопрос ставить не стоит и что раза два взмахнуть лопатой для него ничего не составит.

АНС. Письмо брату

5 июня 1967

Ужасное ты мне сообщил открытие – что Тройка есть у Булгакова. Это надо коренным образом изменить. Пусть тогда уж будет Комиссия или Особое Совещание, только надобно подходящее сокращение выбрать. Тройка же автоматически отпадает.

М^{<ежду>} п^{<рочим>}, университетская анкета обработана. Не помню, писал ли тебе. Мы опять впереди. Полное совпадение с бакинской анкетой. Те же Стругацкие, Азимов, Брэдбери, Лем, Ефремов впереди, те же Громова, Казанцев, Немцов позади. Позвони этому балбесу Вилинбахову и скажи: он меня уверял, что в любом другом месте результаты анкеты будут другие.

У меня дел по горло. Во-первых, я продолжаю перевод Абэ. Во-вторых, нам с тобой заказано предисловие к Саймаку в «Мире» – есть у него романчик про пришельцев из соседствующего пространства в виде цветов, перевела Н. Галь, она нас любит, и отказаться от предисловия я не смог. Напишу черновик, пришлю тебе. За основу беру всё те же щупальца будущего, прах их раздери. В-третьих, родственница Кима (сестра его покойной жены) позвонила мне и предложила взять его японскую библиотеку. Представляешь? Я туда пустился с чемоданчиком, а там книг на грузовую машину. И ка-

кие! Жаль, всё на японском, ты не можешь. И ещё я, видимо, войду в комиссию по литнаследству Романа Николаевича.

АНС. Письмо брату

6 июня 1975

Аркадий Стругацкий дома.
Москва, 6 июня 1975 г.

7 июня 1972

Был у меня вчера и Юра Манин – днём. Меланхоличен, но в общем спокоен. Сожрал все сосиски, нажарил картошки и тоже сожрал и выпил чайник чаю. И всё удивлялся, почему я мало ем.

АНС. Письмо брату

8 июня 1985

Дорогой герр Роттенштейнер,
я только что получил Ваше письмо от 25 мая с.г.,
и оно привело меня в большое смущение.

Я конечно же получил Ваше любезное письмо от 27 декабря прошлого года и книги С.Лема «Голос Господа» и «Фантастические величины» [видимо, изданный в США сборник «Imaginare Magnitude», на русском публиковавшийся под названием «Многая величина】]. (Книги я получил даже раньше письма.) И я тут же, в середине января ответил Вам, поблагодарил за книги, выразил сожаление, что на них нет автографа пана Станислава, а также надежду на то, что получу в своё время от Вас сборник Лема «Микромиры», как только эта книга выйдет. Кроме того, я сообщил Вам в этом письме, что ответы на Ваши вопросы, посланные через ВААП, я написал по-английски и послал Вам опять же через ВААП, так как не знал тогда Вашего адреса. (Только сейчас я обратил внимание на то, что адрес был и на странице с вопросами, несколько неразборчивое чернильное клише.)

Следовательно, это моё письмо с ответом на Ваше от 27 декабря Вы не получили.

Так обстоят дела. Я не знаю, кто ответственен за утерю моих к Вам писем. На всякий случай приношу Вам свои извинения, тем более, что вся эта история мне крайне досадна.

АНС. Письмо Францу Роттенштайнеру

9 июня 1958

Во-первых, насколько я знаю по твоим же рассказам, некоторые препараты начинают так влиять на головной мозг, что человек видит всё либо в перевёрнутом виде, либо начинает видеть через непрозрачные преграды и так далее. Так что в проекте «За углом» я только развиваю эту идею. Можно наделить облучённого новыми свойствами – отсутствие необходимости в сне, способность работать сразу несколько дел а ля Вагнер и всё прочее. Я не настаиваю на 4-м измерении, как это ни заманчиво, но решительно протестую против миражей. Миражи – патентованная моча, и ты сам это хорошо понимаешь. Не стоит облучать, чтобы только увидеть миражи. Для этого достаточно напиться.

АНС. Письмо брату

9 июня 1968

За три дня по приезде из Ленинграда я услыхал столько слухов о нас с тобой, что в другое время хватило бы на полжизни. О нас: доложено в ЦК. Нас: запретили публиковать. Мы: объявлены антисоветскими писателями. Нам: грозят крупные неприятности, лишение средств к существованию и голод. С помощью Нины и Белки я понемногу разобрался в этой каше. Всё, конечно, чудовищно раздуто, и хотел бы я знать, откуда и как всё это идет. А факты вот какие. Во-первых, статья в «Правде Бурятии» (я достал и читал). Статья на редкость глупая и даже смешная. До неприличия. За такую надо снять с работы редактора газеты, типичный пример слегка замаскированной дискредитации нашего строя. Но – ругает. Нас. Облыжно. И вот что получается: все, с кем я встречался, об этой статье слыхали, но саму статью не читали. А выводы делаются, сам понимаешь – какие. И во-вторых, скандал в «Знании – силе». Филиппову снимают с работы за ошибочные

материалы, за неудачное оформление пятого номера и, в частности, за злосчастного «Клопа». Всё это – затея министерства профтехобразования, никакого отношения к литературе она не имеет, так, интрижка чиновников средней руки. Но они, эти чиновники, в разе назвали устно и письменно «Клопа» антисоветчиной, чем превысили свои полномочия, ибо такие дефиниции имеет право давать только разве Отдел пропаганды. Услыхав обо всём этом, я отправился к юрисконсульту в СП, и тот сказал мне, что скушать такое мы не должны. Я послал Денисову (это замминистра, который варил эту кашу) письмо с требованием извиниться и пригрозил ему судом за диффамацию. Срок – 15 июня. Юрисконсульт порекомендовал ещё, прежде чем подавать в суд, сходить в Отдел пропаганды. Слухи о глупости Денисова тоже, естественно, распространились среди издательско-писательской братии, преувеличились и накатились на меня уже в совершенно гарантюанских размерах. За три дня я насытился по горло и до подбородка. Тошнит уже от всей этой болтовни.

АНС. Письмо брату

10 июня 1959

Аркадий Стругацкий.
Москва, 10 июня 1959 г.

11 июня 1964

Кто-то рассказал, будто Днепров рассказал, будто Лема исключили из Союза польских писателей. Бодяга какая-то, не знаю, в чем дело, врёт, по-моему./.../

Леонид Леонов отказался возглавлять Совет по приключенческой и фантастической литературе, и вместо него назначили Сытина. А чтобы он не дал маху, в члены Совета ввели меня. Моча. До сих пор никто не знает, для чего этот Совет нужен.

АНС. Письмо брату

12 июня

— Аркадий Натанович, вот Вы в общении весёлый человек, я Вас слушал на нескольких пресс-конференциях — Вы часто шутите...

— Нет, на пресс-конференциях приходится говорить и очень серьёзные вещи. Например, в Брайтоне, на международном Конвенте фантастики один тамилец с тревогой меня спросил, не собирается ли Советский Союз угнетать другие народы. Я сказал, что нет, а к тамильцам мы особенно доброжелательны. Он вскочил и бросился меня лобзать...

Аркадий Стругацкий: «Главное — мысль» / [Беседу вёл] С. Казанцев // Правда Севера (Североуральск, Свердловск. обл.). — 1988. — 12 июня. — С. 3.

13 июня 1959

Дорогой мой Боб!

Получил рукописи одновременно с телеграммой. Ты всё-таки порядочный свин. Надо как-то обязать тебя писать хотя бы раз в неделю, но не знаю — как.

Астролётчик Петров и вообще «ЧП». Ты, брат, всё порываешься нести передовое знамя и прочее, а простых вещей, видимо, не способен понять. Я уже не говорю, что сама идея рассказа превосходна — гипотеза о существовании (таки!) ключа к про-

странству и времени, это служит для истребления пессимизма, и слава за эту идею академику Фоку и астроному-фантасту Б. Стругацкому. А если нужна идея, то тем паче необходим рассказ. Теперь о форме рассказа. Мне хотелось, как всегда, дать не столько идею, сколько человека. Ты, видимо, не согласен с такой установкой, и это странно, ибо ты всегда ратовал за неё. Ты начнёшь отмежёвываться, что ты, мол, вовсе не против, а, наоборот, за. Так я тебе вот что скажу. Все наши герои будут колченогими уродцами, если мы в должном количестве не будем снабжать их фоном-витамином настоящих и очень важных для человека чувств и переживаний. Я смотрю так: существуют на свете любящие женщины и даже жёны. Будут они и в будущем. Чувства этих женщин, как бы слюнявы они ни казались на взгляд суровых флибустьеров вроде тебя, являются **чрезвычайно важной** характеристикой для человека. Рано или поздно нам всё равно придётся иметь с этим дело, и я решил начать с «ЧП», ибо расставание навсегда — всегда тема очень волнующая. Поэтому, при всех её недостатках литературных, тема Ружены и новелла о ней представляются мне необходимыми, хотя с точки зрения научной фантастики и сюжетно ненужными. Что касается твоего рассказа, то это очень неплохо. Я отдал его всего за три часа и очень им доволен. Превосходно взят тон. Кстати, вот ещё зачем необходима была тема Ружены — получился превосходный контраст между переживаниями влюблённой и потому склонной к эгоцентризму женщины и спокойным деловым повествованием мужчины. Не знаю, ты можешь быть сколь угодно (в частности, до пупковой грыжи) против, но, по-моему, этот рассказ — наша удача. И особенно это чувствуется, когда читаешь все три новеллы подряд: резкая смена настроений

через каждые семь страниц, твой Цвейг голову бы отдал за такую тему. Другое дело, что рассказ могут не принять. Но, право, от этого он хуже не станет.

АНС. Письмо брату

14 июня 1979

Получил твоё письмо аж несколько дней назад, да всё не было досуга ответить. Завтра, 15-го, премьера «Сталкера». Разбойник Андрюшка захватил все сто пятьдесят билетов. Пришлось вымарщивать у него по кускам. Всего удалось выморщить двадцать мест. Тогда началась нудятина с распределением. Кое-как уладил это дело так, чтобы не было особенных обид. Впрочем, ещё я рассчитываю на премьеру в Доме учёных, где мне обещали «хоть ползала». Но когда эта премьера будет – бог знает.

АНС. Письмо брату

15 июня 1965

Вырвали мне в два сеанса пять зубов. Один – такое чудовище, настоящий марсианин на трёх корнях. Теперь всех про всех зубов, считая с самыми задними (единственные здоровые), осталось четырнадцать штук, сам дважды считал. Но, вырвав пятый зуб, врачиха заколебалась и велела сначала специально сходить к протезисту, что он скажет. Ей кажется, что остальные зубы ещё могут послужить, если их подлечить. А меня при одной мысли о лечении тошнит. Ладно, завтра иду к протезисту. А здоровый организм, чёрт подери, тьфу-тьфу – все эти рваные раны на деснах у меня к следующему утру уже превращаются в пологие ямки, а на третий день затягиваются совсем.

АНС. Письмо брату

15 июня 1979

Аркадий Стругацкий выступает на премьере «Сталкера».

Москва, Дом кино, 15 июня 1979 г.

Фото Михаила Лемхина

16 июня 1978

Последний раз я ставил себе «глобальную задачу» – стать специалистом по астрономии – в шестнадцать лет... Жизнь меня поправила. Теперь я синолог, занимаюсь Востоком.

Но человек должен иметь внутреннее задание для себя – занять престижное положение среди себе подобных. И тут уж важен вопрос о понимании престижа – каждый выбирает свой престиж. Ведь это – целый диапазон понятий, порой ни в чём не стыкующихся. Но ничто не требует меньше лезть из кожи, чем культура. Но многие почему-то тянутся к собственным гаражам. Им там лучше.

В молодости важно побеждать хоть в чём-то, создать – хоть что-то. И если ты чему-то серьёзному научился за пятнадцать-двадцать первых лет жизни, постепенно остаётся одна мысль – пусть мне дадут спокойно работать. Правда, реализации этой мечты мешают порой честолюбие, себялюбие людей, с которыми мы сталкиваемся в процессе работы... На это уходит определённое время и нервная энергия. Злишься, нервничаешь, совершаешь глупости. Но чем делаешься старше, тем чаще задумываешься, что всё это оттачивает наше умение работать, приспособляемость к работе. Недаром говорят: «Голь на выдумки хитра». Когда на тебя давят с разных сторон – более интенсивно ищешь какой-то выход. И он может порой оказаться главной стороной, которую ты прежде в пору успокоенности найти не мог. Борьба становится интересной. Противники помогают просчитать большее число вариантов и найти более интересное решение.

Аркадий Стругацкий: Мы – оптимисты! / Беседу вел М. Шаров // Бауманец (М., МВТУ им. Баумана). – 1978. – 16 июня. – С. 4.

17 июня 1969

Был на телевидении в Останкине. Приняла нас (с Борецким) зам^{еститель} главного редактора так называемой «студии заказов фильмов» Лидия Григорьевна Корешкова. Коротко: 1. Нам благоволят, только для начала просят что-нибудь бесспорное. Предложили ПкБ и др. 2. Ещё лучше было бы создать серию т^{еле}в^{изионных} фильмов с одним переходящим героем, практически – это заказ нам на серию фильмов. 3. Предложено писать поскорее развернутую заявку, её рассмотрят, и будет договор. ОО – своим чередом, заявка на него – у главного редактора, а тот в бегах.

Есть некоторые идеи, сейчас их не буду давать. Сейчас придёт Борецкий, и мы станем разрабатывать заявку. Грубо говоря, три героя: Кондратьев (наш космонавт), Горбовский (человек будущего) и Камилл (символ трагедий коммунистического будущего) – вот троица, которая пройдёт через длинную последовательность часовых фильмов, по мотивам самых разных наших вещей. Общее название – «Далёкая Радуга», туда и ПкБ войдёт, и др, и некоторые другие рассказы, и везде будет действовать эта тройка.

АНС. Письмо брату

18 июня 1968

Дорогой Борик!

1. Посылаю тебе касающуюся нас часть статьи В. Александрова «Против чуждых нам взглядов» («Правда Бурятии»). Посмотри, может быть, что-нибудь придумаешь. Это четыре страницы, а вся статья – шесть с половиной.

2. Сижу четвёртый день дома – простыл, раздуло левую часть шеи и щеку, страдаю и жалуюсь на судьбу. Впрочем, рад, есть повод никуда не ходить

и нигде не показываться. Рецензии и на машинку бегает Ленка.

3. С перевёртышем Бела сделает всё, что можно, но это тоже не так скоро. У меня денег осталось всего на месяц, я сейчас усиленно пишу рецензии. Закончил и отдал Девису перевод Абэ, это, конечно, пустяки, всего пять листов, но если он возьмет, то получу что-нибудь около трёхсот по одобрении и поделюсь. Не пропадём. Тебе же советую на ОО надеяться, а с переводом не плошать. По сути, на ближайшие месяцы это единственная реальная наша надежда.

4. Мадам ОО ещё не прочитала. Стонет и жмёт руку к бюсту, выражая <стремление> поскорее прочитать настоящую хорошую литературу, в чём её всячески поддерживает Нина, однако до дела пока не дошло. Нина уже злится, намекнула ей, будто срок одобрения через две недели. Надеется, что мадам начнёт читать в эту среду (завтра), но чёрт его знает.

5. Пытаться сейчас заключить с Жемайтисом договор на СоТ – тухлый номер. Жемайтис ещё больше против СоТ, нежели Милютенко. Кстати, как и следовало ожидать, с Милютенкой я так и не встретился. Пришёл неделю назад по его вызову, а он умомился куда-то.

6. От З-С ничего не слышно. У меня такое впечатление, что они там передристали и предадут нас при первом же удобном случае. Это я о свидетелях по делу о назывании отрывка антисоветским. Кстати, отрывок этот – разлагольствования Клопа в кафе. Никакой антисоветчиной там и не пахнет.

7. Договор на кино по ОО заключай. Вообще заключай любые договора, не спрашивая меня.

8. Я сейчас собираюсь подать в издательство «Накука» заявку на перевод «Истории сыска в эпоху Мэйдзи». Книга до изнеможения занятная, читать её всё

равно буду, не удержусь, а заодно и переведу. Тоже нам с тобой на кусочек хлебца станет. Аванс, то-сё...

Вот и всё пока.

Целую и жму, держи хвост трубой, твой Арк.

Привет Адке. Поцелуй и маму.

А что письмо долго шло, так я его написал в субботу, опустил в воскресенье, а по воскресеньям у почты теперь выходной.

Так что всё ОК.

АНС. Письмо брату

19 июня 1959

«ЧП», как и «ЗЭ», приняты в «Знании, которое сила» с большим воодушевлением и единогласно. Ты дурак всё-таки, брат милый. Ей-ей, «ЧП» – смачный рассказ. Какой великолепный эффект – переход от рассказа женщины к рассказу звездолётчика! И идея... Ах, эта идея Фока, Фока–Стругацкого, что за идея! Я славлю! Слушайте меня! Я славлю! Да, так нам предлагают и просят сделать что-нибудь для № 12. Я готов работать. Только, Боб, подкинь мне идею, а? Что тебе стоит? Ты даешь идею, я пишу рассказ и одновременно жму сборник, а ты сам методично и без задержек работай над «СБП» и регулярно шли мне главу за главой. Я не вижу расписания. И вообще я от тебя уже давно ничего не вижу. Почему ты не пишешь, прохвост?

АНС. Письмо брату

19 июня 1962

Пятого июня было собрище молодых фантастов, Громова делала очень интересный доклад о Леме. Развернулись прения – аж все вспотели. Спорили и ругались часа четыре. В общем определилась тенденция передовых: фантастика должна быть литературой философской. Так это можно определить. Между прочим, Лем на три года старше меня,

так что у нас с тобой, беря среднее, ещё лет пять-шесть форы. Даёшь умные книги, брат Борис! Думай о «Кракене»! Ненавидь мещанство! Испытывай иронию по отношению к тупому обывателю и тупой же... в коверковом пальто и мягкой шляпе! Мы на тропе войны! Помни – коммунизм противоположен мещанству. Вот так-то.

АНС. Письмо брату

20 июня 1958

Касательно новых рассказов. Предлагаю порядок работы по эффекту Козырева. Рассказ называется «Забытый эксперимент». Рабочий сюжет: В конце нашего века впервые в истории человечества институт неклассических механик поставил опыт, рассчитанный на столетия, – где-то в Сибири, в подземельях поставлен этот самый маятник и запущен. Результатов ожидают лет через двести. В середине двадцать первого века научный город над этим маятником уничтожен в результате опытов с мезонными реакциями. Архивы, охрана, все заинтересованные лица истреблены. Остались лишь докладные записки, похороненные в архивах Мировой Академии Наук в Пекине. Последующие 50 лет человечество занято огромным наступлением на природу: строятся искусственные спутники, соружаются термоядерные станции и пр. О маятнике все забыли. И вот в конце двадцать второго века начинается в Сибири кутерьма. А это место было блокировано из-за радиации, и на него никто не покушался. Посыпается экспедиция и пр и т. д.

Твоя задача: разработать явления, которые там будут наблюдаться, и степени опасности. А также разработать литературный сюжет. Смачно – покажем людей двадцать второго века. Они освободились от родимых пятен капитализма, но не свободны от печати адамовой – от наследства своих животных предков. Приключения экспедиции,

их недоумение, затем их отзывают: в Академии Наук найдено объяснение. Можно и гибель описать, а главное – отношение к этой гибели. И дать перспективы.

Ты напишешь объяснительную часть и дашь отдельные эпизоды. Потом возьмусь я и перешлю тебе.

АНС. Письмо брату

21 июня 1965

Манин выдал два стиха. Вот они:

Слетает лист, проколотый звездой,
поколебав, как воду, темь густую.
Я дом. Я сдан эпохе на постой.
Я не пустую.

Жильцы, спеша, глотают горький сок.
Калеки исцеляются, увечась.
И, дверь рванув, как спусковой крючок,
выходят в вечность.

Войди в меня, и окна притвори
и мир закрой, как закрывают ставни,
всё забери и лишь следы свои
ещё оставь мне.

Я буду пуст, просторен и высок.
Последний час мне чистоту подарят.
Потом чугунный тяжкий шар в висок
меня ударит.

Лес за спиной
странно живёт,
но глубиной
небо зовёт.
Белое, белое, белое море,
серое, серое, серое небо,
до горизонта уходит, узка,
полоска песка.

Крик над водой,
О перестань!
Мне немотой
сводит горталь.
Медленным, медленным, медленным шагом
в серое, серое, серое небо
я ухожу по полоске песка
через века.

Где я рождён?
Как я умру?
Пусть под дождём
и на ветру.
Между прошедшим и между небывшим,
между забытым и между забывшим
эта коса проложила межу.
Я ухожу.

АНС. Письмо брату

22 июня 1941

Самый трагический день в истории страны и, следовательно, в жизни нашей семьи. Война! В тяжелом предчувствии грядущих бед слушал с Арк. в Центральном Парке Культуры и Отечества речь Молотова.

Н.З.Стругацкий. Семейная хроника

22 июня 1978

Днями получил я приглашение выступить в Палермо на международной конференции по фантастике. Как я понял из сопроводиловки, конференция именно по фантастике (научная), а не фантастов. Подумал и решил согласиться поехать. Или ты поедешь, это неважно. Тоже обговорим. Но поскольку заявку на доклад и аннотацию предлагается выслать туда к 15 июля, я пошлю это нынче же, а доклад озаглавлю «Главное направ-

ление современной НФ: мифология и/или особый метод конструирования картины реальности». Остальное при встрече. Конференция в октябре.

АНС. Письмо брату

22 июня 1979

Вряд ли кто будет отрицать, что научно-фантастический фильм, телеспектакль, телепередача пользуются огромной популярностью у современного телезрителя. Но, увы, голубой экран очень редко обращается к одному из самых современных и популярных видов литературы – к фантастике.

Об этом я думал, когда слушал слова ведущего новой телепередачи «Этот фантастический мир». К. П. Феоктистов – а это именно он, космонавт, инженер, учёный, открывал новую рубрику – говорил интересные и важные для меня слова. О том, что фантастика не просто современна, а своевременна, нужна людям и, в частности ему, космонавту Феоктистову.

Не буду сейчас разбирать достоинства и недостатки первой передачи нового цикла. Для рецензий ещё придет время, когда мы увидим несколько передач (и хочется надеяться, что мы не слишком долго будем ждать продолжения). Пока же есть смысл высказать несколько пожеланий.

Ну, во-первых, хотелось бы в следующих передачах рубрики увидеть фрагменты из книг классиков советской фантастики – А. Толстого, И. Ефремова, А. Беляева, из произведений современных наших фантастов. Обращение к классикам мировой фантастики от Жюля Верна и Уэллса до Лема можно только приветствовать.

Думается, такая передача могла бы стать настоящим путеводителем в «этом фантастическом мире» для юных, да и не только юных читателей-читателей. Ведь научно-фантастическая литература

имеет свою историю, свои школы и направления, свой глубокий идеяный и социальный смысл. Помочь читателям разобраться в этом книжном море, в процессе становления и развития фантастики, представить её место в системе современной культуры – всё это может быть для создателей рубрики смысловым стержнем всех передач. Фантастика должна помочь в формировании подлинно материалистического мировоззрения. Что греха таить, для некоторых поверхностных читателей фантастика стала антологией сказок эпохи НТР, новым мифом. Фетишизация науки, которая «всё может», заменяет научный подход слепым доверием к завоеваниям настоящей реальной науки.

А между тем подлинная научно-фантастическая литература – это прежде всего литература, то есть человековедение, отражение действительности в художественных образах. Пользуясь своим языком, своими художественными приемами, писатели-фантасты говорят о борьбе за справедливость, за гуманизм, за взаимопонимание, о борьбе со злом, с социальной несправедливостью, с жестокостью и бесчеловечностью, о красоте и силе человека.

Очень важно научить молодого читателя именно такому пониманию любимой им фантастики, сделать чтение не только развлечением, но прежде всего школой мысли, школой коммунистической нравственности.

И здесь, мне кажется, новая телерубрика может сыграть далеко не последнюю роль, если только не оробеют её создатели перед масштабами такой задачи.

А пока мы с нетерпением ждем следующей встречи с героями любимых научно-фантастических книг на телеэкране.

АНС. Этот фантастический мир // Сов. культура (М.). – 1979. – 22 июня. – С. 5.

22 июня 1981

Насчёт нашего переезда в Ленинград. Объективная-то она, необходимость, есть, да мне её не одолеть. Здоровье, братец, не то. А я понюхал здесь, чем это пахнет – контейнеры, упаковки, да там ещё ремонт, да здесь ещё бумаги грязные всякие, и жаждущие хари... Нет, не судьба.

АНС. Письмо брату

23 июня 1959

Прежде всего ещё раз от себя и от своего семейства поздравляю тебя и Адочку с сыном, пусть растёт здоровым, сильным и умным. Имя Андрей – ничего, хорошее имя, но коз фор протест. Итак, в жизнЬ, Андрей Борисович Стругацкий!

АНС. Письмо брату

23 июня 1967

Имеет место некоторое странное развитие дел в «Сов~~етском~~» писателе». Не помню, говорил ли я тебе, что Лена Соколова (бывшая жена <О. Соколова>) сидит в аспирантуре МГУ и руководитель её – спец по литературе 18-го века Александр Васильевич Западов. Он её любит, она к нему вхожа и проч~~ее~~. Гвоздь в том, что этот Западов является кроме всего прочего членом правления издательства «Сов~~етский~~» писатель» и самым крупным авторитетом в редакции русской советской литературы. И ещё он близкий друг с директором издательства Лесючевским. Нас он читал и одобрял, и когда Лена намекнула ему, чтобы он взял на рецензию нашу рукопись, он согласился. Позавчера я ходил к нему на свидание. Коротко говоря, дело сводится к следующему. Повесть ему понравилась. Видно влияние Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Подход булгаковский, но в сто раз лучше. Однако он, Западов, потому и авторитет в издательстве (хех-хех-хех!), что

он занимает позицию читателя-дурака. Повесть не понятна. В таком виде и с такими ассоциациями она не пойдёт. Нужно кое-что изменить и прояснить. Что именно? Вы не подскажете, Аркадий Наташевич, что бы мне написать в рецензии? Рецензия будет готова через неделю, и будет она положительная с рядом предложений авторам. Надлежит вам, Аркадий Наташевич, при вызове в редакцию прочесть рецензию, изобразить на лице восторг, восхититься: «Вот этого нам как раз не хватало!» и со всем согласиться. Затем свершить некоторую работу по переделке и потребовать себе во внештатные редакторы его, Западова. И вещь отлично и быстро пройдёт, за это он, Западов, ручается. Вот какое положение. Заметь, ему рукопись дали на заклание, его слово решающее, сколько бы ни было отрицательных мнений. Рецензия действительно будет к среде будущей, мне Лена уже звонила. Вот и думай теперь. Там ещё много привходящих моментов: и то, что Западов в 27-м году учился в ЛГУ с двумя братьями Стругацкими (?), и то, что он любит и уважает мою учительницу и приятельницу Веру Николаевну Маркову, и пр<очее>. Одним словом, обстановка максимально возможного благоприятствования.

[Эта попытка пристроить «Улитку на склоне» в «Советский писатель» завершилась неудачей, как и следовало ожидать. – БВИ.]

АНС. Письмо брату

24 июня 1962

Теперь вот что. Насчет большой повести о кефалопода. Назовем её условно «Кракен» и будем в дальнейшем кодировать «К». Думал я, думал, и вот какое у меня сложилось сюжето.

Не так давно какое-то советское океанологическое судно оказалось существенную помощь в штор-

мовых условиях японским глубоководникам, и спустя год японские океанологи поднесли советским в знак благодарности только что выловленный самый крупный экземпляр из известных кефалопода – гигантского кальмара-архитектуса длиной в 20 метров без щупалец. Это длина без щупалец, а у этого щупальцы были на месте, причем ловчие руки имели длину тоже двадцать метров. Чудовище привезли в Ленинград и поместили в специально устроенный огромный аквариум, где вода из Финской лужи регулярно подсаливается и время от времени для облегчения жизни нагнетается давление до двадцати атмосфер.

Идея такая. Дать простой бытовой сюжет с простыми жизненными приключениями, с одной стороны, и дать научный детектив, устанавливающий разумность и мещанский индивидуализм Кракена – с другой. Без прямых указаний показать, как мельчайшие, обыденные проявления мещанской сущности у людей получают гротескно преувеличенное, чудовищно гнусное и логически законченное отображение в поведении головоногого. Повторяю, совершенно без прямой связи. Замаскировать всё научным детективом. Главные герои:

1. Тридцатипятилетний востоковед, редактор и писатель, толстый, очкастый, подверженный всяким влияниям, но в сущности добрый.

2. Его сверстник и старый друг, океанолог, работающий при аквариуме, красивый, злой, умница и скептик, потерявший, вроде тебя, всякие иллюзии о пользе своей деятельности.

3. Сослуживец и товарищ океанолога, избранный работу в качестве защитной скорлупы от жизни. Играет под чудака, притворяется невероятно рассеянным и т. д.

4. Руководитель их, сволочь откровенная, карьерист и обладатель авторитета за прошлые ненаучные заслуги.

5. Подруга востоковеда, гид «Интуриста», женщина умная, спокойная и настроенная скептически и уравновешенно.

6. Жена океанолога (который чудак), обыкновенная хорошенъкая женщина.

Вот такой примерно состав, с которым надо разработать бытово-профессиональную драму.

Речь идёт от лица (но не обязательно через «я») востоковеда и вот по каким трём причинам:

1. Я этих востоковедов знаю.

2. Он, как и мы с тобой, в океанологических делах понимает мало.

3. Повесть начинается с того, как он, умиляясь собственным благородством, добровольно уходит из издательства, где из-за сокращения штатов хотели уволить другого редактора, малоспособную, но мать-одиночку. Так что у востоковеда будет много времени свободного, и он все дни, свободные от решения жизненных проблем, будет сидеть перед аквариумом. Он-то и начнёт понимать, что Кракен наделен разумом. И в подтверждение своей идеи связывается по почте с капитаном корабля, изловившего Кракена, и от него получает письмо с обстоятельствами дела: по всей видимости, Кракен залез в ловушку добровольно, узнав от сбежавших накануне спрутов помельче, что у людей хорошо кормят.

Мне видится в таком взгляде на вещи настоящее уэллсовское слияние бытовой повести с фантастической, о котором мы мечтали. Конечно, надо здорово попотеть, чтобы добыть доказательства разумности Кракена, и попотеть, чтобы найти соответствия поступков людей в поступках Кракена, и чтобы построить смачный нетривиальный кон-

фликт между людьми. Впрочем, он может быть и не очень нетривиальным, но должен удовлетворять по крайней мере двум условиям: чтобы такой конфликт не был возможен нигде, кроме как в СССР, и чтобы такой конфликт не был возможен никогда раньше пятьдесят пятого года.

АНС. Письмо брату

24 июня 1965

Как ни печально, но придётся тебя огорчить: цензура задержала ХВВ.

Коротко, итог такой: по ХВВ будет совещание главной редакции, и тогда возможны три варианта (в порядке понижения вероятности): либо сделают «ряд замечаний» и нам придётся калечить книжку дальше; либо книжку запретят и снимут с плана вообще; либо – это наименее вероятное – замечания цензора будут признаны необоснованными. Впрочем, так вообще, кажется, не бывает.

Как всё произошло? (Со слов Белы.) Цензорша уже какое-то время боролась с кем-то из главной редакции и решила доказать свою правоту – она добивалась «повышения ответственности главной редакции, которая всё подписывает в печать, не читая». Взяла она нашу книгу, «возникли у неё сомнения», и она с торжествующими воплями бросилась в главную редакцию: вот, глядите, что вы в печать подписали! Главред, естественно, к Беле: что там опять эти жиды натворили? Бела к цензорше: в чём дело, какие у вас претензии? Цензорша: никаких политических и идеологических претензий у меня нет, у меня просто возникли сомнения. Бела: почему же вы с сомнениями вылезли сразу на главную редакцию, вы же знаете, что сомневающийся цензор улаживает дело с редактором. Цензорша: ах, простите, я так замоталась, что даже упустила из виду этическую сторону дела, но мне надо было

umweltverschwendend an
in die Oberfläche ge-
nen des Gegenwart
! Wir Phantasten sind
bekannt Arsch-Stu-
die Werke der Brüder
gang 1926 und Boris
N. Esse einen in
wo die „gegen-
ihm unterlochen und
wirkliche Kultur durch
Bürokratie ersetzt werden
zu sein. Wenn
der, der weiter Ent-
ten, sie müssen sich

Die gierigen Dinge
des Jahrhunderts

пристранить главную редакцию. Бела: это плохо, что вы забыли об этике, а какие у вас сомнения? Сомнений оказалось три, и за каждое хочется стрелять: 1) не может быть богатых стран, где всё есть, и одновременно нищих азиатских стран; 2) этот шпионаж в капиталистической стране – очень отдает привнесением революции на штыках; 3) в этой стране нет ничего, что бы можно было противопоставить разложению (это последнее замечание самое дельное, но это же не дело цензора!). Короче говоря, делу дан ход, главная редакция завертелась, остается ждать.

Как только что-нибудь прояснится – дам знать.

Очень, очень сильно копают под Белу и Жемайтиса. А кто – неясно. Быть нам жертвами в этой борьбе. Но ты все-таки не Б. Хвост трубой.

АНС. Письмо брату

25 июня 1946

Младший лейтенант Аркадий Стругацкий во время практики.

Казань, июнь 1946 г.

26 июня 1968

Исаяя, ликуй. Позвонила Нина и сообщила: мадам ОО прочла, ей понравилось, есть несущественные замечания (в частности, по Страннику), Нина своими руками выписала и снесла в бухгалтерию одобрение. Сегодня в 14.00 заседание редколлегии альманаха «Мир приключений», членом коей я имею быть, там мы встретимся с мадам и Ниной и выясним подробности и дальнейшие действия

как наши, так и издательства. С разных точек зрения считаю полезным, если иллюстрации будет делать Макаров: это, в частности, придаст повести развлекательный вид со всеми вытекающими.

АНС. Письмо брату

27 июня 1942

Я сейчас в Чкаловской обл~~асти~~, в Калининском совхозе, работаю маслопромом и имею дело с огромными количествами молока, сливок и масла. Если бы вы приехали ко мне! В Вологде, пока я лежал в больнице, пропали почти все наши вещи, и сейчас я имею то, что ношу на себе. Жизнь здесь неплохая, хотя белых булок и сахара нет и следа

(помнишь, как нам врали об этом в Выборгском райсовете). Хлеба, картошки, молока и молочных продуктов ем вволю. Очень хочу, чтобы вы были бы здесь, со мной. Мама, милая моя, если я до сентября не получу от вас известий, то буду считать вас умершими и отправлюсь добровольцем на фронт. Жить, не увидев больше тебя и Бориса, я не могу.

АНС. Письмо матери и брату

27 июня 1959

У меня есть тема, но нет сюжета. Обрывки мыслей. Вот научная сторона: яйцо. Не куриное яйцо, и не твоё, а кибернетическое яйцо, семя. Представь себе устройство, в которое заложена программа и возможности развития. Создано оно для того, чтобы обеспечивать межпланетникам уют при прибытии в иной мир. Яйцо падает на поверхность планеты и начинает развиваться. Оно выпускает рецепторы и определяет условия. Затем, в соответствии с этими условиями, начинает перерабатывать почву и атмосферу, превращая их в строительный материал и источник энергии. Затем строит себе приличествующие случаю эффекторы – роботов, которыми само управляет. Затем приступает к главным работам: строит дома, роет пещеры, склады, лаборатории и так далее. Остаётся ждать прибытия людей. Понимаешь, копирование у природы не только функций управления, но и функций роста, развития. Можно заставить его делать корабли, расширять свой мозг и пр<оче>. Но как из этого сделать рассказ? Может быть, сделать весёлый рассказ о яйце с бесконечной программой? Или о яйце, неправильно запрограммированном? Или ещё что? Сделай сюжетик, братец, будь добр. И туда же ввести понятие Десантника – это люди, которые сбрасываются на планеты, которые по разным причинам невозможно обследовать приборами. А может

быть, Яйцо – предшественник пришельцев на Землю? Понимаешь, падает где-нибудь в Парголове, на огороде. И ужас владельца огорода. И ужасные проявления. И попытки понять, что это за чудище. Подумай на досуге – в автобусе – и отпиши.

Может быть, это яйцо свои же земляне – весёлые ребята – подкинули во двор к девушке, в которую влюблены, или к профессору, которого хотят развлечь? «Дело о хулиганстве». А?

АНС. Письмо брату

28 июня 1953

Ещё вопрос: сколько ты пьёшь? Не в количественном, а в численном смысле. Учи, уважающий себя человек пьёт не реже двух раз в месяц, но и не чаще раза в неделю. Если не считать экстренных случаев, конечно. Не знаю, как там у тебя обстоит с этим делом, но был бы очень рад, если бы ты придерживался указанных норм.

АНС. Письмо брату

29 июня 1967

Был на редколлегии «Знания-силы», обсуждался проспект юбилейного номера. И присутствовал там зам^{еститель председателя} госкомитета по профтеху, который курирует журнал. Вот Хлебовводов! Настоящий, матёрый, куда нашему до него. Был по слом в Венгрии, довёл Венгрию до 56-го года, венгры приехали, в ноги упали: заберите, дурак ведь! Присмотрелись – и верно, дурак. Промаялся он в ре-зерве несколько лет, а теперь вот зам^{еститель} пред^{седателя} госкомитета, издательскими делами в системе профтеху заправляет. Заявил это без ложной скромности: «Я, ета, получил указание в аккурат шестью отделами, ета, заведывать». Указание по существу дела дал буквально такое: «В юбилей-

ном номере, ета, надо поместить всё, что положено поместить в юбилейном номере».

АНС. Письмо брату

30 июня 1988

Я никого не представляю, кроме писательских масс братьев Стругацких. Я ехал сюда [на первое Всесоюзное совещание клубов любителей фантастики в Киеве 15-19 марта 1988 года] в лёгкой растерянности и не вполне представлял, чем вы тут собираетесь заниматься. Мы не представляли, каков истинный объём деятельности КЛФ. Вы – клубы профессиональных читателей, элитных читателей. Поэтому мне было весело, когда академик К. М. Сытник рассказывал вам, что такое фотосинтез. Он перепутал: наверное, думал, что выступает перед писателями-фантастами – вот они, действительно, часто не знают... Я с облегчением понял, что работа идёт. И ещё какая большая работа. Где-то проводятся Ефремовские чтения, фестивали. Журнал «Уральский следопыт» стал прообразом печатного органа клубного движения. Тогда вокруг него может складываться всё остальное.

АНС. За фантастику действия / [Материал подготовил] А. Лубенский // За знания (Комсомольск-на-Амуре). – 1988. – 30 июня. – С. 4.

Календарь фантастики: Июль

1 июля: Почему стал писать фантастику?

100 лет назад родился Залман /Зяма/ Юдович ГРИНМАН (Зиновий Юрьевич ЮРЬЕВ) (1925-2020), русский писатель, автор романов «Финансист на четвереньках», «Белое снадобье», «Быстрые сны», «Полная переделка», «Дарю вам память», «Повелитель эллов», «Бета Семь при ближайшем рассмотрении», «Брат мой, ящер», «Чужое тело», «Ангел смерти подает в отставку», «Предсказатель».

Из интервью писателя: «Я иногда пытаюсь сам себе ответить на вопрос: почему я стал писать фантастику? Наверное, тому есть две главные причины. Во-первых, в душе я всегда оставался немножко ребёнком, к тому же несколько инфантильным, а ребёнку всегда хочется чего-то необыкновенного, сказочного, резко отличающегося от унылых советских будней, когда всё было смертельно скучно, строго регламентировано и известно на годы вперёд.

Во-вторых, к середине шестидесятых у меня уже был кое-какой опыт журналистской работы, и я на себе почувствовал железные редакторские шоры тех времен: этого лучше не касаться, это не совсем совпадает с сегодняшней передовой «Правды», это не показывает передовой опыт, ну и так далее. А фантастика, как мне казалось, давала автору хоть некоторую свободу».

3 июля: Женский взгляд на короля Артура

95 лет назад родилась Марion Zimmer БРЭДЛИ (Джон ДЕКСТЕР; Джон Джей УЭЛЛС; Ли ЧАПМАН; Мириам ГАРДНЕР; Морган АЙВЗ; Валери

ГРЕЙВЗ) [Marion Zimmer BRADLEY (John DEXTER; John Jay WELLS; Lee CHAPMAN; Miriam GARDNER; Morgan IVES; Valerie GRAVES)] (1930-1999), американская писательница, автор сериала о планете «Дарковер», романов «Руины Изиса», «Дом меж времён», «Паутина света», «Паутина тьмы», «Ведьмин холм», «Чёрный Триллиум» (с Дж.Мэй и А.Нортон), и многоного другого.

В 1983 году вышел роман Брэдли «Туманы Авалона», ставший одним из эталонов артурианы. По роману в 2001 году был снят мини-сериал. Изюминкой романа стало то, что писательница совместила легенды цикла о короле Артуре с борьбой христианства и язычества, изложив все события с точки зрения Морганы. А потому любовные терзания персонажей выведены на первый уровень.

7 июля: Аллергия от лжи

80 лет назад родился Леонид Яковлевич ТРЕЕР (р. 1945), русский писатель, автор повестей «Приключения воздухоплавателя Редькина», «Вермудский четырёхугольник, или Возвращение Редькина», «Происшествие в Утиноозёрске».

Леонид Треер – мастер короткого юмористического рассказа. Во многих из них встречается фан-

тастика. Лишь из-за бюрократов не удаётся внедрить производство perpetuum mobile («Вечный двигатель»). «По блату» можно раздобыть японский телевизор, который не только показывает изображения, но и передаёт ощущения героев («Каёда»). В рассказах «Гвоздь программы» и «Белая коза» описаны разумные животные. В рассказах «Эксперимент» и «Парадокс Симы» показана не только прямая, но и обратная эволюция. Герой рассказа «Детектор лжи» испытывает аллергию от вранья. Директор обувной фабрики делает удивительное открытие: плохая работа предприятия напрямую связана со вспышками на Солнце («Год дракона»).

8 июля: Певец катастроф

125 лет назад родился Юрий Корнеевич СМОЛИЧ (1900-1976), украинский писатель и публицист, автор трилогии «Прекрасные катастрофы» («Владения доктора Гальванеску», «Что было потом», «Ещё одна прекрасная катастрофа»).

Первый роман Смолича, «Последний Эйджевуд», практически выдвинул автора в основоположники научной фантастики в украинской литературе. В конце 1920-х годов Юрий Смолич пишет ряд сатирических романов с элементами «причудливой

(химерной) прозы»: «Фальшивая Мельпомена (Пешие аргонавты)», «По ту сторону сердца», «Четвёртая причина», «Сорок восемь часов». Это произведения характерной для того времени советской авантюристо-фантастической литературы.

8 июля: Каждый дюйм тела подчинён замыслу

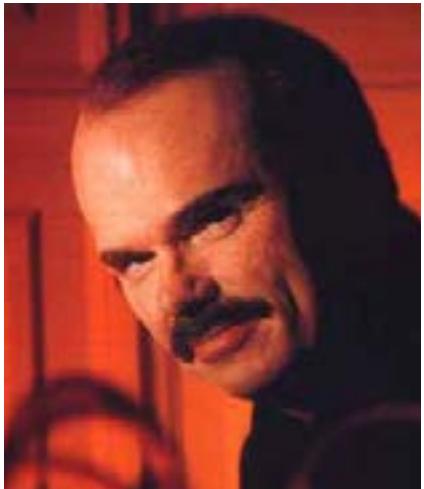
75 лет назад родился Константин Аркадьевич РАЙКИН (р. 1950), русский актёр и режиссёр, постановщик спектаклей «Прощай, Маугли», «Геркулес и Августы конюшни», «Страна любви», «Синее чудовище», «Сирано де Бержерак», исполнитель ролей в спектаклях «Нос» (Майор Ковалёв), «Две надцатая ночь» (Сэр Эндрю Эгьючик), «Этюды по Гамлету» (Гамлет), «Сирано де Бержерак» (Сирано), «Превращение» (Грегор Замза), «Король Лир» (Лир), «Дон Жуан» (Станарель), в телеспектакле «Малыш и Карлсон, который живёт на крыше» (Пелле, приятель Бетан), к/ф «Остров Погибших Кораблей» (Шолом-Трапач), «Комедия о Лисистрате» (Кинесий), «Тень, или Может быть, всё обойдётся» (Хри-

стиан-Теодор), «Стреляющие ангелы» (Люцифер), «Простодушный» (Священник), озвучил роли в м/ф «Кот в сапогах», «Чучка», «Гадкий утёнок», «Гурви-нек: Волшебная игра».

В своём дневнике от 29 января 1968 года Корней Чуковский записал: «В гостях у меня был гений: Константина Райкина. Когда я расстался с ним, он был мальчишкой, играл вместе с Костей Смирновым в сырники, а теперь это феноменально стройный, изящный юноша с необыкновенно вдумчивым, выразительным лицом, занят — мимикой, создаёт этюды своим телом: «Я, ветер и зонтик», «Индеец и ягуар», «На Арбате», «В автобусе». Удивительная наблюдательность, каждый дюйм его гибкого, прелестного, сильного тела подчинён тому или иному замыслу — жаль, не было музыки — я сидел очарованный, чувствовал, что в комнате у меня драгоценность. При нём невозможны никакие пошлости, он поднимает в доме духовную атмосферу — и глядя на его движения, я впервые (пора!) понял, насколько красивее, ладнее, умнее тело юноши, чем тело девицы».

9 июля: Больше 200 миллионов экземпляров

80 лет назад родился Дин Рэй КУНЦ [Dean Ray KOONTZ] (р. 1945), американский писатель, автор романов «Зверёныши», «Дьявольское семейство», «Античеловек», «Ночной кошмар», «Живущий в ночи», «Ледяная тюрьма» и мн. др.

Лучшим научно-фантастическим произведением Кунца остаётся роман «Кошмарное путешествие», в котором Земля далёкого будущего – радиоактивный и населённый мутантами мир после катастрофы превращается в угрюмую «тюрьму» для человечества, вытесненного со звёзд неким высшим космическим Разумом.

В своём творчестве Кунц сделал ставку на достоверность и доскональное знание предмета. За 30 лет он собрал в своей библиотеке более 50 тысяч томов специальной литературы. Вдумчиво и серьёзно читал учебники по психиатрии, психопатологии, социологии преступности, химии и биологии. Суммарный тираж книг Дина Кунца превысил 200 миллионов экземпляров.

15 июля: Универсал

75 лет назад родился **Виталий Тимофеевич БАБЕНКО (П.БАГРОВ; Виталий ДАНИЛИН; В.НИКИТИН)** (р. 1950), русский писатель, журналист, редактор, издатель, автор циклов «Кто виноват?» (с Даниэлем Клугером под общим псевдонимом Виталий Данилин), «Игоряша», «КОМРАЗ (Комитет по разоружению)», сборников «До следующего раза», «Приблудяне», «Земля – вид сверху», «Оп!», романа «Нуль», повестей «ТП», «Земля», киносценария «Остров на тонкой ножке» (с Э.Геворкяном и В.Покровским).

С 1973 по 1988 год работал в редакции журнала «Вокруг света». Был старостой московского семинара молодых фантастов. В 1989 году организовал и возглавил издательство «Текст». Позже работал в издательствах «Вагриус» и «Книжный клуб 36,6». Заведующий кафедрой журналистики Института журналистики и литературного творчества. Ведёт в институте мастер-классы «Научная фантастика и детектив», «Редактирование и стилистика художественного текста», «Перевод современной англоязычной литературы». Читает курсы «Современные концепции естествознания», «Практическая этимология», «Журналистика и современная мифология». Перевёл книги А.Азимова, Р.Бредбери, Г.Дж.Уэллса, Дж.Холдемана, Р.Шекли.

17 июля: Искусственный интеллект и музыка души

80 лет назад родился **Алексей Львович РЫБНИКОВ** (р. 1945), русский композитор, автор музыки к к/ф «Большое космическое путешествие», «Приключения Буратино», «Про Красную Шапочку», «Новые приключения капитана Врунгеля», «Тот самый Мюнхгаузен», «Руки вверх!», «Через тернии к звёздам», «Сказка о звёздном мальчике», «Шанс»,

«Чёрный принц Аджуба», «Волкодав из рода Серых Псов», «Андерсен. Жизнь без любви», «Буратино».

Из интервью с Рашидом Калимуллиным: «Это тревожно, потому что искусственный интеллект лишает музыку души. А как быть с востребованностью? Раньше мы ждали новых произведений, как, например, Виолончельный концерт Шостаковича. Люди, которые не могли попасть на концерт, радовались, слушая премьеру по радио. Это было событие! Помню, как на конкурсе Чайковского люди буквально по крышам добирались до Большого зала консерватории, чтобы услышать, как играет Клиберн. Это был настоящий хит! А сейчас? Если ИИ начнёт писать музыку, продюсеры просто будут получать её бесплатно. Исчезнет та самая востребованность, которая двигала искусством».

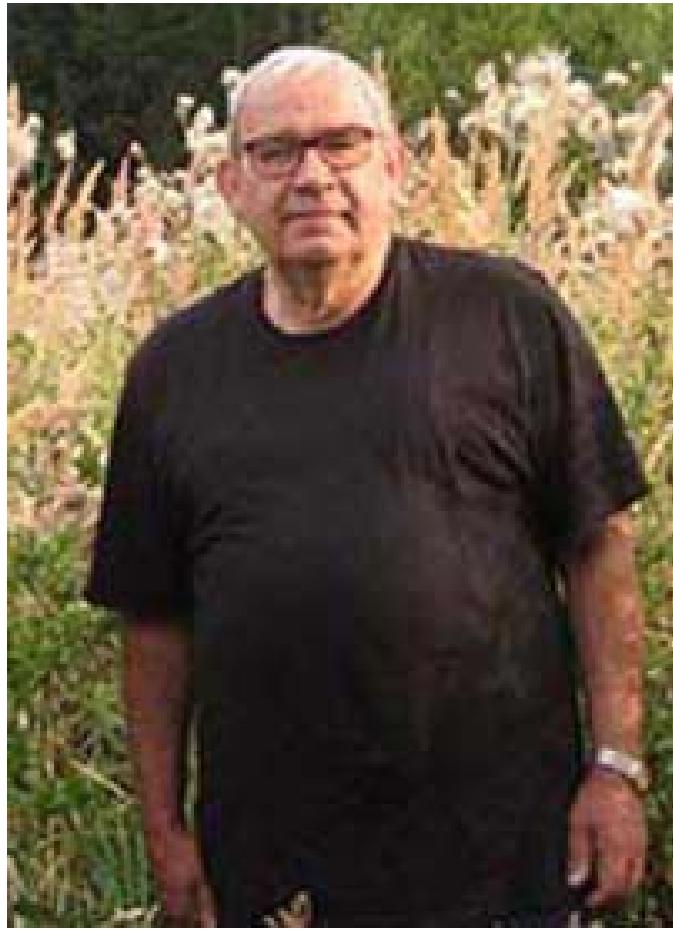
19 июля: Перекличка Ефремова и Лема

100 лет назад родился **Сергей Иванович ЛАРИН** (1925-2002), русский журналист и литературовед, автор книги «Литература крылатой мечты», переводчик произведений С.Лема.

Из монографии Сергея Ларина: «Любопытно, что романы Ефремова «Туманность Андромеды» и «Магелланово Облако» Лема, как уже отмечалось в нашей критике, внутренне очень сходны, во многом перекликаясь и как бы дополняя друг друга. Эту «перекличку» обоих романов в главной идеи можно уловить даже в названии книг, в которых отлично передан пафос неуклонного движения человечества вперёд, к вершинам познания. Близость книг Ефремова и Лема особенно примечательна и потому, что обе они писались почти одновременно и оба автора ничего не знали о работе друг друга».

19 июля: Всё о польской фантастике

75 лет назад родился **Владимир Иванович АНИКЕЕВ (Владимир КАРЧЕВСКИЙ)** (р. 1950), белорусский фэн, библиограф, переводчик, критик и литературовед, автор работ «Писатели и критики научной фантастики в Польской республике», «Лёд тронулся...: Англо-американская фантастика в русских переводах».

Начиная с 22 августа 2014 года, Владимир Аникеев ведёт на сайте «Лаборатория фантастика»

авторскую колонку, в которой детально и подробно разбирает каждый номер польского журнала «Fantastyka» (ныне – «Nowa Fantastyka»). Это не просто перечень содержания, это биографическая информация об авторах, печатающихся в журнале (в списке уже полторы тысячи таких авторов, и польских и всех остальных), их фотографии, обложки книг, иногда иллюстрации из журнала, иногда переводы интересных статей. Думаю, если всё это оформить в книжном виде, то получится многотомное издание.

20 июля: Прийти вовремя

95 лет назад родился **Олег Андреевич АНОФРИЕВ** (1930-2018), русский актёр и режиссёр, автор и исполнитель песен и ролей в к/ф «Алые паруса» (Летика, матрос Грэя), «Сказка о потерянном времени» (Старый Петя Зубов), «Приключения жёлтого чемоданчика», «Земля Санникова», «Капитан Немо», «Волшебный голос Джельсомино», «Там, на неведомых дорожках» (Соловей-разбойник), «Гляди веселей», «Двое под одним зонтом», «Приключения маленького Мука», «После дождичка, в четверг...» (Царь Авдей), «Две стрелы» (Барабанщик), «Маша и звери» (Дедушка), озвучивал и дублировал м/ф

«Снежная королева», «Бременские музыканты», «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Незнайка в Солнечном городе», «Книга джунглей».

В 1969 году Анофриев исполнил почти все композиции в мультфильме «Бременские музыканты»: «Ничего на свете лучше нету» и «Куда ты, тропинка, меня привела» Трубадура, а также «Песню королевской охраны» и «Говорят, мы бяки-буки». Изначально петь должны были несколько актеров: Зиновий Гердт, Юрий Никулин, Андрей Миронов и Георгий Вицин. Однако на студию «Мелодия» в назначенное время пришёл только Олег Анофриев, поэтому актёр спел партии всех героев детской ленты, кроме принцессы, короля и осла. Песни записали все-го за одну ночь. Вскоре после выхода мультфильма режиссёр Инесса Ковалевская выпустила грампластинку с мелодиями из картины. Запись разошлась тиражом в 28 миллионов.

21 июля: Благородство в каждой роли

100 лет назад родился **Глеб Александрович Стриженов** (1925-1985), русский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Продавец воздуха» (Вильямс), «Замурованные в стекле» (Колдун), «Через тернии к звёздам» (Глан), «Комета» (Инопланетянин), «Блистающий мир» (Арси).

В конце 1960-х был и такой случай: Стриженову очень пришлась по душе роль, ради которой он отказался от нескольких не менее интересных предложений – роль белогвардейского генерала Хлудова в драме А.Алова и В.Наумова «Бег». Ранее актёру приходилось работать с этими режиссёрами, но тогда это были небольшие роли, а здесь маячила интересная большая роль. Воодушевлённый предстоящей ролью, актёр углубился в изучение материала для более точного воспроизведения образа на экране, прототипом которого был генерал Яков Слащев. Но в то время, когда он был практически готов приступить к работе, случилось неожиданное. Утверждению на роль воспротивились чиновники из Госкино. Откровенно говорилось, что «вражеский» генерал не может быть человеком глубоким и хорошим, это будет «идеализация белогвардейщины». В результате выбор режиссёров пал на Владислава Дворжецкого, также проходившего пробы на роль. Это стало настоящим ударом для Глеба Стриженова, и он на несколько месяцев был выбит из колеи.

23 июля: Что такое утопия?

90 лет назад родилась **Виктория Атомовна Чаликова** (1935-1991), русская исследовательница литературной утопии и антиутопии, философ и социолог, автор работы «Предсказания Оруэлла и современная идеологическая борьба», сборников «Утопия и культура», «Эти пять лет», «Утопия рождается из утопии», «Утопия и свобода».

Из работы В.Чаликовой «О типологии литературных утопий»: «В библиографии по утопии включается всё что угодно: мифы, рассказы о земном рае, сказки, восточные легенды; аллегории, сатира, приключения, робинзонады; пророчества, изображение воображаемых войн и всевозможных космических ужасов; научная и ненаучная фантастика,

романы ужасов; трактаты по политической философии, футурологические проекты, советы властителям; философские романы, религиозные эссе, романы о духовных и физиологических исследованиях; описания мистического опыта и социального эксперимента. И на всё это проецируется исследование утопии».

23 июля: Реализмом брезгую

70 лет назад родился Александр Ревович РУБАН (Арсен БАЛАКУР, д.н.) (1955-2015), русский писатель, автор сборников «Чистая правда о том, чего не было», «Сон войны», «Сказки о неизбежном», «Мироздание по мне», «Весна в Гипербореях», повестей «Вита-

ющий в облаках», «Каникулы Творца», «Русский Марс», «Пыль под ветром».

Александр Рубан о себе: «Пишу. Иногда издаюсь. Иногда другие люди издают меня. Полагаю, что у каждого человека есть хотя бы два дела: то, для которого он живёт, и то, которое его кормит.

Совпадение этих двух дел сулит гармонию, но чревато опасностью исхалтуриться. Вёрстка учебников и методичек меня кормит. Для литературы я живу. Сочиняю фантастику в прозе и в стихах. Реализмом брезгую. Поэтому себя не считаю. Реалист (от латинского *realis* вещественный) описывает

вещи и явления и сочиняет правильные ответы на злободневные вопросы. Фантаст (писатель воображающий, вписывающий мир ВО ОБРАЗ) эти вопросы ищет и формулирует, ему интересны не сами вещи, а связи между ними. Поэт видит Вселенную в капле воды и даёт ответы на те вопросы, которые люди не умеют задать. Иисус – поэт, Иоанн и Лука – фантасты, Иуда, Фома и Павел – реалисты (с различными устремлениями)...»

30 июля: О путешествиях во времени

225 лет назад родился **Александр Фомич ВЕЛЬМАН** (1800-1870), русский писатель, поэт, военный, учёный-археолог, автор романов «МММCDXIVIII год. Рукопись Мартына Задеки», «Предки Калимероса».

Александр Филиппович Македонский», «Сердце и Думка. Приключение», «Странник».

В романе «Предки Калимероса» (Калимерос, кстати, это буквальный греческий перевод фамилии Бонапарт) рассказчик на гипногрифе отправляется в прошлое, в лагерь царя Филиппа, отца Александра Македонского. Вельтман задумывал и другой научно-фантастический роман, напоминающий в отдельных деталях «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена. Сохранился набросок плана произведения: «Алёнушка, дочь славянского царя Александра Великого, прозванного Македонским, об которой история ни слова не упоминает. Аттила узнал о существовании её и необыкновенной красоте, несмотря ни на какие препятствия и идёт через несколько веков в Вавилон. Там Александр Великий даёт пир и турниры, объявляя, что победитель будет супругом его дочери. Аттила приезжает, но видя, что съехались все великие древние мужи, о коих слава трубит уже несколько веков, идёт на хитрость: он выписывает русскую колдунью, ворожею на бобах да на решете, которая даёт ему совет, как победить всех. Говорит, чтобы он вызвал на поединок на пистолетах».

Такие дела Июнь, 2025:

1 июня: **Джонатан Джосс [Jonathan Joss]** (р. 22 декабря 1965), американский актёр кино и телевидения, исполнитель ролей в к/ф «Судная ночь навсегда», «Похищение чётвёртого рода», «Призрак внутри», в сериалах «Зачарованные», «Бриджуотер», озвучивал м/ф «Царь горы», «Дикая семейка Торнберри», «Покахонтас 2: Путешествие в Новый свет», «Лига справедливости: Без границ», видеоигры «Ходячие мертвецы: Мишонн», «Жизнь после», «Wasteland 3», «Киберпанк 2077: Призрачная свобода». 59 лет. (*Википедия*)

1 июня: **Валентина Фёдоровна Калиновская** (р. 21 июля 1938), советская и украинская балерина, балетмейстер, хореограф, педагог, исполнительница партий в балетах «Лебединое озеро», «Дон Кихот», «Лесная песня», «Каменный властелин», «Каменный цветок», «Шурале», роли в к/ф «Летающий корабль». 86 лет. (*Николай Подосокорский*)

1 июня: **Наталья Фёдоровна Милосердова** (р. 28 февраля 1951), киновед, сценарист, автор-составитель справочного издания «Кино России: новые имена (1986-1995)», многих статей и интервью с деятелями кино. 74 года. (*Николай Подосокорский*)

3 июня: **Евгений Дмитриевич Дога [Eugen Doga]** (р. 1 марта 1937), советский, молдавский и российский композитор, педагог и общественный деятель, автор балета «Лучайфэроль», музыки к спектаклям «Приключения светлячка», «Заколдованная булава», «Умение кидать мяч», к к/ф «Сказание о храбром витязе Фэт-Фрумосе», «Сказка как сказка», «Мария, Мирабела», «Лучайфэроль», «Мария, Мирабела в Транзистории», «Внимание, ведьмы!», «Кольца всевластия», «Золотая рыбка в городе N»,

к передаче «Этот фантастический мир». 88 лет. (*Николай Подосокорский*)

3 июня: **Валерий Матвеевич Панов (Шульман)** (р. 12 марта 1938), советский и израильский артист балета, педагог и балетмейстер, исполнитель партий в балетах «Лебединое озеро», «Семь красавиц», «Дафнис и Хлоя», «Петрушка», «Орфей», «Дон Кихот», «Спящая красавица», «Конёк-Горбунок», «Медный всадник», «Золушка», «Далёкая планета», «Страна чудес», «Гамлет», «Сотворение мира», постановщик балетов «Золушка», «Шехерезада», «Птерушка», «Тиль Уленшпигель», «Гамлет». 87 лет. (*Википедия*)

3 июня: **Эдмунд Валентайн Уайт III [Edmund Valentine White III]** (р. 13 января 1940), американский писатель, драматург и литературный критик, автор романа «Гарцевание», биографии Жана Жене. 85 лет. (*Дмитрий Волчек*)

7 июня: **Наталья Ивановна Потапова** (р. 12 февраля 1952), актриса театра и кино, исполнительница ролей в спектаклях «Приглашение на казнь», «Царь Максимилиан», «Двенадцатая ночь», в к/ф и сериалах «Созвездие Козлотора», «Армавир», «Молодой Волкодав», «Лучше, чем люди», «Света с того света», «Пищеблок», «По ту сторону смерти». 73 года. (*Википедия*)

7 июня: **Владимир Смутны [Vladimír Smutný]** (р. 13 июля 1942), чешский кинооператор, снял к/ф «Проклятие дома Хайннов», «Свадьба упырей», «Вий 3D», «Свет мира Вифлеема». 82 года. (*Wikipedia*)

8 июня: **Эва Ма́лгожата Да́лковская [Ewa Małgorzata Dałkowska]** (р. 10 апреля 1947), польская актриса театра, кино и телевидения, исполнительница ролей в к/ф «Больница Преображения», «Медиум», «Корчак», «Чёрное солнце», «Мистификация», «Тело», «Дыра в голове», «Переход». 78 лет. (*Википедия*)

9 июня: Кристофер (Крис) Браун Робинсон [Christopher (Chris) Brown Robinson] (р. 5 ноября 1938), американский актёр, режиссёр и сценарист, исполнитель ролей в к/ф «Чудовище из Проклятой пещеры», «Милая, милая Рейчел», «Стэнли», «Незваный гость», «Легенды с неба», «На краю сна», в сериалах «Час Альфреда Хичкока», «Путешествие на дно океана», «Захватчики», «Остров фантазий». 86 лет. (*Wikipedia*)

9 июня: Фредерик Маккарти Форсайт [Frederick McCarthy Forsyth] (р. 25 августа 1938), английский писатель и сценарист, автор романов «Поводырь», «Дьявольская альтернатива», «Посредник», «Икона», «Призрак Манхэттена». 86 лет. (*Николай Подосокорский*)

10 июня: Харрис Барт Голдберг (Харрис Юлин) [Harris Bart Goldberg (Harris Yulin)] (р. 5 ноября 1937), американский актёр театра, кино и телевидения, исполнитель ролей в к/ф «Легенда о деревенщине Джоне», «Верующие», «Плохие сны», «Охотники за привидениями 2», «Лох-Несс», «Множество», «Забери мою душу», в сериалах «Чудо-женщина», «Звёздный путь: Дальний космос 9», «Секретные материалы», «Баффи – истребительница вампиров», «Вечность». 87 лет. (*Википедия*)

12 июня: Морис Гофф Джи [Maurice Gough Gee] (р. 22 августа 1931), новозеландский писатель, автор циклов «Трилогия о соли», «Мир О», романа «Под горой». 93 года. (*Wikipedia*)

16 июня: Габриэла Амор Медина Эспиноса [Gabriela Amor Medina Espinoza] (р. 7 октября 1935), чилийская актриса и педагог, исполнительница ролей в сериалах «Корица кожи», «Плохие девчонки», «Граф Вролок», «Семейный резерв». 89 лет. (*Wikipedia*)

18 июня: Марк Алексис Мур Пиплоу [Mark Alexis More Peploe] (р. 24 февраля 1943), британ-

ский сценарист и режиссёр, автор сценариев к/ф «Флейтист-крысолох», «Самсон и Далила», «Боязнь темноты», «Маленький Будда». 82 года. (*Wikipedia*)

18 июня: Наталья Максимовна Тенякова (Юрская) (р. 3 июля 1944), актриса театра, кино, озвучивания и дубляжа, исполнительница ролей в телеспектаклях «Большая кошачья сказка», «Троил и Крессида», «Али-Баба и сорок разбойников», «По поводу Лысой певицы...», «Стулья». 80 лет. (*Николай Подосокорский*)

19 июня: Джек Филлмор Беттс [Jack Fillmore Betts] (р. 11 апреля 1929), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Электрический стул», «Мёртвые не умирают», «Смертельные игры», «Инопланетные мстители 2», «Бэтмен и Робин», «Могучие рейнджеры: Потерянная галактика», «Человек-паук», «Поезд смерти». 96 лет. (*Википедия*)

19 июня: Франсиску Куоку [Francisco Cuoco] (р. 29 ноября 1933), бразильский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Полубог», «Сарамандайя», «Роки-святоша», «Да поможет нам бог», «Дона Флор и два её мужа», «Близнецы», «Клон», «Поцелуй вампира», «Светило». 91 год. (*Википедия*)

19 июня: Гейлард Ли Сартейн-младший [Gailard Lee Sartain Jr.] (р. 18 сентября 1943), американский актёр, исполнитель ролей в фильмах и сериалах «Весь я», «Сделано в Раю», «Эрнест спасает Рождество», «Джинн без бутылки», «Песочный человек», «Притворщик», озвучивал м/ф «Симпсоны», «Царь горы», «Крутые бобры». 81 год. (*Wikipedia*)

21 июня: Валентина Илларионовна Талызина (р. 22 января 1935), актриса, исполнительница ролей в спектаклях «Жизнь Сент-Экзюпери», «Петербургские сновидения», «Пиковая дама», в к/ф «Кольца Альманзора», «Дульсинея Тобосская», «Гостья из будущего», «После дождичка, в четверг...». 90 лет. (*Николай Подосокорский*)

22 июня: Ассинг Леонард Гонсалес «Аки» Алеонг [Assing Leonard Gonzales “Aki” Aleong] (р. 19 декабря 1934), тринидадский и американский актёр, певец, сценарист, продюсер, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «За гранью возможного», «Дьявольский экспресс», «Люди-ящеры», «Воздушный волк», «Уличный ястреб», «Война миров», «Тёмный мститель», «Битва драконов», «Подводная Одиссея», «Вавилон 5», «Кунг-фу: Возрождение легенды», «Яремное вино: Вампирская одиссея», «Сила духа», «Вне веры: Правда или ложь», «Семь дней», «Город пришельцев», «Могучие рейнджеры: Дикий мир», «Фантастический боец», «Супергеройское кино», «Отряд безопасности по борьбе с паранормальными явлениями», «Клетка зомби-пришельца», «Похищение», «РобоЖенщина». 90 лет. (*Википедия*)

22 июня: Джозеф (Джо) Энтони Маринелли [Joseph (Joe) Anthony Marinelli] (р. 21 января 1957), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Они пришли из открытого космоса», «Человек и машина», «Невероятные приключения Билла и Теда», «Монтажная», «Агенты Щ.И.Т.». 68 лет. (*Википедия*)

22 июня: Арнальдо Помодоро [Arnaldo Pomodoro] (р. 23 июня 1926), итальянский скульптор, автор работ: «Сфера в сфере» в Ватикане, Дублине, Пезаро и др., Большой диск в Милане, Распятие Христа в Милуоки, Солнечный диск в Москве, «Барка» в Римини, «Триада» в Лугано, «Папирус» в Дармштадте, Сфера San Leo в Париже, Стрела в Париже, Арка в Тиволи, Банк Италии в Фраскати, Двойная дверь в Лугано, Скипетры в Лугано, Вращающаяся сфера в Ричмонде. 98 лет. (*Википедия*)

23 июня: Сюзан Бет Пфеффер [Susan Beth Pfeffer] (р. 17 февраля 1948), американская писательница, автор циклов «Последние выжившие», «Перемотать назад во вчерашний день»,

«Сара Кейт», сборника «Сказки призраков». 77 лет. (*Wikipedia*)

26 июня: Ричард (Рик) Дуглас Херст [Richard (Rick) Douglas Hurst] (р. 1 января 1946), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Девушка с чем-то особенным», «Человек на шесть миллионов долларов», «Кот из космоса», «Суперпоеzd», «Путь на небеса», «Звёздный человек», «Земные девушки легко доступны», «Дела семейные», «Гремучие змеи», «Возвращение землероек-убийц». 79 лет. (*Wikipedia*)

26 июня: Борис Клаудио (Лало) Шифрин [Boris Claudio (Lalo) Schifrin] (р. 21 июня 1932), аргентинский и американский джазовый пианист и композитор, автор музыки к к/ф и сериалам «Час Альфреда Хичкока», «Агенты А.Н.К.Л.», «Миссия невыполнима», «Психоаналитик президента», «THX 1138», «Фактор Нептуна», «Планета обезьян», «Маниту», «Кот из космоса», «Возвращение с Ведьминой горы», «Ужас Амитивилля», «Когда кончилось время», «Пещерный человек», «Амитивилль 2: Одержимость», «Звёздный корабль 1», «Кошмар на лондонском мосту», «Восход “Чёрной луны”». 93 года. (*Википедия*)

30 июня: Кеннет Колли [Kenneth Colley] (р. 7 декабря 1937), английский актёр кино и телевидения, постановщик к/ф «Приветствия», исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Ужас кровавого зверя», «Ръеса дня», «Артур Бритонский», «Зашитники», «Джабервоки», «Звёздные войны», «Когда разум спит», «Последний остров», «Последний поезд», «Охотники за древностями», «Отбросы». 87 лет. (*Википедия*)

30 июня: Джеймс (Джим) Чарлз Шутер [James (Jim) Charles Shooter] (р. 27 сентября 1951), американский писатель, редактор и издатель комиксов, автор циклов «Секретные войны», работал над сериями «Звёздные войны», «Легион супергероев»,

«Супермен», «Фантастическая четвёрка», «Семь» и др. 74 года. (*Википедия*)

R.I.P. – Дополнения:

11 января: **Джеймс МакИчин [James McEachin]** (р. 20 мая 1930), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Граундстарский заговор», «Карусель смерти», «Самурай», «Космическая одиссея 2010», «Угадайте, кто приедет на Рождество?», в сериалах «Человек на шесть миллионов долларов», «Человек-невидимка», «Бионическая женщина», «Бак Роджерс в двадцать пятом столетии». 94 года. (*Дэвид Лангфорд*)

9 февраля: **Мара Кордэй (Мэрилин Джоан Уоттс) [Mara Corday (Marilyn Joan Watts)]** (р. 3 января 1930), американская актриса, фотомодель и танцовщица, исполнительница ролей в к/ф «Френсис и девушки в форме», «Тарантул», «Чёрный скорпион», «Гигантский коготь». 95 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

5 марта: **Денис Александр [Denise Alexander]** (р. 11 ноября 1939), американская актриса, исполнительница ролей в сериалах «Том Корбетт, космический кадет», «Завеса», «Сумеречная зона», «Порт Чарльз». 85 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

4 апреля: **Тод Смит [Tod Smith]** (р. 4 октября 1952), американский художник, работавший над такими комиксами, как «Зелёный Шершень», «Мститель», «Миротворец», «Люди Омега», «Каратель», «Человек-паук», «Росомаха». 72 года. (*Дэвид Лангфорд*)

19 апреля: **Дэвид Лазер [David Lazer]** (р. 23 января 1936), американский продюсер, среди работ которого «Мэппет-шоу» (120 эпизодов в 1976-1981, плюс множество спин-оффов), «Тёмный кристалл», «Лабиринт». 89 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

24 апреля: **Джейкоб (Джек) Кац [Jacob (Jack) Katz]** (р. 27 сентября 1927), американский художник, автор нескольких десятков комиксов, в том числе цикла «Первое королевство». 97 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

27 апреля: **Молли Гиллам [Mollie Gillam]** (р. в 1923), английская любительница фантастики, подруга соучредителя SF Foundation Джорджа Хея. 101 год. (*Дэвид Лангфорд*)

1 мая: **Джексон «Бутч» Гайс [Jackson 'Butch' Guice]** (р. 27 июня 1961), американский художник, автор комиксов «Аквамен», «Супермен», «Чёрная пантера», «Капитан Америка», «Капитан Марвел», «Доктор Стрэндж», «Халк», «Железный человек», «Новые мутанты», «Тор», «Икс Фактор», «Чужой против Хищника», «Терминатор». 63 года. (*Дэвид Лангфорд*)

1 мая: **Чарльз Джозеф Склейс-младший (Чарли Склейс) [Charles Joseph Scalies Jr. (Charley Scalies)]** (р. 19 июля 1940), американский актёр, исполнитель роли в к/ф «12 обезьян». 84 года. (*Дэвид Лангфорд*)

2 мая: **Жан-Франсуа Дави [Jean-François Davy]** (р. 3 мая 1945), французский режиссёр, продюсер, сценарист и актёр, постановщик фильма «Порог пустоты», сопродюсер к/ф «Секрет Сары Томблайн». 79 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

2 мая: **Джеймс Карл Джобб (Джим Смит) [James Carl Jobb (Jim Smith)]** (р. 8 октября 1954), американский аниматор и музыкант, сценарист мультсериалов «Приключения мультишек», «Шоу Рена и Стимпи», работал над фильмами «Динозавры», «Настоящие охотники за привидениями», «Скуби-Ду! Легенда о Фантозавре». 70 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

3 мая: **Стивен (Стив) Роберт Пепун [Stephen (Steve) Robert Pepoon]** (р. 19 мая 1956), американский сценарист, автор сценариев к сериалам

«Симпсоны», «Дикая семейка Торнберри», «Альф», «Динозавры», «Смена образа жизни». 68 лет. (**Дэвид Лангфорд**)

5 мая: Чарлз Рейс Торсон Мэтьюз [Charles Race Thorson Mathews] (р. 27 марта 1935), американский фэн и политик, один из основателей Мельбурнского клуба научной фантастики, участник Ворлдконов. 90 лет. (**Дэвид Лангфорд**)

6 мая: Барри Брукс Лонгиер [Barry Brookes Longyear] (р. 12 мая 1942), американский писатель, автор циклов «Враг мой», «Мир Цирка», «Держатель бесконечности», романов «Море стекла», «Нагим пришёл робот», «Возвращение домой», «Божественная шкатулка». 82 года. (**Дэвид Лангфорд**)

6 мая: Стивен Эмиль Фабиан-старший [Stephen Emil Fabian Sr.] (р. 3 января 1930), американский художник, автор двух десятков альбомов, нескольких сотен иллюстраций и обложек. 95 лет. (**Дэвид Лангфорд**)

7 мая: Джо Дон Бейкер [Joe Don Baker] (р. 12 февраля 1936), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Проклятье горы демонов», «Стая», «Сумасшедший», «Леонард шестой», «Искры из глаз», «Золотой глаз», «Конго», «Марс атакует!», «Завтра не умрёт никогда». 89 лет. (**Дэвид Лангфорд**)

7 мая: Розанна Нортон [Rosanna Norton] (р. 1 октября 1944), американский художник по костюмам, участвовала в постановке к/ф и сериалов «Лемора: Детская сказка о сверхъестественном», «Призрак рая», «Кэрри», «Трон», «Аэроплан 2: Продолжение», «Исследователи», «Внутреннее пространство», «Гремлины 2: Новенькая партия», «Робокоп 2», «Домработница», «Ангелы у кромки моря», «Флинтстоуны», «Каспер», «Рыхлая кость», «Не называй меня

малышкой», «Ксенон: Девушка 21 века». 80 лет. (**Дэвид Лангфорд**)

9 мая: Питер Морвуд (Роберт Питер Смит) [Peter Morwood (Robert Peter Smith)] (р. 20 октября 1956), ирландский писатель, автор циклов «Сага об Альбане», «Космическая полиция» (с Дианой Дуэйн), «Сказки Древней Руси», «Войны кланов», сценариев сериалов и к/ф «Бэтмен», «Гаргульи», «Непобедимый Спайдермен», «Кольцо Нibelунгов». 68 лет. (**Дэвид Лангфорд**)

9 мая: Сэмюэл Френч [Samuel French] (р. 26 января 1980), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Бойтесь ходячих мертвецов», «Пегас: Волшебный пони», «Монстры внутри», «Руки, на которых засохла кровь». 45 лет. (**Дэвид Лангфорд**)

12 мая: Эрик Чарлз Макконнелл [Eric Charles McConnell] (р. 24 мая 1972), американский писатель и художник, автор комиксов DC и Marvel, в том числе собственного комикса «Remnant». 52 года. (**Дэвид Лангфорд**)

16 мая: Эндрю Майкл Стивенсон [Andrew Michael Stephenson] (р. 8 октября 1946), английский фэн, писатель и художник, автор романов «Ночной дозор», «Стена времён». 78 лет. (**Дэвид Лангфорд**)

17 мая: Гоун Грейнджер [Gawn Grainger] (р. 12 октября 1937), шотландский актёр, драматург и сценарист, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Доктор Кто», «Пьеса дня», «Потусторонний мир», «Полицейские во времени», «Духи Рождества», «Лабиринт». 87 лет. (**Дэвид Лангфорд**)

21 мая: Элла Мэй Смит [Ella Mae Smith] (р. 1 мая 1932), американская жительница Эванс-Сити, которая жила неподалёку от фермерского дома, где снимался фильм «Ночь живых мертвецов», и была

призвана вместе с мужем в армию зомби. 93 года.

(*Дэвид Лангфорд*)

27 мая: Эдвард (Эд) Гэйл [Edward (Ed) Gale] (р. 23 августа 1963), американский актёр и каскадёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Говард-утка», «Космические яйца», «Пятница 13», «Дела семейные», «Курочки-байкеры в городе зомби», «Мечтатель из страны Оз», «Земля исчезнувших», «Новые приключения Билла и Теда», «Мама и папа, спасите мир!», «Спасательный челнок», «Чудеса науки», «Сабрина – маленькая ведьма», «Третья планета от Солнца», «Полёт к Санта-Клаусу», «Приключения Роки и Буллвинкля», «Пиньыта: Остров демона», «Санта младший», «Фэйри», «Повелители теней», «Пандемоник». 61 год. (*Дэвид Лангфорд*)

27 мая: Питер Квон [Peter Kwong] (р. 9 апреля 1952), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Чудо-женщина», «Величайший американский герой», «Фарс», «Человек-животное», «Удивительные истории», «Большой переполох в маленьком Китае», «Золотой ребёнок», «Красавица и чудовище», «Теодор Рекс», «Кореша в космосе», «Династия драконов», «Кутис». 73 года. (*Дэвид Лангфорд*)

29 мая: Джек Мелтон «Джон» Бордман [Jack Melton “John” Boardman] (р. 8 сентября 1932), американский физик и астроном, основатель клуба научной фантастики в Чикагском университете, автор поэмы «Свет астероида», десятка рассказов, сотни статей и рецензий, издатель около двадцати фэнзи-нов. 92 года. (*Дэвид Лангфорд*)

Голоса из Сетей

1 июня:

Перебирая закладки в браузере, обнаружил, что пропустил одну неделю фантастических аннотаций. Исправлю досадное недоразумение. Тем более, что оно того стоит.

...В этом мире всё слегка бракованное: ведьмы кастрируют фамильяров...

...Историческое фэнтези о крушении моральных ценностей и выстраивании их заново <...> Твердая обложка, приятная на ощупь...

...Многочисленные враги никогда не упустят возможности отрезать кусок русской земли у её ослабевшего хозяина...

...В общем, с нами не скучно. Зато страшно и мерзко. Ну а как иначе? Космос не зря зовется жестоким!..

...Именно в Россию и едет из Парижа деланный маг Константин Урусов... [кем-чем?..]

...Сумасбродная затея обернулась попаданием в другой мир...

...Кастил Сноу – гениальный программист со всеми признаками психопата, безжалостный монстр и жестокий манипулятор. Он одержим мной – тихой художницей и девчонкой-ботаником. Я ненавижу Кастила, однако мой личный кошмар невероятно искусен в очаровании...

...Аарон Кинг – безумный социопат и наследник крупнейшей финансовой корпорации Англии. Я никогда не желала связываться с монстром, но он преследует меня, сводит с ума, наблюдает, заставляя играть для него на скрипке... [один автор, ага]

...Вот только на самом деле профессор оказался колдуном. Он заманил девушку в загородный дом,

чтобы использовать в качестве жертвы кровавого ритуала...

...микс тайского, индийского и китайского сеттинга – героиня, которая не опускает руки в любой ситуации. И герой, которым хочется сопереживать... а иногда набить лицо...

...Трое спецназовцев, столичный психолог и девчонка-сталкер не те люди, на кого можно положиться. Тебя одолевают мрачные мысли...

...«Десять негритят» встречаются с «Голодными играми» в интерактивном фантастическом детективе...

...Всё, что было важно, вдруг кануло в прошлое, и на место старым ценностям пришли иные смыслы...

...Николай Марчук «Задача будет выполнена! Только вперед» Пламя Третьей мировой войны польхнуло жарко и ярко! Объединенный Запад ударил первым, нанеся сокрушительный ракетно-бомбовый удар по Российской Федерации. Россия не пала, выстояла. Пришло время бить в ответ. Рота российских добровольцев уходит в рейд по глубоким тылам противника...

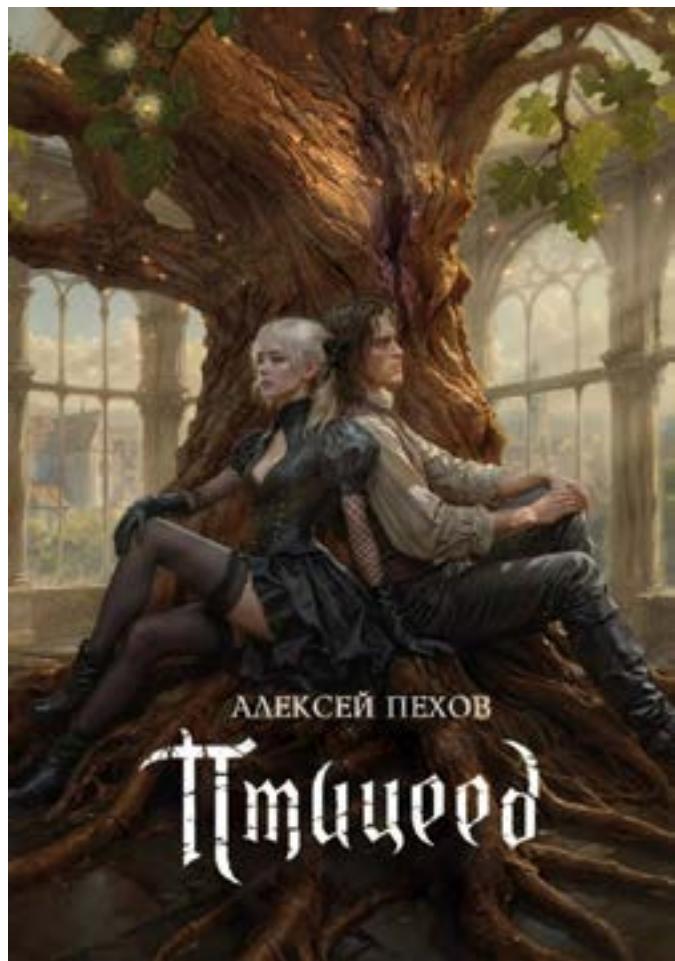
...Нетипичное пейзажное оформление. Цветные форзацы отражают главную метафору истории...

...Место, где куртизанки не просто радуют гостей своими талантами, но и выполняют тайные поручения, соревнуясь друг с другом в мастерстве убийц. Юная ученица быстро обнаруживает в себе талант к их техникам и начинает свой путь в число лучших куртизанок города...

...хитрый лис благородных кровей и угрюмый койот, прошедший горнило Первой мировой. Но даже им, бесстрашным агентам ВЧК, будет нелегко в затянутой кроваво-красным кумачом столице Советской России...

...Смогут ли холодная голова и горячее сердце предотвратить новый апокалипсис?.. [руки, руки забыли!]

Николай Караев

Послушал «Птицееда», который открывает новый цикл Алексея Пехова и Елены Бычковой – первый за достаточно долгое время. Роман именно вводный – погружает в мир, знакомит с героями,

закладывает основы конфликта. Все они интересны, и их представление здорово вплетено в весьма динамичное повествование. В общем, фундамент для цикла авторы заложили, по-моему, отличный, с нетерпением жду возможности увидеть, что они на нём построят далее.

Дмитрий Злотницкий

Некоторое время назад коллеги из большой Альпины спросили о первой книге, которая в детстве впечатлила меня по самое не могу. Выбирала между этой и медведем с липовой ногой, но у того нет собственного тома.

Корчак у меня, девушки престарелой, конечно, был в другом издании: с «Матиушем на необитаемом острове», «Когда я снова стану маленьким», педагогическими беседами и Дневником. Но позже мне подарили «Боевые дни», из-за которой я решила, что буду работать с книгами.

И если выбирать вечного спутника по Мережковскому, моим бы стал Николай Олейников. Как ни странно, именно из-за него много лет занималась только детской литературой.

Анастасия Шевченко

2 июня:

Екатерина Задирко

Интрига рассказывания: «Волны гасят ветер» Стругацких и «Солярис» Лема

Опубликовано в газете “Троицкий вариант – Наука”, номер 14 (208), июль 2016

Я решила побродить по архивам ТрВ-Наука. На сайте он ведется с 2008 года, поэтому пока будет только такая относительная свеженькая подборка.

Самое первое, что нашлось про Лема, – сопоставление “Соляриса” с “Волнами” Стругацких. По духу очень похоже на студенческую статью, выросшую из доклада на какой-нибудь тематической конференции. Автор сравнивает романы с точки зрения детективной интриги: какие ее элементы попали в текст и как они трансформировались для лучшего воплощения идеи (идей) обоих произведений. Все солидно, со ссылками на философов.

И Лем, и Стругацкие любили жанр детектива и интересно играли с ним. Поэтому если выбирать более очевидных кандидатов для сопоставления, то я бы скорее остановила свой выбор на “Насморке” и “Отеле “У погибшего альпиниста”.

Если все же сконцентрировать внимание на “Солярисе”, то, по-моему, вместо анализа главного героя как “неправильного” детектива, автору стоило сосредоточиться на сюжетной схеме романа. Лем использовал очень эффективный прием для мгновенного погружения читателя. У “Соляриса” идеальное детективное начало: нас резко, без лиш-

них расшариваний и пояснений, забрасывают на “место преступления”. И дальше мы вместе с Кельвином разгадываем тайну станции с помощью изучения улик, допроса свидетелей и т.д. Это настолько простая, но при этом захватывающая схема, что она используется в добной половине видеоигр в жанре космического хоррора: на станции что-то случилось – задача игрока выяснить и выжить. Эффективная простота начала романа – это дополнительный аргумент в пользу несостоятельности экранизации Сами-Знаете-Кого, который зачем-то добавил вступление на Земле, лишившее остроты первое знакомство зрителя с Солярисом.

Не могу сказать, что статья убедила меня в обоснованности сравнения конкретно этих двух романов Лема и Стругацких, но читать это было по крайней мере любопытно.

Инар Ис kennирова

По наводке дружественного телеграмма о Станиславе Леме увидел статью Екатерины Задирко «Интрига рассказывания: «Волны гасят ветер» Стругацких и «Солярис» Лема» 2016 года (примечательное совпадение: глаз выхватил из ленты фамилию автора, потому что буквально полчаса назад я смотрел по некоторой надобности состав поэтической антологии «Поэзия последнего времени»; мы с Екатериной Задирко оба в нем поучаствовали).

Статья занимательная, а меня там цепануло вот что:

Роман начинается с фразы, предполагающей дальнейшую ретроспекцию: «Меня зовут Максим Каммерер. Мне восемьдесят девять лет», между тем центральное место в повествовании занимает судьба Тойво, что заставляет относить автобиографический зачин не к Максиму-герою, а к повествователю.

Заинтересованное и непредвзятое рассказывание можно расценивать как поступок, придающий цельный смысл его биографии: «Я сказал. Всё, что мог, и всё, что сумел сказать».

Замечательно тут то, что АБС прямым текстом говорят в самом начале – и в самом конце, – что герой романа – это как раз Максим Каммерер. А что он рассказчик – ну так ровно поэтому он не всё может сказать, эта оговорка в finale неслучайна. Но фишька в том, что «Волны гасят ветер» – не о том, как Тойво стал люденом; они о том, как Максим остался человеком.

Николай Караев

К слову о переводе через третьи языки (а-ля Лю Цысингя и прочих китайцев с английского). Я знал эту историю, описал ее в той своей статье про китайскую НФ, но не полностью. И с ошибкой, увы, но что теперь, а полностью история изложена как раз в «Возникновении китайской научной фантастики» Натаниэля Айзексона.

Итак, великий китайский писатель Лу Синь начинал с того, что перевел на китайский – на смесь классического и современного китайского – роман Жюля Верна «С Земли на Луну...». В китайской версии он назывался 月界旅行, «Юэцзе луйсин», «Путешествие в лунный мир».

Лу Синь перевел роман Верна с японского. Потому что учился в Японии в медицинской школе и там наткнулся на эту книжку. Японский перевод был осуществлен Цутому Иноуэ (я почему-то назвал его Руйко Куроивой в статье, а почему? неуч...). Назывался он 九十七時二十分間月世界旅行, то есть почти точно как оригинал – «С Земли на Луну прямым путём за 97 часов 20 минут».

Цутому Иноуэ перевел роман Верна с английского. Мы не знаем, с какой именно версии. Вики-

педия сообщает, что с 1867 по 1877 год вышло минимум шесть английских переводов этой книги. Некоторые – в Америке. Айзексон пишет, что перевод Иноуэ был выполнен, видимо, с американской и не самой точной версии оригинала.

Итого – с французского на (американский) английский (французы, кстати, до сих пор различают перевод «с английского» и «с американского», у меня есть книжка английских рассказов Владимира Набокова на французском, так вот они traduit de l'américain – очень смешно), с английского на японский, с японского на китайский.

Что там осталось от оригинала? Скажем, Лу Синь вслед за Цутому Иноуэ решил, что Жюль Верн – англичанин. Лу Синь же «сократил роман с 28 глав до 14, отредактировал значительную часть содержания, особенно разделы, посвященные описанию новых изобретений и научному обоснованию их создания; наиболее заметным было то, что он привнес черты, характерные для жанра китайского классического многоглавного романа – повествовательные комментарии, которые дополняют главы, напоминают читателям о том, что недавно произошло, призывают читать дальше; многочисленные вставки стихов (!!!) для объяснения ключевых событий и эмоциональных состояний персонажей; добавление поэтического эпилога к каждой главе. Стихи были написаны в традиционной четырех-, пяти- или семисложной форме и состояли не более чем из одного четверостишия... Рассказчик в переводе Лу Синя заменен с повествования П. Арронакса от первого лица на всезнающего рассказчика» (Айзексон).

Оттуда же: «В конце пятой главы китайской адаптации есть поэтический эпилог, который преподносит перевод Верна в терминах философии Чжуан-цзы:

Цюцзю – плачет цикада,
Зная одно лишь лето.
Мудрецы-мыслители
Странствуют по космосу».

Это аллюзия на первую главу «Чжуан-цзы»:
Цикада весело говорила горлице: «Я могу легко вспорхнуть на ветку вяза, а иной раз не долетаю до нее и снова падаю на землю. Мыслимое ли дело – лететь на юг целых девяносто тысяч ли?»

а также:

С маленьким знанием не уразуметь большое знание. Короткий век не сравнится с долгим веком. Ну, а мы-то сами как знаем про это? Мушки-однодневки не ведают про смену дня и ночи. Цикада, живущая одно лето, не знает, что такое смена времен года. Вот вам «короткий век».

Китайская версия Лу Синя вышла в 1903 году. Японская версия Цутому Иноуэ – в 1880–1881-м. Англо-американская – непонятно когда с 1867 по 1877-й. Французский оригинал увидел свет в 1865-м. От Франции до Китая – всего-то 38 лет и весь земной шар.

В другой жизни я бы написал небольшую книжку, где сравнил бы версии Лу Синя и Цутому Иноуэ с оригиналом Жюля Верна, заодно переведя и откомментировав версию Лу Синя на русский. Но – в другой жизни. А сейчас уже пора спать.

Николай Караев

29 июня в Москве состоится уникальное событие – **День Дэвида Линча!** Кинокритики, культурологи, писатели и искусствоведы соберутся в одном месте, чтобы рассказать вам о разных гранях творчества великого режиссёра. Вы всё ещё не знаете, кто убил Лору Палмер и хотите узнать тайны Чёрного вигвама? Как понять сюрреалистические образы «Малхолланд Драйв» и «Синего бархата»? Почему в «Шоссе в никуда» звучит музыка Мэрилина

Мэнсона и Rammstein? Откуда черпал вдохновение всемирно известный мастер и как образы Линча живут в медиапространстве?

В программе Дня Дэвида Линча:

– Мастера современной хоррор-литературы – писатели **Александр Матюхин** и **Николай Романов** – прочтут грандиозную лекцию-диалог «Твин Пикс: что скрывает, и почему мы его боимся»;

– Автор YouTube-канала KinoKiller Reviews Дмитрий Овчинников разберёт по костям музыкальное оформление шедевра Линча «Шоссе в никуда»;

– Литературовед и специалист по готической литературе Ася Занегина поведает вам о книгах, которыми вдохновлялся Линч;

– От исследователя фантастики, библиографа, поэта и админа легендарного сайта «Фантлаб» Алексея Грибанова вы узнаете об истоках вдохновения и творческом наследии Дэвида Линча;

– Киноkritик и хоррор-эксперт Дмитрий Соколов расскажет о наследии Линча в видеоиграх;

– О Линче в культуре и медиапространстве вам расскажет ведущий книжного подкаста «Плотные бонвиваны» и автор проекта «Disgusting Men» Александр Леонтьев.

Также в программе: косплей по вселенной фильмов Дэвида Линча и конкурсы от просветительского проекта о хоррор-культуре Horror Production.

Успейте урвать свой билет до подорожания! Ну а если придёте на мероприятие в образе героя фильмов Дэвида Линча, вас ждёт особый подарок.

Ждём вас на Дне Дэвида Линча. И помните: «Совы не то, чем кажутся».

Дарья Бобылёва

Мария Руднева, «Похоронное бюро „Хэйзел и Смит“. Египетский переполох». Изд. Эксмо

Мистер Хэйзел и мистер Смит – не просто владельцы похоронного бюро, предлагающие полный пакет услуг, но и медиумы – они видят призраков и общаются с ними. И вот, отправившись к шотландскому лендуорду, оба вляпываются в неприятности: сначала таинственно погибает дворецкий, а потом пропадает важная реликвия – египетский анх, символ жизни. Если бы на этом проблемы кончились! Викторианский Лондон болен египто-

манией – то мумий на потеху богачам разворачивают, то начинают скучать редкости, то восхваляют силу древних культов. И, разбираясь с заказами в духе «похороните моего родственника в каменном саркофаге», Хэйзел и Смит впутываются в планы таинственного общества Осириса и расследуют череду странных убийств...

Новая книга Марии Рудневой продолжает историю двух очаровательных и харизматичных гробовщиков. Это один из тех романов, где персонажи настолько крадут внимание, что, в сущности, не обращаешь внимания уже ни на сюжет, ни на сеттинг, ни на манеру повествования. Хотя все здесь отшлифовано – в особенности египетская составляющая, которая, при всем внимании к деталям, не перебивает английскую. «Похоронная бюро» – книга поистине викторианская, но не столько в рюшечно-эстетическом смысле, сколько в авантюрно-приключенческом. Это весьма ироничный роман, такая смесь вольной экранизации историй о Джеке Потрошителе, постановки одной из пьес Оскара Уайльда и классической «Мумии». То, что начинается как герметический детектив, внезапно

становится сперва набором остроумных ситуаций-анекдотов из посещений причудливых клиентов гробовщиков, а потом – масштабным детективным экшеном, от которого зависит судьба Лондона и всех его жителей. Хотя в первую очередь – всех его не-жителей.

Но, безусловно, есть у этого романа и смысловой лейтмотив, не связанный напрямую ни с викторианщиной, ни с Древним Египтом. Более, как положено, универсальный. Второй том «Похоронного бюро» – история о гнетущем одиночестве, которое что для живых, что для мертвцев, уж простите случайный каламбур, смертельно. Оно постращнее любой египетской хтони и неуловимы убийц – постепенно отравляет и заставляет усомниться в смысле жизни «по эту сторону», зачем-то ища ответы «по ту».

А там, может статься, их и нет вовсе.

Денис Лукьянов

Очередная пятиминутка совершенно бесполезной для вас информации.

1. Самуил Лурье в книге «Изломанный аршин» пишет: «Ну-ка, дети, назовите это существительное – которое, будучи обтянуто эпитетом “заплатанный”, превращается в образец народного искусства. Не вижу поднятых рук. Давайте подойдём с другой стороны: Н. В. Гоголь творил в условиях цензурного гнёта; что, если он ради конспирации подменил прилагательное? каким-нибудь, знаете, синонимом – близким-преблизким... Совершенно верно: подставив на место заплатанного – штопаный, мы действительно получаем идиому, дожившую в языке до наших дней, – она обозначает крайнюю степень общественной бесполезности человека.

Следовательно, искомое существительное – вдохновившее классика на незабываемый гимн

в честь русского языка, – прочитаем-ка его ещё раз все вместе, хором:

– ...Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово...

Оно, значит, образовано от имени одного английского придворного доктора и является названием изобретённого им (для короля Карла II, 1630–1685) специального колпачка.

Так русский крестьянин, дети, увековечил свое-го заступника».

Нет, дети, не верьте Самуилу Лурье, он в этом месте совершенно неубедителен.

Да откуда нищий русский крестьянин взял бы слово «гондон», да ещё стал бы пользоваться им в связке с прилагательным.

Он этого гондона не видел никогда.

2. «Конёк-горбунок» – это один из самых странных национальных сюжетов. В нём сосредоточено множество разных тем, включая жестокость самой сказки. И не только потому, что там сварился царь.

Кстати, хорошо бы пересказать этот сюжет от лица царя, обречённого на смерть.

Между тем, в «Коньке-Горбунке» говорится: «Надо, царь, мне два корыта белоярова пшена да заморского вина». Интересно, что это за «заморское вино» имеется в виду?

Или, иначе: что представлял читатель, слыша эти слова в тридцатые годы XIX века? Но конечно без безумств типа «он фармазон, он пьёт одно стаканом красное вино». Это есть у Лотмана, в знаменитой книге комментариев, но это не вносит ясности в кормление животных.

3. Этот пункт я добавил для ровного счёта, потому что три перста крест кладут.

Владимир Березин

Встречал тут мнение, что для детей надо писать **ложе** попроще. В смысле – без отсылок к жизненному опыту, которого нет. Без аллюзий всяческих.

Зато уж если писать страшилки, так чтобы все понятно было. Чтобы кровища рекой и кости хрустели. Чтоб язык к зубам примерзал.

Согласен полностью. На все 360 градусов.

Однако в книжке «Всем спать. Страшных снов» есть одна история. Про близнецов, которые однажды ночью слышат голос старшего брата. Он умер сразу после рождения. И вот теперь ему 13. И вот он приглашает их на вечеринку. В смысле, на тот свет.

У него даже имени нету. Он просто «Третий».

Многим (еще по аудиорассказу) запомнился этот чудный стишок:

«10, 9, 8, 7,
умирать придется всем.
7, 6, 5, 4, 3,
смерть у каждого внутри».

Таки я вам скажу, ничего страшнее я не писал. Хоть и без монстров.

Сборник между тем пережил уже несколько до-птиражей, чего и всем остальным желает.

Александр Егоров

На «ФантЛабе» есть замечательный алгоритм, который подбирает к биографиям авторов «похожих писателей» – видимо, на основании близости оценок лаборантов, как там технически все устроено не знаю. Но угадать, в чем сходство, невозможно в принципе. Вот, например, попробуйте догадаться, что за автор смахивает одновременно на Роберта Хайнлайна, Филипа Дика, Шамиля Идиатуллина,

Похожие авторы:

Роберт
Хайнлайн
★ 8.23

Кир Булычев
★ 8.38

Роберт Шекли
★ 8.05

Шамиль
Идиатуллин
★ 7.08

Филип Дик
★ 8.01

Александр
Беляев
★ 8.06

Джон
Кэмпбелла
★ 7.94

Александр
Абрамов
★ 7.26

Владимир
Михайлов
★ 7.39

Василий
Головачев
★ 6.86

Андрей
Дмитрук
★ 6.66

Олег Берсенев
★ 7.14

Георгий
Мартынов
★ 7.6

Евгений
Филенко
★ 7.65

Михаил Емцов
★ 6.96

Аркадий и
Борис
Стругацкие
★ 8.55

Александра Беляева и Василия Головачева. Я бы не смог.

Правильный ответ:

Александр Мирер

Кто бы мог подумать.

Василий Владишицкий

3 июня:

У нашего автора Юй Сы (новелла «Золотая клетка») выходит новинка книги под названием «Демонология Китая. Летающие мертвецы, ежи-искусители и департаменты Ада»!

Юй Сы, она же Алиса Атарова, – профессиональный китаист и переводчик, востоковед, выпускница НИУ ВШЭ и Университета Уи (г. Уишань).

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ТЁМНЫЙ КИТАЙ!

Уникальная антология демонов, духов, нечисти и монстров китайской мифологии – под одной обложкой собрано более 130 существ фольклора Китая от древности до современности. Впервые на русский язык были переведены десятки древних трактатов и рукописей и собраны описания демонов, а также приведены «практические» лайфхаки, как от них сбежать или победить.

Книга делится на две части: древняя демонология и современная – и во второй части вы найдете страшилки и народные легенды нынешнего Китая и узнаете, как трансформировалась мифология в XXI веке.

А еще вас ждут потрясающие иллюстрации художницы Plus+, от которых стынет кровь в жилах – и такие же жуткие истории!

Евгения Сафонова

Екатерина Звонцова, «Желтые цветы для желтого императора». Изд. «Эксмо»

Новый роман Екатерины Звонцовой – политический триллер в азиатских фэнтези-декорациях; вместо шпионов тут обычные люди, вместо опасного секретного оружия – волшебные вишни и волшебники, глушащие свою силу. Центральный, если угодно, каст романа – все равно что команда Джеймсов Бондов, которые иногда берут хитростью, иногда – силой, а иногда просто готовы постоять в красивой позе ради хорошего постера (зачеркнуто) фанарта. И все это в особом антураже: да, действие романа разворачивается в мире Тысячи правил, уже знакомом читателю по «Это я тебя убила», но если тот роман был разросшейся античной легендой, то этот – словно аниме из конца 90-х: от общего настроения до сцен сражений, характеров героев и центрального в этой книге, уже излюбленного

Звонцовой тропа «обретенной семьи». Вот и получается что-то среднее между психологическим романом, пробивающим на слезы, и отличной полнометражкой аниме, от которой невозможно оторваться, а рисовку сидишь да смакуешь. В случае «Желтых цветов», рисовка, конечно, – это не только уже фирменный авторский стиль, но и живописный мир: река с дурманящими водами и живые растения, способные, подобно иве из «Гарри Поттера», опутать корнями и утащить под землю.

Однако перекликается книга и с «Серебряной клятвой» Звонцовой. Автор вновь перерабатывает исторические события как цемент, держащий фэнтези-фундамент. В этот раз таким стройматериалом становится не Смута, а Реставрация Мэйдзи. Но Екатерина Звонцова, как всегда, уделяет внимание не только бесконечным деталям эпохи (от быта до манеры речи), но и ее глобальному нарративу – какие конфликты определяли исторический период, ставший подспорьем фэнтези? Вот и выходит, что в «Желтых цветах» западное сталкивается с восточным, свое – с чужим, прогресс (отчасти навязанный) с традициями (отчасти устаревшими). И происходящее кажется каким-то бессмысленным и беспощадным, но именно из такой беспощадной бессмыслицы рождается новое.

Звонцова точно знает, кто меняет историю – пасционарии из совершенно разных слоев общества.

Денис Лукьянов

Фоточки с Торжественного обеда Большой книги, где объявляли шорт-лист, и селфи с Владимиром Березиным, автором «СНТ», которое для меня стало главной книгой прошедшего года.

Поскольку я в этом году и в лонге не была и вообще ничего не написала, поводов для волнения не было, чисто повидать знакомых и вообще по-

присутствовать в присутственном месте, за что спасибо организаторам Большой книги и Татьяне Восковской в первую очередь. Очень рада за Елену Евгеньевну Левкиевскую, мою путеводную звезду в мире фольклористики, Веру Богданову и Эдуарда Веркина, вошедших в короткий список. И за кого-то еще, возможно, тоже рада, но с тамошней акустикой только их из радующих расслышала.

А мы увидимся на Книгах на Красной площади уже завтра в 18.00 на презентации сборника «16 поездок».

Боже, как я хочу неделю полежать в кустах одна.
Дарья Бобылёва

4 июня:

Очередная пятиминутка совершенно бесполезной для вас информации.

1. При прежней власти я ещё застал традицию, идущую от пишущих машинок, использовать вместо «V» букву «У», а «I» замещать «1». Вот где было веселье.

2. Заговорили о братьях Стругацких, в частности о знаменитой повести «Понедельник начинается в субботу». Там есть небольшой эпизод, когда герою попадает в руки Неразменный пятак. Герой совершает несколько покупок, но потом попадает в милицию, и пятак изымают.

Повесть написана в тот момент, когда только что прошла хрущёвская денежная реформа, когда переменили все деньги, кроме самых мелких, которые в народе по-прежнему называли «медными»: копейки, двухкопеечные и трёхкопеечные монеты. Иногда монету в три копейки звали «алтын». Это было редко, но чуть чаще монету достоинством в 15 копеек звали «пятиалтынный». Я сам это слышал от пожилых людей, точно так же, как 10 копеек называли «гривенником», а 20 – «двугривенным». Слово «полтинник» дожило до наших дней, кажется, только из-за обилия косвенных значений.

Пятак старого образца был изъят.

Но я отвлёкся. Мотив странствующих денег есть во многих книгах: в «Повести о полуполтиннике» Новикова, у Бестужева-Марлинского в «Истории серебряного рубля» и «Фальшивом купоне» Льва Толстого. Даже у Тэффи есть рассказ «Чёртов рублик». Речь идёт не сколько о неразменности, сколько о возможности рассказывать про разных людей, которые получают и передают эстафетную палочку.

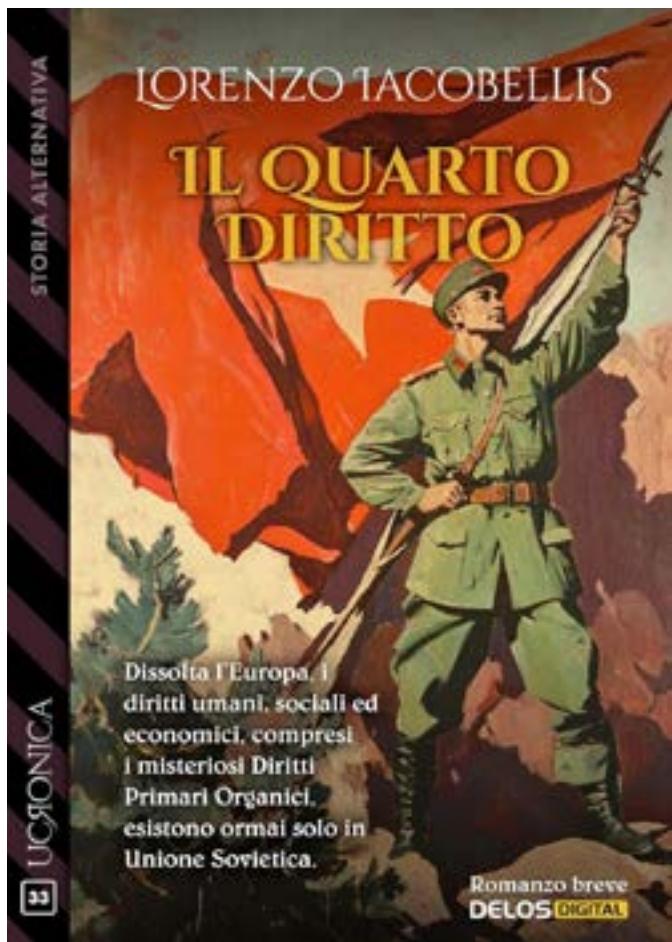
Собственно, так сделан и фильм «Копейка», где речь идёт об автомобиле «Жигули».

Нет ничего более универсального, передающегося из рук в руки, чем деньги – пока не изобрели электронные платежи.

3. Этот пункт я добавил для ровного счёта, потому что за двух поработаешь – за трёх поешь.

Владимир Березин

5 июня:

А если кто-то думает, что только на территории бывшего СССР льют по нему слезы, вот вам свежая итальянская НФ от Лоренцо Иакобеллиса, «Четвертое право», о том, что в 1989 году ЕС весь распался на трясти, гнетомые капиталистической Компанией, так что герой-генетик с товарищем вынуждены бежать в единственную по-настоящему свободную страну мира – Союз Советских Социалистических

Республик, где у каждого есть не только права человека, социальные права и общественные права, но и – «загадочные», пишет нам аннотация, – Первичные Органические Права. Даже интересно, что там внутри – утопия или наоборот. Как-то обложка немного по-сорокински выглядит.

Николай Караев

Господи, я всю жизнь бился над одной загадкой, а ответ уже столько лет перед глазами.

Изучаю тут в редкие свободные минуты по капле журнал комиксов Metal Hurlant, его свежую английскую версию (с французским надо напрягаться, в словарь лазить, а с английским, thank goodness, уже не надо, ну то есть – надо, но редко). И вычитал там вот что: когда Metal Hurlant запустили, в декабре 1974 года, он быстро стал во Франции культовым, и его основатели – святая троица французского комикса Жиро, Дионне и Дрюйе – стали ковать железо, пока горячо. В Германии, скажем, с 1980 года выходил лицензированный клон Schwermetall (дотянул до 1999 года). А в Италии комиксы французов стали оперативно печатать в журнале Alterlinus, который запустили чуть раньше, в январе 1974-го, и который дожил до 1986-го, дважды сменив название.

И вот сделку между Metal Hurlant и Alterlinus продвинул один итальянец. Он был кинематографист, заядлый читатель комиксов и подписчик Metal Hurlant.

Его звали Федерико Феллини.

И если какой-нибудь полный интеллектуал будет при вас говорить плохое о комиксах и смотреть на вас как на полуинтеллектуалов, швырните ему в лицо этот факт. Посмотрите на реакцию. Добейте, сказав, что Феллини дружил с Жаном Жиро, то есть Мёбиусом.

Николай Караев

А вот эти красавцы – Жиро и Феллини – вместе.

Николай Караев

А, ну и насчет загадки. Я с тех пор, как посмотрел в школе «Казанову» Феллини, не мог понять, отчего там алхимика зовут «доктор Мёбиус». Никакого отношения к Августу Фердинанду Мёбиусу (1790–1868), немецкому математику и астроному, открывшему топологический объект, известный как лист Мёбиуса, этот алхимик не имеет. Но разгадка – вот она. В письме Жану Жиро от 1979 года Феллини пишет, что назвал персонажа в его честь – и его псевдонимом, «Мёбиус». А вот Жан Жиро назывался так явно по листу Мёбиуса, который, как известно, обладает односторонней поверхностью, но вкладывается в трехмерное пространство без самопересечения. И если отправиться вдоль этого листа из точки А, ты пройдешь весь путь и вернешься в ту же точку, побывав по обе стороны листа/ленты. Чем не «Герметический гараж», в самом деле.

Николай Караев

Алексей Караваев наконец выпустит первую (я так понимаю) часть «Краткой истории советской фантастики» – и эта часть будет про 1917–1931 годы (обложка Сергея Шикина). Что отрадно, потому как тот период – один из наименее проработанных, по-соперничать с ним могут лишь 30-е и 40-е. Планетолеты, динозавры, алеют в небе письмена, и на обломках алф-центавры напишут наши имена.

Николай Караваев

7 июня:

МИХАИЛ САВЕЛИЧЕВ

Бологое

К столетию Аркадия Натановича Стругацкого фантик Михаил Савеличев публикует в «Ридеро» роман «Бологое»:

Два дьявольски талантливых писателя-фантика Аркадий и Борис Рубацкие, один из которых проживает в Москве, а другой в Ленинграде, встречаются в городке Бологое, чтобы в кафе «У Бори и Аркаши» написать свою очередную повесть. Однако внешние обстоятельства, весьма фантастические,

постоянно отвлекают их от творчества, ввергая в череду неназначенных встреч и невероятных приключений.

Двойной братский фейспалм на обложке примерно отражает мои чувства по этому поводу. И, да, не читая. Дурацких «Рубацких», кафе «У Бори и Аркаши» и череды невероятных приключений (это как фантаст Щербаков говорил Аркадию, что ли, мол, хватит всякую фигню написать, а вот написали-ка бы вы о приключениях на планете Плутон!) достаточно.

Николай Караев

Свой новый роман, *Written on the Dark*, Кей написал, опираясь на историю Столетней войны. В ее фэнтезийной версии события, разделенные в реальности порядочным временем, автор «спресовал» в небольшой промежуток времени. В романе нашли отражения и война арманьяков и бургиньонов, и история Жанны д'Арк, и битва при Азенкуре, а еще здесь масштабные события переплетаются с судьбой поэта, вдохновленного Франсуа Вийоном.

Ждал книгу с нетерпением и прочел с большим удовольствием. Стиль Кея великолепен, он прекрасно создает фэнтезийное отражение эпохи Столетней войны, выписывает очень ярких персонажей и предлагает интересные альтернативные сценарии исторических событий. Но все же книга полюбилась мне не так сильно, как например, «Львы Аль-Рассана», «Звездная река» или «Блеск минувших дней». Основной конфликт, на мой взгляд, получился недостаточно напряженным, и романы недостает сильных образов выдающихся людей, которые стоят у самых вершин власти и сами направляют, насколько это вообще возможно для человека, ход истории.

Дмитрий Злотницкий

8 июня:

Меж тем мне тут продолжают сны показывать. Давайте расскажу.

Снится мне, что посмертие и будущая жизнь напрямую зависят от последней фразы, сказанной перед смертью. Ну то есть большая часть фраз в этом смысле неинтересны – ибо равным образом ведут к очередному перерождению и «Ich sterbe», и «We're fucked». Кстати, это, кажется, первый в жизни сон, приснившийся мне на английском, но это-то ладно.

Однако бывает интереснее. И вот один палеонтолог погибает, а его последней фразой было «вау, как интересно, ти-рекс!» Как он погибает, кстати, не вполне понятно – в его памяти совмещаются два взаимоисключающих, хоть и схожих сценария: в одном его заваливает сползшим пластом грунта на раскопе, а в другом на него падают тяжеленные кости со шкафа в университете.

В любом случае, в следующей жизни он – правильно, тираннозавр. Все знания из прошлой

жизни – при нём. Мезозойская эра – вокруг, изучай! Ну, правда, есть ограничения. Передние лапки маленькие и не дофига подвижные, тушка большая и кормить её надо регулярно, а ещё вокруг – никого, никого разумного! Да, кстати, с речью тоже так себе, ибо ротовой аппарат категорически не приспособлен для.

Палеонтолог решает, что как минимум попробовать стоит. Выбирает сравнительно травянистую местность, выходит туда и каждый день какое-то время вытаптывает надпись: дескать, хелл ми, я тирекс сапиенс, ищу собратьев по извилинам.

Долго ли, коротко ли, но в итоге в очередной раз наблюдает наш разумный, хоть уже и сильно озверевший (а кто бы не) тирекс мелкого археоптерикса, летающего над текстом. С одной стороны, можно бы сожрать, с другой – раз уж завёл себе привычку, надо придерживаться. И пошёл по нахоженному маршруту. Археоптерикс явно возбудился, в итоге просто сел тирексу на голову и стал чирикать. Чириканье, что характерно, было хоть и не то чтобы офигеть разборчивым, но явно осмысленным. Даже отдельные слова различить можно было. «Ры-ры! – грустно ответил тирекс. – Ры-ры!»

Комочек перьев меж тем не растерялся, взял прутик и, как мог, начал писать. Английские буквы и их аналог на морзянке. Зубы-то у тирекса есть, щёлкать можно! Дело пошло на лад. Так что познакомились, заговорились – выяснилось, что археоптериксом стала одна орнитология, с примерно похожей историей. «Ох, – говорит палеонтолог, – как же хорошо, что я тебя не съел-то!» «Цивилизация, – поучительно чирикает она, – как раз и начинается с момента, когда пообщаться с другим важнее, чем сожрать!»

В процессе долгой беседы, однако, оказывается очевидно, что сожрать археоптериксу есть и ещё желающие. Причём как-то вот неприятно много. Тираннозавр, отбивший атаку, в некотором ужасе от того, что он может утратить только чтообретённую собеседницу, предложил: «А давай сплетём такую клетку, я её на шею повешу – и никто точно тебя не тронет! А еду я уж точно на двоих наохочу, вообще не проблема». Подумала археоптерикса и подытожила: «Цивилизация, продолжается с момента, когда мы меняем часть свободы на часть безопасности...» После чего в четыре лапки, клюв и пасть они, хоть и не сразу, но что-то типа клетки сплели: птерикса при том в любую минуту вылететь могла, а вот чтобы её выковырять... ну, надо пообщаться с тирексом, как-то охотники на такое в очереди не стоят.

Задружились они. Кстати, сотрудничество – как всегда бывает – полезнее автономии: птерикса могла сверху посмотреть, что где пасётся, ну а дальше уже дело техники. Побеседовать, опять-таки, есть с кем – хоть бы вот о судьбах цивилизации, ну да, ну да. Тирекс свои прогулки по лугу не забросил, но вот других сапиенсов не обнаружилось.

И жить бы им поживать, если бы не грёбаный метеорит сравнительно вблизи. Ну, оба с высшим образованием и неплохим соображением, оба, в общем, понимают недалёкие перспективы, потому что далёких как-то не просматривается.

Лёг тирекс на землю, прикрыл птериксу, как мог, простучал зубами ей на прощание: «Выживи, пожалуйста, ты умнее меня». И ещё успел услышать в ответ чириканье: «Не смогу. А цивилизация заканчивается тогда, когда нам некому передать важное...»

Танда Луговская

Я страшно рад, честно скажу, но особенно, если такое возможно, рад за Яну Вагнер, у которой вчерашний «Русский детектив» – первая в жизни премия за книгу. Представляете? У Яны-то. Первая.

Ну да лиха беда начало.

Шамиль Идиатуллин

Довольно давно эту мысль думаю, сейчас на фоне тотального недосыпа (4-5 часов в день урывками как-то маловато уже в мои годы, но во время обострения гайморита у меня каждый раз так) новое в голову не лезет. Что-то даже успел сказать в выпуске (<https://fantcast.mave.digital/ep-53>) «Фант-Каста» о «цветной волне», но его, понятное дело, не все слушали. Так что повторюсь.

Мысель, в общем, не сложная: «не мы такие, жизнь такая» ©. В смысле, в том, что «цветная волна» ушла в этногенезы-метро-сточкеры и не вер-

нулась (ну, кто-то возвращается спустя 10-15 лет, но очень неуверенно и далеко не все), виноваты не «межавторские проекты» как таковые, а общий вектор развития.

Так-то «проекты» на русскоязычном пространстве появились еще в ранние 1990-е, та же «конина» например – романы-фанфики про Конана. Много кто в этих проектах с голодухи участвовал, и ничего не помешало потом вернуться к оригинальным романам, а в некоторых случаях даже преуспеть (говорю, конечно, не про качество текстов, а про сам факт). Семёнова, Хаецкая, Перумов – все «конине» отдали дань, и никаких проблем. Нормальная литературная поденщина, ничем не хуже литобработки ФЛПшных переводов, например. Начинающего писателя может даже чему-то научить – скажем, не бояться длинных текстов. Зрелого писателя, конечно, ничему уже не научит, зато это гарантированный кусок хлеба, деньги на ремонт, возможностьставить выбитые зубы, все такое. Закрылся проект – ну, ничего страшного, у меня своих собственных планов громадье, пойду реализовывать.

А вот с «цветной волной» неудобно получилось: они ушли в проекты из процветающей фантастики, а вернулись, когда лафа кончилась, буквально на выжженную землю. Когда лавэ в проектах начинали крутиться, то есть в конце нулевых, выходило четыре-пять русскоязычных жанровых журналов («Если», «Полдень», «Реальность фантастики», «Мир фантастики», «FANTАСТИКА»). Плюс каждый месяц – две-три-четыре тематических антологий. То есть спрос на толковых авторов рассказов был высокий, а «цветная волна» как раз рассказы в основном и писала по фану. Когда вернулись – журналы позакрывались почти все, бум антологий сошел на нет. «Эксмо» и «АСТ», тогда еще по отдельности, перегрели рынок и выпоттали антологическую поляну

до скального основания: помню, как эти книжки паллетами громоздились на складах у Трех Вокзалов, где торговали всяким книжным неликвидом по 20-30-50 рублей. (Грешен, тоже приложил руку к вытаптыванию, составил тогда полдюжины антологий сольно, а также совместно с покойным ныне Витей Точиновым и другими людьми – ну, книжки получились не худшими в линейке, это меня немногого извиняет). Куда писать рассказы, зачем – совершенно непонятно. Разве что для «Рваной грелки», как в старые добрые времена, но после нескольких десятков журнальных и книжных публикаций это уже не то.

С романами еще хуже. «Цветная волна» крупную форму не очень любила, в проектах ребят и девчат привлекли финансовые условия и высокие тиражи. А теперь тебе, значит, говорят: на, держи 50-70 тысяч гонорара за оригинальный роман, напечатаем две-три тысячи экземпляров, а если хорошо пойдет – то и все пять тысяч, через пару лет распродадим. Хотя ты только что в соседнем окошке получал 300К, 500К, 1млн за текст, сваянный на драйве по чужому сеттингу за пару месяцев. Понятно, что материальной мотивации при таком контрасте ноль. Ну, кто-то продолжил писать романы уже не для продажи, «для себя» – но медленно и печально, три года, пять лет. Большинство просто забило. Фиг знает, может, при других обстоятельствах карьера Шаинян, Колодана, Брочека, Бортниковой и прочих сложилась бы иначе и упоминание межавторских проектов меня бы не так триггерило. Но жизнь такова, какова она есть – и больше никакова.

Василий Владимирский

9 июня:

К ценным рассуждениям Васи Владимирского:

в том, что «цветная волна» ушла в этногенезы-метро-сточки и не вернулась (ну, кто-то возвращается спустя 10-15 лет, но очень неуверенно и далеко не все), виноваты не «межавторские проекты» как таковые, а общий вектор развития

– добавлю банальное, но континтутивное наблюдение, высказанное уже не помню кем: фантастика исторически развивалась именно там, где был рынок (не обязательно капиталистический) для короткой формы.

Вася примерно об этом и пишет: когда «цветная волна» вернулась из проектов, ее ноги были в грязи рынок для любимой этими авторами короткой формы сильно сократился, если не кончился.

Вместе с тем я бы не ставил и вопроса «кто виноват». Можно ли винить автора, что он ушел туда, где много платят? Что он пишет то, что там нужно, а не то, что хотел бы (или находит тут искупительный психологический компромисс)? Винить – нет, что у нас тут, товарищеский суд, что ли. Это выбор. Причем индивидуальный, обстоятельства разные, но, насколько я знаю, никто тут не родился с серебряной ложкой во рту, варьируется только степень бедности. У меня всё еще хуже – я в основном писал и пишу совсем не то, что вот хочу, правда, это «совсем не то» исключает фикшн (а включает аналитику, переводы, журналистику, эссе и прочее); это тоже мой выбор. Он плачевный, но что делать, так сложилось и пока складывается.

Вот и с «цветной волной»: сигнал был подан, и выстрел был дан, и выбор был сделан – податься в проекты. Личное дело автора – что он об этом выборе думает (и был ли выбор вообще). Если что, Там спросят и разберутся. А дело читателя – печалиться о несостоявшемся. Но такого несостоявшегося в литературе, в том числе в фантастике, – горы. От недописанного до недодуманного.

Короче, как говорил Набоков одной студентке, «жизнь прекрасна, жизнь печальна, вот и всё, что вам нужно знать».

Николай Караев

Наткнулась на YouTube на небольшое видео (<https://www.youtube.com/watch?v=uu5Ved7J-1o>) о «Солярисе». Качество подачи скромное, но интересные моменты в рассуждениях автора, по-моему, искупают это. Основная тема ролика – разбор романа с точки зрения психологии травмы. Такой подход напрашивается сам собой, хотя Лем, наверное, поворчал бы, что в очередной раз кто-то обращает внимание “не на то”.

Очевидно, что на Солярисе Кельвин заново переживает травму, связанную с самоубийством его жены. Интересной в ролике мне показалась мысль, что благодаря столкновению с созданиями Океана главный герой наконец избавляется от чувства вины, с которым он жил все эти годы. Избавившись от вины ему помогает понимание и признание независимости и индивидуальности Хари-гостьи, а через нее и давно умершей жены. Кельвин осознает, что они обе были не подконтрольными ему, а самостоятельными личностями, поэтому ответственность за свои решения несут в первую очередь они, а не он. Благодаря этому вина за случившееся уходит, и остается только чистое горе, которое герой принимает как часть себя и с которым ему предстоит учиться жить дальше.

Впрочем, самый интересный для меня вопрос, затронутый в ролике, – было ли самоубийство Хари на станции проявлением ее самостоятельности или всего лишь повторением того, что было сделано оригиналом годами ранее? Автор придерживается той точки зрения, что самоубийство как раз было радикальным способом утверждения ее индивиду-

альности. Я с этим согласна, но вообще-то, вопрос этот дискуссионный. Подвешу его пока до следующего подходящего момента.

Инна Ис kennирова

Прием, заставляющий героя раз за разом переживать один и тот же день или иной кусок жизни, *а то и всю жизнь*, получил массовую известность благодаря фильму «День сурка» (1993). Прием был, конечно, не новым: достаточно сказать, что минимум два американских писателя, Ричард Лупофф и Леон Арден, пытались засудить создателей фильма за плагиат. Советские же зрители резонно указывали на первенство фильма «Зеркало для героя» по одноименной повести Святослава Рыбаса (1983).

На самом деле троп «начни сначала» стал страшно популярным в англо-американской фантастике еще в середине XX века с подачи Малколма Джеймисона (рассказ *Doubled and Redoubled*, 1941) и Роберта Хайнлайна (рассказ «По собственным следам», 1941). А восходит он, что характерно, не только к беллетристованному военно-тактическому пособию Эрнеста Сунттона «Оборона Дафферз Дрифт» (1904), но и к повестям Фаддея Булгарина «Три листка из дома сумасшедших, или Психическое исцеление неизлечимой болезни» (1834)

и особенно Петра Успенского «Странная жизнь Ивана Осокина» (1910). Самым известным образом времен Золотого века научной фантастики следует считать, видимо, роман «Конец Вечности» (1955) Айзека Азимова.

На всякий случай вот (<https://dzen.ru/a/ZnID5hgesS7ID83J>) книжная полка, которую я по просьбе издателя и «Яндекс.Книг» составил по всем трем хоженым тропам и на оба пожарных случая – и если «Бояться поздно» понравилось так, что хочется продлить очарование чем-то схожим, и если не понравилось так, что необходимо срочно перебить отвращение чем-то схожим, но правильным.

Шамиль Идиатуллин

«Как писать книги», Стивен Кинг

«Как писать книги» как откровенный разговор со старым другом. Стивен Кинг убежден, что писателем по собственной воле стать невозможно, для этого нужен «набор исходного оборудования». Он с неожиданным юмором рассказывает и о чулане, где его заперла нерадивая нянька, и о болезненных процедурах у лора (говорили, что не будет больно – и лгали каждый раз), и заросший пустырь, где они играли с братом.

Стивен Кинг говорит о том, как его личная история связана с его прозой. Например, как написан роман «Куджо», Стивен Кинг почти не помнит – у него была алкогольная и наркотическая зависимость. И жуткая медсестра Энни Уилкс из «Мизери» – ее воплощение.

«Как писать книги» во многом – о писательском волшестве. Чтение – своего рода телепатия, считает Кинг. Читатель дорисовывает воображением то, что не сказал писатель, если тот оставил ему пространство. Персонажи начинают жить своей жизнью, если ты придумывал их, используя собственный жизненный опыт. Кинг говорит о том, что любой рассказ или роман рождается уже готовым, автор как археолог бережно извлекает его из камня, по одному слову за раз. И самое главное в этом деле – быть честным с самим собой.

Значительная часть книги посвящена тому, как работать со словом. Стивен Кинг рассказывает о ящике с инструментами, который может собрать каждый из нас. В нем будет и словарный запас, и читательский опыт, и разнообразные литературные приемы, которые мы в силах освоить. Приведу несколько принципов, которым следует Стивен Кинг (напоминаю – он пишет с юмором!):

«Я считаю, что всякого, кто употребляет фразу: «Это классно!», надо ставить в угол, а за слова «в данный момент времени» или «в темное время суток» отправлять спать без ужина (и без писчей бумаги).»

«Наречиями вымощена дорога в ад».

«Писатель бросает веревку, а не Веревка бросается писателем. Ради Бога, прошу вас!»

«Как писать книги» – это еще и знакомство с Кингом-читателем. Чтобы писать, нужно много читать, считает он. И сам делает это в любую свободную минуту. В книге он упоминает своих любимых

писателей – Чарльза Диккенса и Маргарет Митчелл (они строят целые дворцы из слов!), Джона Толкина и Джоан Роулинг, Уильяма Фолкнера и Кормака Маккарти, и многих-многих других. В конце книге есть даже список книг, которые помогли ему и показали новые пути в работе. И это прощальный подарок тем, кто перевернул последнюю страницу.

Даша Кельн

Закончились мои смены в Иране, с нетерпением жду следующий блок. Стругацкие – это мое детство, как, думаю, и для всего моего поколения. Играю Дон Кондора, роль для меня очень важная, интересно интерпретированная сценаристом Золотаревым и режиссером Тюриным.

Сергей Безруков

10 июня:

Зашёл разговор с Виктором Язневичем об японском переводчике **Нумано Мицуёси**, который переводил книги Владимира Набокова, Татьяны Толстой, Виктора Пелевина, Станислава Лема, Славомира Мрожека.

Виктор пишет:

Вчера у него был ДР. По этому случаю он написал небольшой текст – в Фейсбуке.

Текст Митсу – как мы любим – одновременно на японском, английском, польском и русском языках:

Сегодня мне исполнилось 71 год. Большое спасибо за теплые пожелания. Я благодарен за то простое удивительное обстоятельство, что многие друзья все еще помнят меня даже спустя три с половиной года после инсульта, который приковал меня к инвалидному креслу. Несмотря на тяжелые физические ограничения, я продолжаю работать. Результаты не впечатляют, но я понял, что должен продолжать делать то малое, что могу, каким бы не значительным это ни казалось.

Болезнь не сделала меня ни мудрее, ни глупее. Но я пишу каждую мельчайшую строчку, как будто это последнее, что я могу написать в своей жизни.

Я по-прежнему люблю тех, кого любил. Я по-прежнему презираю подлых царей, уважаю хороших писателей, считаю, что поэзия – это самое

важное в мире, и слушаю музыку Барока, Тейлор Свифт, К-поп, ДДТ и Виктора Цоя.

Спасибо вам всем! Пусть мир станет лучше для вас. *Dum spero spiro.*

На снимке: *Нумано Мицуёси, Виктор Язневич.*
Львов, 2017 год.

Виктор Язневич

Не для меня корабль взлетить
звездою ясной в Орионе,
и заревут мутанты в Зоне
с восторгом чувств не для меня.

Не для меня блеснёт си-луч
у врат Тангейзера во мраке,
в контакт разумных собаки
войдут с Землёй не для меня.

Не для меня придёт Полдень
и человечество проснётся,
от войн кровавых отряхнётся,
шагнёт вперёд не для меня.

А для меня – извечный бой,
патриотическое лихо
и автор Дмитрий Володихин;
такая жизнь, брат, ждёт меня.

Николай Караев

Среди трех лауреатов российской критической премии «Неистовый Виссарион» ныне – коллега Владимирский, почетно награжденный «за большой вклад в развитие критической мысли и верное служение отечественной литературе» (главную премию получил Александр Чанцев, премию «Перспектива» – Кирилл Ямщиков).

С чем я Васю решительно поздравляю.

Фото старое, в жанрах «как молоды мы были» и «я с лауреатом»: Владимирский и Караев (слева) брезгливо рассматривают фантастическую недолитературу на задворках Невского прошпекта. Отдельного фото Васи в закромах не нашлось. Прости, Вася!

Николай Караев

К.А. Терина, «Все мои птицы». Изд. РЕШ

Рассказы К.А. Терины разнообразны и по жанру, и по стилю – некоторые напоминают короткую прозу Маркеса, некоторые – страшные сказки братьев Гримм, некоторые – фантазии Стругацких; одни описывают ужасы стимпанка, другие – настоящее с ноткой счастливой магии, а третьи – альтернативные миры будущего со змееносцами. Казалось бы, сложно охарактеризовать весь сборник – что же, это действительно непросто. Однако каждая история, вне зависимости от обозначенного стиля и жанра – это своего рода притча. К.А. Терина превращает обычных людей в богов и монстров: мелодии их души зачастую страшны и печальны, но это не приводит ни к каким видимым метаморфозам; не будет превращений ни в ослов, ни в отвратительных насекомых. Нет, метаморфозы здесь происходят глубоко внутри – не в конкретно взятом человеке, а в его природе. Кажется, весь сборник – есть ее дотошное исследование; даже, вернее сказать, безобидный эксперимент над ней. Все это приводит к зыбкости не только сюжетной, но и языковой реальности. Местами автор поэтична настолько, что слышна музыка текста: порой такой эффект достигается с помощью грамотно подобранных метафор и череды быстро сменяющих друг друга образов, а порой – с помощью ритма.

Иными словами, «Все мои птицы» – эта огромная лаборатория, полная зеркал. Здесь все подвижно, все меняется, все не то, чем кажется – а в отражениях нет-нет, да и увидишь себя, вывернутого наизнанку. И узнаешь куда больше, чем собирался.

P.S.: Мне сборник очень понравился, но я о сборниках ненавижу писать, поэтому маленькая ремарка в неформальном стиле будет в телеге. Обязательно надкусите сборник, мне далеко не все рассказы зашли, но от некоторых даже дыхание перехватывала. Мой топ: «Морфей», «Лайошевы пчёлы», «Элегия Канта» и финал «Змееносцев». Сами они не очень зашли, но финал безумно хорош. А, ну и еще, мне хочется романа от автора – я ни на что не намекаю, но...

Денис Лукьянов

На фото Виссарионыч (справа; так он просил себя называть) и Сергей Шикарев пытают меня биотоком.

Шамиль Идиатуллин

11 июня:

Элизабет Гилберт – «Большое волшебство»

С огромным изумлением обнаружила, что, прямо скажем, так себе писатель Элизабет Гилберт, внезапно, мудрый человек и отличный коуч.

Начала читать по наводке из канала «Дом Некеле», из-за комментария «вот человек в архете Мага». Пошла проверять (таких днем с огнем) – и таки да.

Особенно это видно даже не по книге, а по интервью – на ТЕД есть запись подкаста, и там половина про как раз вот эту книгу, а вторая – про смирение и проживание горя. А я-то только успела подумать, что для Мага-Мага книжка сильно лайтовая (хотя не такая лайтовая, как «Ешь. Молись. Люби», которая вообще на уровне быстрорастворимой лапши) – ааа, нет, это человек хорошо проработанный. Отдельная вишня на торте – упоминаются нежно мной любимый поэт Дэвид Уайт, и еще Брене Браун. В интервью очень много рассуждений про смирение перед чем-то большим, работу горя, волю к жизни и разные другие подобные вещи, но «Большое волшебство» – наоборот, книжка очень радостная и духоподъемная (и при этом наполненная здравым смыслом и самоиронией). Очень хорошо видно, что за ней стоит большой личный опыт, при этом глубоко осмысленный.

Сама я над книгой рыдала прям слезами от чувства катарсиса – все-таки валидация чувств животворящая много значит, а Гилберт прямо отлично формулирует своими словами именно то, что я про писательство думаю (но мне бывает временами тяжеловато думать это в одиночестве).

Однако, конечно, предупреждения нужно ставить, и вот они.

– Это книжка, которую написал человек в архете Маг+Трикстер. Поэтому слишком серьезным людям, романтикам превозмогания и материалист-рационалистам не зайдет. Хотя, конечно, в интервью был очень смешной момент, когда Гилберт бодро выливает на ведущего «Да, конечно, идеи живые, магия существует на самом деле, мир непознаваем, мне с этим совершенно норм, нет, мне совершенно не обязательно, чтобы вы разделяли мою точку зрения» – иии он лихорадочно переводит это в термины докинзовской теории мемов, потому

что, конечно, «единицы культурной информации, которые хотят продолжать существование и паразитируют на вашем мозге» – это научно, солидно, рационально и совсем-совсем другое дело, чем «идеи хотят жить и воплощаться, поэтому ищут для этого людей».

– Это книжка, которую написал счастливый, благополучный, проработанный человек первого мира для людей, которые сопоставимы по уровню благополучия. Из ситуации депрессии, провала в травму и общего недостатка ресурсов такую книжку читать, возможно, не стоит. А то автор пишет «тот факт, что я провожу всю жизнь, занимаясь объективно бесполезными вещами, означает, что я живу не в постапокалиптической антиутопии» – и если вы ощущаете, что вы как раз живете в постапокалиптической антиутопии, то вам такое тоже читать лучше не надо (прямо скажем, «Ешь, молись, люби» я в свое время читать не смогла, потому что концепция «Если у вас депрессия – отправьтесь в кругосветное путешествие на год, ни в чем себе не отказывая» провоцировала у меня приступы классовой ненависти:)

– Мировоззрение автора – типичный американский нью-эйдж. В этом плане книга и вообще интервью Гилберт удивили в хорошем смысле – обычно от нью-эйджа я ничего хорошего не жду, для меня он слишком поверхностный. Но, видимо, личные усилия значат больше, чем рамка, в которой они оформлены. Ну и, опять же, приятно посмотреть на человека с очень хорошо проработанным мировоззрением – тут прям хочется согласиться, что главный результат писательства Гилберт – это она сама. Она на два порядка интереснее и обаятельней своих текстов.

Отдельная маленькая фанатская данторадость – Гилберт описывает свой опыт взаимодействия

с идеями как с живыми существами, и это ровно то, что теология 13-14 века говорит об идеях (языческие боги = духи = идеи = «нематериальные интеллекты»). В принципе, понятно, почему – Гилберт взяла это (как и средневековая теология) из античности. Ну и из собственного опыта:))

Что мне очень понравилось:

– это книга, которая описывает личный, глубоко проработанный опыт, вокруг которого человек выстроил свою жизнь. То есть, человек говорит о том, что лично он делает и что лично им проверено на практике. Это важно.

– Гилберт прекрасно отдает себе отчет в том, что она не гений, и ей с этим совершенно норм. Это очень обаятельная позиция, и мне очень откликается. «Самое главное в творчестве – опыт, который ты проживаешь в процессе, конечный результат – это сувенир из путешествия. Это приключение, которое изменит тебя непредсказуемым образом, именно поэтому конечную человеческую жизнь имеет смысл наполнять творчеством. Мы тут недолго, давайте попытаемся получить от этого максимум удовольствия».

– Гилберт очень хорошо понимает необходимость совмещения внутри себя противоположных позиций и умеет между ними балансировать и между ними переключаться.

В общем – книжка прекрасная, прижму к сердцу и буду перечитывать в те моменты, когда хочется поддержки, а на Тейяра ресурсов не хватает:)

Марина Аницкая

Режиссер Клим Козинский (сериалы «Вне себя», «13 клиническая», «Первый номер» и пр.) снимет шестисерийный сериал «Полдень» по «Жуку в муравейнике» Аркадия и Бориса Стругацких. Сценарий Маруси Трубниковой («Блеск», «Номинация»,

«The Телки», «Как я стал русским» и пр.) и Анны Персиковой («Ольга», «Исправление и наказание»; ничего не смотрел, вообще).

Пишут, что скоро мотор.

Лучший комментарий у Шамиля Идиатуллина: «И тут Майя Тойковна Глумова закричала». Я бы, правда, другую цитату предложил. Из «Операции «Вирус»» Игоря Минакова и Ярослава Верова: «И тогда Майя Тойковна Глумова закричала. Пронзительно и страшно, как птица-невидимка вочных пандорианских джунглях». А закончил бы цитатой из Володи Березина: «И это меня сразу насторожило».

Николай Караев

Отзыв о книге Джо Аберкромби «Герои»

Роман – размышление автора о сути войны. История трехдневной битвы за стратегический холм, который и дал название книге. Глубокое погружение в хаос, страх и неоднозначность человеческих поступков. Чтобы полностью понять происходящее, рекомендую читать «Героев» после первой трилогии Аберкромби и романа «Лучше подавать холодным», потому что многие персонажи и события связаны.

О чём книга

Три дня и одна битва. Холм Героев – всего лишь ключок земли посреди бесконечной войны. Но для Союза и Севера он становится символом: кто возьмёт вершину, тот и диктует правила.

Тысячи солдат идут в бой – кто за славу, кто за золото, а кто просто потому, что деваться некуда. Три дня ярости, страха и абсурда. Три дня, где герой может оказаться трус, а предателем – самый благородный.

«Всякий меч – бремя. Когда человек его берёт, он этого не чувствует. А вот со временем вес этого тяжелеет, как вериги».

Мнение о книге

Сюжет

«Герои» – мозаика из множества сюжетных линий. Аберкромби мастерски переключается между ними, показывая одну и ту же ситуацию глазами разных персонажей: с кем-то мы окажемся в гуще сражения, а с кем-то будем топтать грязь в ожидании приказа, кто-то будет до смерти напуган, а кто-то – плести липкие сети интриг.

Автор не боится обнажать хаос, жестокость и бессмысличество бойни. Среди генералов встречаются как бездарные трусы, так и настоящие лидеры. На этом фоне слово «герой» обретает множество оттенков. Холм Героев – ключевая точка сражения, но кто на самом деле достоин этого звания?

Большую часть времени занимает не сама битва, а переходы, подготовка и изматывающее ожидание. Это делает книгу реалистичной.

«Иной раз мне кажется, что человек совершает великое зло очень быстро. Вжик клином, и готово. В то время как добрые деяния требуют времени, а заодно и всевозможных, подчас крайне непростых усилий. У большинства людей просто не хватает на них терпения».

Персонажи

Аберкромби продолжает радовать живыми, неоднозначными героями. У каждого – своя мотивация, характер, манера речи и внутренние

конфликты. Даже отъявленные мерзавцы порой вызывают сочувствие.

Появление знакомых лиц из предыдущих книг – отдельное удовольствие. Интересно видеть, как они изменились, как развиваются их истории. А главное – не знаешь, за кого болеть. Здесь нет однозначно «правильных» и «неправильных» сторон. И это делает каждую потерю особенно болезненной.

Художественный стиль

«Герои» – хороший пример, как построить роман вокруг одной битвы и не дать читателю заскучать. Аберкромби не повторяется: каждая сцена боя уникальна, каждая – со своей атмосферой и фокусом. Здесь меньше чёрного юмора, больше жесткого цинизма – и от этого книга ощущается ещё остree.

Впечатлил приём, когда сцена показывается через череду смертей: сначала глазами одного воина, затем – его убийцы, потом – убийцы убийцы, и так далее. Это отлично погружает в атмосферу ужаса и беспорядка войны, где даже свои могут случайно стать врагами.

«Вот в чём незадача с ошибками. Совершаешь их в секунду. А годы и годы, что уходят на обходные манёвры, дурацкую ходьбу на цыпочках, получается, псу под хвост. Вот так по неосторожности отвёл на миг глаза, и... Бум».

«Герои» – мрачный, насыщенный и бескомпромиссный роман о войне. Книга не о победах и поражениях, а о людях, которые оказались по разные стороны меча. Произведение с глубокими персонажами и беспощадной честностью.

Алексей Пак

Новое видео на канале!

Возвращение со звёзд. Чужой среди своих.

О романе Станислава Лема

СМОТРЕТЬ на YouTube (https://youtu.be/_3fyvtX-ztA)

СМОТРЕТЬ в VK (https://vkvideo.ru/video-155478131_456240072)

Эл Брэгг возвращается на Землю из космической экспедиции. Для него она заняла десятилетие, но из-за релятивистского замедления времени на Земле прошло уже 127 лет.

Главный герой наблюдает удивительные изменения, произошедшие с человечеством за это время. Наступила «Новая Эпоха Гуманизма», создано общество без насилия и войн. Люди избавились от агрессии, но вместе с ней утратили и нечто важное...

Брэгг, покидавший планету в эпоху романтизации межзвёздных путешествий, авантюризма и жажды познания космоса, чувствует себя чужим в этом мире.

Станислав Лем написал роман «Возвращение со звёзд» в самом начале 60-х, впервые он был издан в 1961 году. Кроме описания изменений, произошедших в обществе за время отсутствия главного героя, Лем делает несколько интересных прогнозов, иногда угадывая даже с дизайном гаджетов,

появившихся спустя десятилетия после публикации романа. Однако в первую очередь Лема интересовал ответ на вопрос, чем рискует общество, достигшее невероятного уровня безопасности путём искусственного подавления агрессии?

Приятного просмотра!

RocketMan

Есть очень интересный вопрос, как в искусстве показывать искусство. Писателям в этом смысле проще: литература неконкретна, создание образа отдаётся на волю читателя. Но и тут, если автор

придумал гениального поэта, довольно сложно вставить в текст цитату: поди, сочини достойные строки. Если ты можешь так сочинять, то что ж ты сам не прославленный гений. Но чаще писатель понимает, что ничего хорошего он не напишет, и начинает рассказывать о стихах косвенно, как забилось раненой птицей сердце в груди героини, как вспомнил старик весеннюю капель – и прочие ужасы.

А вот в изобразительных искусствах проблему с такой вставкой просто так не решишь.

Вот персонаж написал удивительную картину или поставил прекрасный спектакль. Что с ним делать?

Меня одно время забавляло, как поступают в таких случаях кинематографисты. Когда они снимают фильм о гениальном художнике, то всё время ставят камеру в мастерской с оборотной стороны мольберта.

Владимир Березин

12 июня:

Отзыв о романе Шамиля Идиатуллина «Бояться поздно»

Вряд ли то, что я сейчас напишу, будет иметь какую-то практическую пользу, но не написать, прочитав новую книгу автора, которого читаю уже лет десять, я тоже не смогу. Возможно, я не заметила чего-то, что непременно заметит всесторонне эрудированный и вдумчивый читатель, чего-то, напоминающего, например, местное превращение сплошной линии логики в штрих-пунктирную. Или перепутаю новояз со сленгом. Или не увижу аллюзию к чему-то или аллюзию на что-то. Но это, во-первых, потому что я практически ничего не знаю ни о литературоведческих терминах в современной жизни, ни о компьютерных играх. И ровно столько

же о тех, кто может стоять за ними. Или наблюдать со стороны. Или рассчитывать траекторию падения и взлета каждого участника игры, не в прямом смысле, так в переносном. Я могу только говорить об эмоциях, о психологических нюансах поведения, о каких-то типично женских фишках – это да. А еще о настроении и состоянии души, которое остается после чтения.

Вот и пусть будет настроение, чтобы далеко не ходить.

Сначала оно было ровным. Мне хотелось сравнивать жизнь героев и нашу. В мелочах, бытовых и эмоциональных. В отношениях, семейных, дружеских и сетевых. В чувствах, возникающих в ответ на чьи-то поступки и просто так, потому что пришло их время.

Потом появился страх. Незаметно, неслышно, по чуть-чуть, как растворяется сахар, насыпаемый тонкой струйкой из казенной сахарницы, в только что налитом чае. В старый чай сахар не сыплют – не растворится, только утонет зря. И этот сперва не слишком заметный сахарно-липкий страх начал приобретать вкус и цвет, становиться все плотнее, ощутимее, реальней. Был невесомый туман, дымка на темно-алом фоне. Стал ватным коконом, из которого не выпутаться без чьей-нибудь помощи, если, конечно, вата способна не согревать, а вымораживать тело и мысли до температуры, близкой к абсолютному нулю.

А потом этот страх расползлся, занимая все больше и больше пространства и времени, и все уже давно было не «как будто», как бывает в игре или в кино, а совершенно всерьез.

И, наконец, он оперился, расправил крылья (или что там бывает у страха?) и занял своим удушающим естеством все свободное пространство.

Давно известно, что даже оптимистический финал трагедии не превращает ее ни в комедию, ни просто в драму. Вот только одно дело, когда знаешь об этом теоретически и совсем другое, когда сталкиваешься с этим знанием лоб в лоб в своей комнате, в своей читалке и своих мыслях. И происходит что-то, меняющее давние и, казалось бы, непреложно истинные представления о многом и разном.

Странное дело, но в конце последней главы, мне не стало легче, почти ни капельки. Хотя бы потому, что все происходившее почти наверняка не сможет пройти для героев книги бесследно. Даже для молодых и здоровых. Даже, если у них ничего не останется в памяти. А кто скажет точно? Да и нет уверенности, что все закончилось хорошо. Может быть, оно закончилось как раз плохо. Кто как поймет, почувствует, решит для себя.

Спрашивать, что имел в виду автор, понятное дело, странно и глупо. Всю жизнь жили: книга сама по себе, автор – сам. Поздно меняться. Да и неправильно это, наверное. Что имел в виду, то написал. Что был готов увидеть в этом читатель, то и увидел. Это часто бывает, что каждый видит в одном и том же разное. Это нормально.

О чем хочу сказать еще? О том, что роман написан тем самым, всегда и везде узнаваемым авторским стилем, который по слухам и превращает человека пишущего в истинного писателя. Он современен до такой степени, что мурашки бегут по спине. Он правдив до ужаса – ужаса, древнего, приведшего к нам от предков из далекого прошлого. Он передает ощущения героев до горечи во рту, мысли – до головной боли, желания – до стона, возможности и невозможности – до прерывающейся реальности. Он – как жизнь, только не-жизнь. Но он абсолютно настоящий. Такой, что вопрос: «На

базу в выходные поедете?» остается без ответа. Как будто не дошел до того, у кого спросили, или лучше – будто его никто не задавал. Не было, померещилось. Потому что, если был, то страшно.

Я ведь тоже, в конце концов, езжу на электричках с высокими спинками у сидений. У меня тоже есть чемодан на колесиках и рюкзак одного с ним цвета. И любимая база отдыха в лесу. Правда, мы там не делаем шашлыки, а интернет, хоть по wi-fi и есть, но слабенький. Только мессенджер почитать.

Екатерина Картникова

«Шум», Рои Хен

(пер. Григория Зельцера, «Фантом Пресс», 2025, 18+)

Музыка. 16-летняя Габриэла сбегает с уроков и бродит по Тель-Авиву, за спиной – виолончель, которую она с нежностью называет Деревянным медведем. Без нее она не мыслит себя. И не только потому, что она музыкант, «умная, талантливая, отличница», как говорят про нее родные – «папа-молчун, мама-говорунья и бабушка, которая предпочитает живым людям мертвых писателей». Габриэла думает и чувствует музыкой. И это не помешает ей влюбиться в мальчика Йонатана, который надевает наушники, отключая звук – чтобы не слышать окружающий шум.

Тишина. Ноа, мама Габриэлы, делится с миром даже самой незначительной мыслью, любой безделицей. Она постоянно звучит, даже наедине с собой. Муж и дочь на 40-й день рождения дарят ей сутки Випассаны – медитации молчания. Ноа не продержится и нескольких часов, сбежит (как и дочь) и уедет в Тель-Авив, чтобы искать тишину.

Голос. 66-летняя Ципора – переводчица, именно ей, бабушке, принадлежат тронувшие Габриэлу слова: «Чем больше у тебя прошлого, тем меньше у тебя будущего». Но сама тонет прошлом, где есть

переведенный ею роман Джойса – писателя, заменившего ей всех мужчин в ее жизни, единственная книга стихов, подруга, дочь, которую Ципора считает неблагодарной. А в настоящем – одиночество и новые переводы. Но однажды в квартиру Ципоры, заполненную книгами, врывается Голос. С ней решил поговорить Бог (или нет?).

Израильский писатель и драматург Рои Хен написал роман о трех женщинах одной семьи, которым трудно услышать друг друга. Три части книги, три истории, выстроенные вокруг звуков и тишины. (А дальше возможны спойлеры):

Габриэла ничего не рассказывает о себе маме, Ноа, которая любит ее, но старается быть деликатной – не целует дочь на ночь, а пишет ей СМС, чтобы не потревожить. У них добрые отношения, но откровенности в них мало. И в итоге Ноа ничего о ребенке не знает, и не может ее утешить в момент, когда внутри Габриэлы разыгрывается драма, подобная «Антигоне» Софокла.

Ноа почти не общается с матерью, Ципорой, которая все детство говорила ей: «Ш-ш-ш...» Шумная девочка мешала работать, переводить Джойса, погружаться в магию слов. Теперь Ноа молчит только с матерью, а с остальными – говорит без умолку, даже с самой собой. И не знает, что каждый день рождения получает от Ципоры ее стихи, наполненные потаенной нежностью... Она их не слышит, считая чужими (та ведь подписывает их именами вымышленных поэтесс). И не знает, каким было детство Ципоры, которой мать запрещала плакать, потому что не позволяла этого и себе.

Но тонкая нить есть между Габриэлой и Ципорой – бабушка чувствует внучку, ей достаточно услышать, как она играет концерт для виолончели Элгара, чтобы понять – девочка горюет.

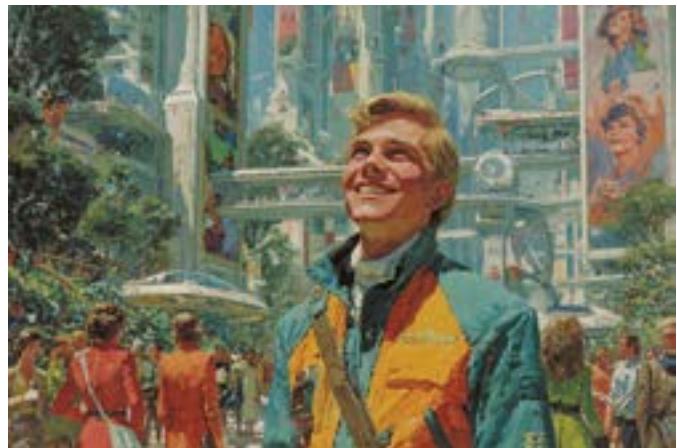
Музыка, голос, тишина соединяются воедино, чтобы семья собралась вместе, преодолела разделяющие их противоречия.

В финале каждая из женщин получит свое. И среди даров будет чудо, которое уже не кажется невероятным, когда дочитываешь роман. Магический реализм Роя Хена сплетается из библейских мотивов, поэтических строчек, звуков виолончели и шума Тель-Авива. Он становится самой жизнью, которую может услышать каждый из нас.

Роман Роя Хена «Шум» вошел в короткий список премии «Ясная поляна» в номинации «Иностранный литература».

Даша Кельн

13 июня:

Сгенерированные иллюстрации к ролику «Возвращение со звёзд. Чужой среди своих»

Образы из научно-фантастических книг второй половины прошлого века часто представляются мне нарисованными тем или иным художником-футуристом, творившим в эту же эпоху.

Генерируя иллюстрации к ролику о «Возвращении со звёзд», я смешивал стили нескольких художников-футуристов.

Во-первых, Сид Мид. Он часто изображал будущее в ярких, позитивных тонах, что как нельзя лучше подходит для мира, описанного Лемом.

Во-вторых, Крис Фосс. Его стиль придал некоторым иллюстрациям высокую насыщенность, повысил концентрацию ретрофутуризма.

В-третьих, Хадзимэ Сораяма, автор множества изображений сексуальными женоподобными

роботами (геноидами). Стиль Сораямы добавляет образам особый «блеск» и изящество.

В-четвёртых, Ральф Маккуорри. Стиль дизайнера персонажей и пейзажей из «Звёздных войн» придаёт иллюстрациям эпичности, а работы переходят быть похожими на стиральные машинки и пылесосы 50-х годов, становятся брутальнее, даже «терминаторнее». Правда периодически то тут, то там без команды вылезают R2-D2 или C3-PO, а то и имперский штурмовик, но без небольшой ложки дёгтя пока никуда.

В целом же за последние полгода нейросети значительно прибавили в точности выполнения запроса. И это, конечно, упрощает создание и улучшает качество видеоряда роликов о фантастических произведениях обойдённых вниманием художников и киношников, даёт возможность визуализировать оригинальные образы из этих произведений и создать видеоряд в определённом стиле.

RocketMan

Надежда Ожигина, «Седьмая сестра». Изд. Чёрным-бело

Рассказчица Аля, молодая музыкантка, просто должна была сыграть на свадьбе в Москве. Но день сразу не задался: в метро – давка и ужасные задержки в отправлении поездов, там же – встреча с очаровательным (и таинственным) незнакомцем Григом. А на свадьбе... черт знает что! Почти в буквальном смысле. И вот уже выясняется, что у мира есть Изнанка, за которой присматривает некое «Бюро», подруга оказывается не человеком, а сосущим чужие жизни существом, Григ – то ли мерзавец, то ли спаситель. И будто этого мало, в Москву заявляется дракон. Собиралась ли Аля во все это вмешиваться? Конечно нет! Ей никаких марвеловских геройств, как она сама выражается, даром не нужно! Придет-

ся ли ей? Обязательно. Тем более, чтобы понимать все фантастическое, важно слушать музыку мира... Кому как не музыкантке это удастся? А причем тут чернокнижник Яков Брюс на службе Петра I и товарищ Сталин читателю и Але только предстоит узнать!

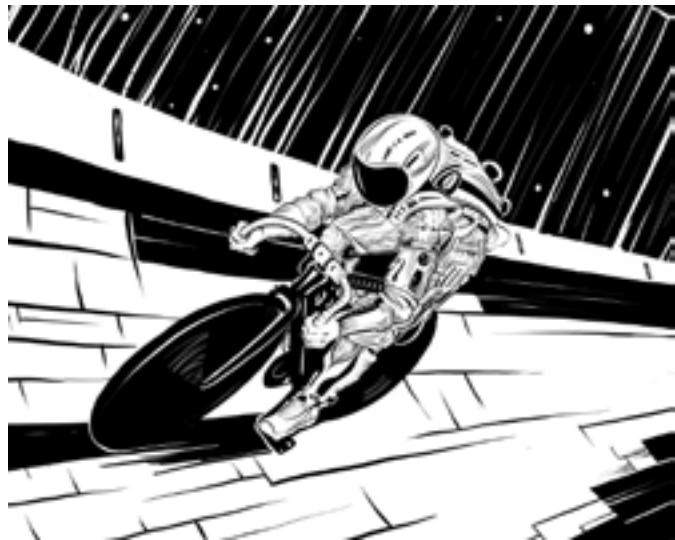
Надежда Ожигина прежде всего известна своим фэнтези-циклом «Руда», однако в новом романе автор придерживается совершенного иного вектора: и жанрово, и стилистически, и сюжетно. Это городское фэнтези, не слишком завязанное на этнической мифологии, зато полностью построенное на городском и историческом легендариуме – свою роль здесь сыграют определенные локации их бэкграунд. На стыке, казалось бы, почти несочетаемых элементов – от уже упомянутых драконов и «волшебной музыки» до таинственных со-зданий, – получается достаточно самобытный для жанра текст. Основные сюжетные вехи, здесь, безусловно, для городского фэнтези не новы: героине нужно примириться с существованием «волшебного», понять, как встроится в этот новый мир, и разгадать несколько тайн. Однако Ожигина алхимичит

и создает какую-то абсолютно уникальную, теплую атмосферу – пусть без драмы и не обойдется, – которую так сходу и не сравнишь ни с кем из мэтров жанра. Книга вроде по чуть-чуть впитывает самое лучшее отовсюду – и вуншпунш получается очень сильнодействующий. Почему? Тут, наверное, стоит перейти к манере.

Большой плюс «Седьмой сестры» в том, что Ожигина не боится юморить, быть ироничной в том числе и по отношению к самой себе. Повествование от первого лица само по себе придает тексту драйва, живости, легкости; будто какие-то черты «женского романа» просачиваются в мужской, брутальный жанр. Есть в этом Фаревская любовь к чудесам, Вильмонтовский свет в бытовом мраке и Пановский накал страсти с повышенными ставками. Парадоксально, все вместе это... работает. К тому же, в книге использовано достаточно киношных приемов, которые помогают Ожигиной удерживать внимание читателя. И тут вновь нужно оговориться об алхимическом смешении всего! Будто голливудское кино скрестили с ретро-классикой российского, уютной и ностальгической, вроде «Черной молнии». Итого, получаем динамичный сюжет, интересно встроенный в исторический бэк-граунд, психологически объемную рассказчицу, достаточно типовых – но тем и цепляющих! – второстепенных персонажей и какую-то чарующую, лучше слова не подобрать, атмосферу. Сказочную, но по-взрослому.

И, если позволите, отдельный субъективный респект за Якова Брюса. Не так часто встречаешь старого чернокнижника в современной фантастической прозе. А столько интересного с ним связано! Надежда Ожигина убедит – просто позвольте ей пленить себя.

Денис Лукьянов

Analog Science Fiction and Fact July/August 2025 уже в продаже, а значит самое время показать мою иллюстрацию к рассказу The First Velodrome on Mars by Marie Vibbert.

Рисовать лайнарт-иллюстрации – одно из моих любимейших занятий сейчас, и так здорово, что Аналог даёт мне такую возможность.

К.А.Терина

И еще о Стругацких, извините.

Если вдуматься, самое типичное свойство людей зрелого Полудня, то, что их от нас капитально отличает – это повышенная эмпатия. Гипертрофированное со-чувствие, со-страдание, восприятие чужой боли как собственной. Казалось бы, какое дело коммунарам, людям светлого будущего, до того, что какие-то дикии друг друга мучают на другом конце галактики? Ну, отпилили инопланетные сапралы кому-то руку в четыре приема или заморили голодом целую провинцию – нам-то что? У нас еще не весь Марс яблонями засажен. Но нет: видят,

что человеку плохо – и несутся, все побросав, куда не звали.

Вокруг этой коллизии – людям плохо, надо спасать – по сути строится большинство «полуденных» повестей. «Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Далекая Радуга», «Беспокойство», «Обитающий остров», «Малыш», «Парень из преисподней», «Жук в муравейнике»... Даже «Хищные вещи века»: агент Жилин не сомневается, что гражданам Страны Дураков плохо, просто они сами это не до конца осознают, – и со всей дури рвется их вызволять из липких объятий мещанства. Собственно, конфликты в этих текстах вызваны тем, что герои спасают не того, спасают не так – или видят, что спасать надо, но не понимают, как именно, и от этого мучатся.

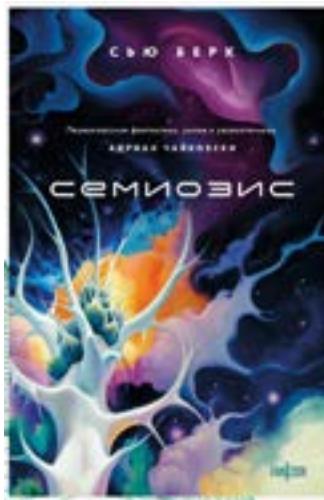
Оттого, кстати, так беспомощно выглядят фантики, где из людей Полудня пытаются слепить холодных манипуляторов и социопатов – не налезает эта сова на глобус, как ни тужься, даже с лучшим советским вазелином. Коммунары могут наломать дров от наивности и неграмотности, как Мак Сим, могут сорваться, как Румата, у прогрессоров это чувство до некоторой степени искусственно подавлено, но вообще эмпатия защита у них на уровне базового инстинкта. Возможно, вместо инстинкта размножения. Поэтому и пристают, и тормошат, и пытаются вытянуть из бездны – даже когда спасаемые посыпают спасителей прямым текстом.

– Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или, еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

– Сердце мое полно жалости, – медленно сказал Румата. – Я не могу этого сделать.

Василий Владимирский

14 июня:

Симбиоз
колонистов с
разумным
растением

SeverianX

Сью Берк «Семиозис»

Жанр: «Твёрдая» научная фантастика

Оценка: 8/10

«Семиозис» – научно-фантастический роман, исследующий идеи коммуникации, симбиоза, экологии и самой природы разума через колонизацию уникальной планеты с разумной растительностью. Это не космоопера с бластерами, а вдумчивое и порой тревожное размышление о том, что значит быть человеком в чужом, но не обязательно враждебном, мире.

По сюжету группа земных колонистов, бегущих от проблем Земли, прибывает на планету Мир, чтобы основать новое общество. Однако они быстро понимают, что планета уже занята – и не животными, а сложной и потенциально разумной флорой. Главным героям-aborигеном и одновременно самым интригующим элементом становится Стивленд – гигантский радужный бамбук, обладающий коллективным разумом и способный влиять на

химический состав почвы, атмосферы и даже на сознание животных (включая людей) через состав своих плодов. Конфликт и сотрудничество между людьми и Стивлендом, а также адаптация к другим особенностям и опасностям экосистемы Мира, формируют основу повествования.

Берк создаёт невероятно детальную и биологически правдоподобную экосистему. Разум Стивленда – не антропоморфный. Он основан на химической коммуникации, симбиотических связях, долгосрочном планировании и коллективном принятии решений. Это действительно иной разум, что делает его одновременно интересным и пугающим. Идея планеты, где растения являются доминирующей формой разумной жизни, исполнена блестяще.

Название романа не случайно, ведь термин «семиозис» означает процесс интерпретации знаков. Ключевая тема романа – непонимание. Как общаться с разумом, не имеющим языка, органов чувств или мотивации, понятной человеку? Берк исследует трудности перевода, культурные барьеры (даже между разными поколениями людей) и сам процесс установления контакта с радикально Иным.

Роман задаёт острые вопросы о колонизации. Люди пришли, чтобы покорить и изменить планету под себя. Но что, если планета совсем не хочет подстраиваться под людей? Завоевание становится историей переговоров, взаимных адаптаций и поиска симбиоза, где обе стороны вынуждены меняться. Это антитеза классическим историям покорения и колонизации.

Повествование охватывает несколько поколений колонистов (около 100 лет). Мы видим, как меняется человеческое общество под влиянием новой среды и взаимодействия со Стивлендом. Каждому поколению предстоит пройти через собственные испытания (например, расследование первого

убийства на Мире). Исходные идеалы сталкиваются с суровой реальностью выживания. Это придаёт масштаб и глубину исследованию культурной и биологической адаптации.

Мир предстает перед нами, как один из участников действия. Экосистема – не просто фон, а активный участник событий. Взаимосвязь всех форм жизни, их коэволюция, показаны с большой научной достоверностью. Роман – гимн сложности и хрупкости жизни. Берк – бывшая журналистка, пишущая о науке. Она уделяет большое внимание научной достоверности биологических и экологических процессов. Описание растений, их «поведения», химической коммуникации выглядит убедительно и добавляет реализма в фантастическую концепцию.

Каждая глава – взгляд от лица представителя нового поколения колонистов. Это создаёт эффект мозаики и помогает показать эволюцию человеческого общества, но нарушает связность сюжета. К тому же, некоторым персонажам не хватает глубины из-за ограниченного времени, проведенного с ними. Стоит сразу отметить, что это медленный роман, требующий вдумчивого чтения. Акцент в «Семиозисе» сделан на научных идеях, экологии, адаптации общества. Экшена и драматичных погонь здесь минимум. Поэтому, тем, кто ждёт динамики и острого сюжета, книга может показаться затянутой.

Проза Берк детализированная, с уклоном в научное описание. Она передаёт чуждость и красоту Мира. Атмосфера колеблется от тревожной до гармоничной по мере нахождения баланса между людьми и природой. Есть место и для ужаса (например, когда миряне увидели жареное тело своего брата), и для надежды.

Итог: «Семиозис» – это оригинальный и глубоко продуманный роман, который оставляет сильное впечатление. Это не лёгкое чтиво, а вызов для ума. Он отлично раскрывает тему радикально иного разума, заставляя задуматься о границах разума, этике колонизации и цене симбиоза. Несмотря на некоторые структурные нюансы, сила центральной концепции, глубина проработки экологии и важность поднимаемых вопросов делают «Семиозис» запоминающимся представителем современной научной фантастики. Рекомендую тем, кто готов к вдумчивому и необычному путешествию на планету, где деревья не просто растут – они думают, договариваются и имеют свои планы на пришельцев-людей.

Алексей Севериан

На мастер-классе «Страшные истории» я, как умела, рассказала участникам об особенностях «рассказов о страшном», их основных составляющих, немного, разумеется, зарылась в истоки жанра и примеры из классиков. А потом предложила написать мини-страшилку по мотивам одной из странных фотографий – за годы работы в антикварно-букинистической лавочке у меня набралась приличная коллекция. Пересвеченное фото детсадовцев, у которых из-за этого как будто нет лиц (привет, девочка Лида из пролога «Нашего двора»), увеличенный портрет старой куклы с почти живыми глазами (привет, кукла Ванда из «Ночного взгляда»), фото семьи на пикнике в лесу, посреди которого зияет черная дыра – обычный дефект пленочного снимка, только, если присмотреться, в этом темном пятне, похожем на пролом в привычной реальности, есть две светлые точки, будто кто-то смотрит

с той стороны горящими глазами (привет, бесомраки и прочие гости из сопредельных пространств)... В общем, часть коллекции я привезла в Красноярск и предложила участникам мастер-класса «для вдохновения». Фотографии были моментально разобраны, писали все очень увлечённо, особенной популярностью пользовался снимок детских сапожек – только сапожек, их хозяина или хозяйки на фото нет, но расположены они так, будто кто-то невидимый в них шагает. Самыми увлекательными и пугающими мне показались как раз история про зловещие самоходные сапожки (вторая про них же тоже была замечательная) и история по мотивам фото с маленьким ребенком, из кустов за спиной которого как будто выглядывает кто-то или что-то очень странное, или это просто игра теней, или... Авторам этих миниатюр я подарила свои книжки с автографом, но молодцы все, очень качественные мурашки бегали по спине от зачитанных ими страшилок.

А странных фотографий у меня еще много...

Дарья Бобылёва

Рисую в новый наш артбук по Метрономику – он будет называться «Инфильтрация». Есть пара старых плохо нарисованных картинок с годными идеями, так что некоторые такие идеи буду рисовать заново. Так сказать, переосмысливать.

Алексей Андреев

15 июня:

Давно хотел запостить, но обстоятельства. Нашел тут фото Урсулы Ле Гuin около 1970 года, автор – Уэс Гудериан. Я верно вижу – у нее рядышком фотопортреты Джона Р. Р. Толкина и Бориса Пастернака, да (справа – фото отца)? С книжной полкой фантастики тоже интересно. «Кольцо вокруг солнца» Клиффорда Саймака (роману почти 20 лет на тот момент), The Water of Thought Фреда Сэйберхэгена

на, «Человек, который съел мир» Фредерика Пола, трилогия Мервина Пика «Горменгаст», «Торговцы во времени» и «Год Единорога» Андрэ Нортон...

Николай Караев

16 июня:

София Вернер, «Год Горгиппии». Изд. Польнь

Одна из главных характеристик современной фантастики в широком смысле – ее эклектичность, и к «Году Горгиппии» это особенно применимо. Перед читателем раскидывается удивительно

похожий на античность мир – здесь есть полисы, Колхида и Скифия, здесь чтят искусства, здесь проводят Олимпийские Игры, – который, однако, наследует нашей давно погибшей цивилизации – в тексте встречает хронология «после нашей эры». София Вернер метко называет это этническим постапокалипсисом. Катастрофу человечество помнит, но смутно. Пытается изучить достижения далекого прошлого в институте лженауки и искусств. И вот, новые Олимпийские Игры объявлены в городе Горгиппии. Выбрано три чемпиона, каждый из которых может собрать свою команду атлетов, но... игры эти будут необычными. Потому что впервые являются сами боги – Солнце, Земля и Море, – чтобы изменить правила игр. Но что, если власть этих загадочных не так уж и крепка?

«Год Горгиппии» – этакая светлая версия «Голодных игр» в античном сеттинге и, безусловно, почти академический пример Young Adult. В тексте различимы две сквозные темы. Одна весьма характерна для прозы о молодых взрослых – это избранничество; будучи избранным, одарен ты или проклят, становишься счастливее других и выше их или,

наоборот, лишаешься базовых ценностей – друзей, любви, счастья? Все три центральных персонажа так или иначе задумаются об этом, но больше всего стеклища достанется Шамсии, чемпионке народа скифов. Вторая тема куда более характерна для совершенно другой прозы, однако неплохо дополняет первую – это смена поколений. В данном контексте – смена божественной власти. Стрые боги мира Софии Вернер, возможно, слишком таинственны и дряхлы – и, согласно естественному ходу вещей, должны будут уступить место новому поколению. Но захотят ли?

Одно из самых сильных мест романа – сеттинг, – в то же время оказывается самым слабым. Читатель наблюдает за постапокалиптическим миром только в моменте, толком не получая объяснения причин: а что случилось, почему все работает именно так, почему цивилизация сконцентрировалась на античности, куда делась большая часть технологий, почему поклоняются только трем богам, связанным со стихиями? София Вернер оставляет совсем уж микроскопические намеки, по которым сложно догадаться о произошедшем – то ли случилось глобальное потепление, то ли техногенная катастрофа, повысившая температуру земли. Допустим, принято. А дальше? Конечно, это мог быть намеренный авторских ход – транслировать только судьбы героев «здесь и сейчас», однако жанр постапокалипсиса почти всегда требует четкого объяснения причин катастрофы. Тем более, когда мир меняется так сильно – концентрируясь на древней культуре, местами, притом, видоизмененной. К тому же, это ведь часть азарта – постепенно, шаг за шагом, записка за запиской, разговор за разговором вместе узнавать с юными героями правду о реальности, которая может оказаться шокирующей. Точнее, по правила жанра, такой должна оказаться и должна. Это

ускоряет сердечный ритм всякого романа – а у текста Софы Вернер же он слишком спокоен.

Денис Лукьянов

«Действующие игроки будут уничтожены; всё будет отстроено с нуля».

«Но правительства «ходят во сне», так и не осознавая пока происходящего».

Заголовок – это вердикт Марка Андрессена, одного из ведущих венчурных инвесторов мира. Он уверен, что в ближайшие годы мир ждет беспрецедентная трансформация:

«Это будет не апгрейд. Это полный сброс и перезагрузка».

Подзаголовок цитирует новый отчет «Правительство в эпоху сверхразума», опубликованный ведущим британским «мозговым центром» Policy Exchange. Скорость, масштаб и охват начавшихся техно-социальных изменений таковы, что

«правительствам необходимо срочно перестраивать большинство своих институтов».

В условиях накрывающего мир мега-цунами, «инкрементализма уже недостаточно». Таково заключение автора отчета, старшего научного сотрудника Policy Exchange и бывшего старшего специального советника Даунинг-стрит Эда де Минквиц. Он

предупреждает – существующий государственный аппарат действует реактивно и разрознено на основе опыта решения вчерашних проблем. Этот прежний опыт, на деле никак не применимый сейчас, и близко не соответствует масштабу вызова, породенного

«величайшим открытием человечества со времен изобретения огня».

«Основываясь на моих недавних обсуждениях с руководителями высшего звена десятков публичных компаний, я убежден, что действующие игроки еще не осознали масштаб или неизбежность того, что грядет»

– пишет эксперт по ИИ Азим Ажар в воскресном выпуске бюллетеня Exponential View.

«Лунатизм входящих во сне» (sleepwalking) в эту новую эру специалистов, бизнесменов и госчиновников, не позволяет им осознать, насколько ИИ способен «разрушить, перевернуть и в итоге перестроить почти каждый сектор экономики». Это предупреждение о том, что без радикальных изменений и готовности к тотальной трансформации, даже самые крупные и успешные игроки могут исчезнуть подобно Blockbuster и BlackBerry.

Сергей Карелов

В продолжение темы анонсированных экранизаций произведений братьев Стругацких. Ведутся съемки независимой малобюджетной экранизации повести «Пикник на обочине».

По сюжету повести город Хармонт в выдуманной англоязычной стране стал одним из шести мест на Земле, в которых возникли аномальные области с четкими границами. Внутри происходили странные явления, нарушающие законы физики. Эти области назвали зонами.

Предполагалось, что зоны образовались во время визита представителей инопланетной цивилизации. Их появление оказало сильнейшее влияние на жизнь людей.

Главный герой повести – один из сталкеров, незаконно посещающих Зону в поисках артефактов, оставшихся после визита и обладающих необычными свойствами.

Съёмки фильма проходят в Ставропольском крае. Автор стремится передать атмосферу советского кино, сохраняя при этом актуальность тематики: загадочная Зона, человеческие судьбы и философские вопросы.

Канал автора: t.me/kladovka_shokshow
RocketMan

Сделал вот такую книжку:

Джудит Меррил, Эмили Пол-Виери «Биография Джудит Меррил»

368 стр., твердый шитый переплет, пронумерованный тираж 20 экз.

Биография Дж.Меррил, написанная с привлечением писем, дневников и архивных фотографий, вышла в Канаде в 2002 году, и в 2003 в номинации нон-фикшен получила премию «Хьюго».

Judith Merril, Emily Pohl-Weary «Better to Have Loved: The Life of Judith Merril» Toronto: Between the Lines, 2002

Это упрощенное переиздание, ранее книга выходила в серии по ШФ <https://fantlab.ru/edition244746>

Подробнее о книге – <https://fantlab.ru/blogarticle59234>

Оглавление:

Хронология. Важные события в жизни Джудит Меррил, стр. 7

Как я писала бабушкину биографию, стр. 13

Вступление, стр. 26

Глава 1. В начале, стр. 29

Глава 2. Гражданин вселенной, стр. 38

Глава 3. Средняя школа, стр. 43

Глава 4. Что я за феминистка? (Короткая история пола), стр. 52

Глава 5. (В некотором смысле сочинительство): Научная фантастика и футурианцы, стр. 65

Глава 6. Вирджиния Кидд и футуриансое материнство, стр. 77

Глава 7. Дайте девочкам шанс!, стр. 94

Глава 8. (Настоящий?) писатель: дань уважения Теду Старджону, стр. 99

Глава 9. Начинающий писатель, стр. 128

- Глава 10. Корнблат и Лейбер и все..., стр. 139
Глава 11. Кэтрин Маклин, стр. 165
Глава 12. Уолтер Миллер и война за опеку, стр.
178
Глава 13. В знак признательности Марку Клифтону, стр. 194
Глава 14. Откуда вы берете эти безумные идеи?, стр. 206
Глава 15. Власть в гетто: новаторский Лондон, разочарованная Америка и «свободная» Канада, стр. 221
Глава 16. Рочдейл-колледж: время «А что если», стр. 237
Глава 17. Газоны, тюльпаны и улицы Торонто: символ любви символического иммигранта, стр. 245
Глава 18. Жизнь и работа в культурных кругах Торонто, стр. 265
Глава 19. Япония. Будущее возможно, стр. 280
Глава 20. Весь мир наблюдает: размышления о понятиях частной жизни и публичности, стр. 284
Глава 21. Восьмидесятые: дружба и письма Марianne Энджел и Гвендолин Макивен, стр. 289
Глава 22. Безумцы умирают, стр. 306
Глава 23. Экзорцизм на Парламент Хилл, стр. 312
Глава 24. Старение в девяностые: дорогие друзья, стр. 315
Глава 25. Послание марсианам, стр. 339
Глава 26. Невозможное будущее, стр. 341
Библиография, стр. 345

Сергей Соболев

17 июня:

Веркин – «Сорока на виселице»

Недавно у Вадима Нестерова пробегало определение «казуального чтения», которое прямо противоположно по смыслу чтению литературы. Главное в «казуальном чтении» – это бесконечное количество букв, которые равномерно перетекают друг в друга, и, что важно:

– создают комфортное пространство, нужное, чтобы «убить время»,
– повторяют знакомые тропы бесконечное количество раз,

– не требуют эмоционального вовлечения,
– не требуют думать,
– очень однообразны, и это плюс. Читать можно с любого места и заканчивать можно тоже на любом. Ничего не поменяется.

Вот, собственно, «Сорока на виселице» и есть такое казуальное чтение для тех, кому черные властелины и страстные маги не заходят. Многословный, бессмысленный, но хорошим языком написанный томище, который представляет собой лайт-лайт-лайт фанфик на Стругацких (Мировой Совет, сверхблагополучное будущее, проблемы экспансии, герой-качок, которого внезапно отправляют решать мировые проблемы, потому что потому), «Солярис» Лема (станция, по которой бесконечно бродят герои, разговаривая философские разговоры), с редкими вкраплениями Дика («фермент LC как убик/ЛСД») и Тарковского (ностальгия-ностальгия). Местами мелькают Юнг, Виндж, Штайнер, Эмили Дикинсон и прочий Брейгель, придавая происходящему этакий флер интеллектуализма. Как водится в ретро-футуризме – «ступенький» ГГ, много одинаковых «гениальных» мужиков, несущих чепуху, одна-единственная библиотекарь Мария (у физиков нет имен, у Марии нет фамилии, разумеется) и бессмертный Барсик для милоты, потому что куда же без Барсика. Все они (кроме Барсика) представляют собой плохо говорящие претенциозные головы на ножках – они входят в комнату, заводят глаза

в потолок, изрекают что-то бессвязно-многозначительное и скрываются в тумане. Самое захватывающее приключение состоит в том, что герои три часа подряд блуждают по одному коридору. В валенках и тулупе на космической станции.

Звучит это все примерно так:

«Снежинка села на пальцы, не таяла, я потрогал ее и ощущил заметную упругость.

– Синхронная физика... она должна преодолеть зазор, – неуверенно произнес Штайнер. – Снять ограничение, назначенное скоростью света...

Снежинка оставалась упруга.

– Стоит?

– Лучше нам здесь не задерживаться, – сказал Штайнер.

– Почему?

– Спрайты, скажем так, тревожный признак. Это означает, что состояние актуатора нестабильно, мы снова вернулись в фазу мерцания. Вот это...

Штайнер дунул на снежинку, она сорвалась с моей ладони и зависла в воздухе, медленно вращаясь и поблескивая.

– Структура воды... непредсказуемо меняется, – пояснил Штайнер. – Это может быть небезопасно...

Точно. Человек состоит из воды, это небезопасно. Снизу ударили еще один спрайт, на этот раз двухзубец. Снежинки стали закручиваться в узкую спираль. Стало еще холоднее, я подумал, что зря мы не надели шубы».

И так пятьсот страниц надувания щек, банальностей и многозначительных намеков, которые не приводят никуда.

В общем, вспоминается то ли Дюма, которому платили построчно, то ли нейросеточки, которые

не умеют останавливаться и гонят бесконечные простины текста.

Стоит ли читать? С одной стороны – это комфортное чтение на сон грядущий. Одни и те же коридоры, одни и те же разговоры, одни и те же многозначительные намеки, в которые, при желании, можно что-то свое вчитывать. Опять же, «найди пасхалку, почувствуй себя умным, юзернейм».

С другой стороны – если считать, что это твердая НФ и искать там какую-то мысль, то бесконечное количество воды начинает раздражать. А уж если искать какую-то новую мысль (а вы уже читали да хоть того же Юнга самостоятельно, и да, его идеям уже сто лет, не то, чтоб новые), то будет прям бесить, потому что исходники представляют собой плод очень напряженной, захватывающей духовной работы. Видеть их в варианте «молекула исходника на ведро воды»... нуууу, на любителя.

Из плюсов – неплохой язык, интересные примеры книг будущего, чувство юмора какое-то мелькает.

Из минусов – сюжет отсутствует. Персонажи ходульные, болтовня заканчивается ничем. Время от времени автор пытается разбудить заснувшую аудиторию и начинается жестокое обращение с животными (медведями, касатками и котиками). Ну, такое.

В общем, если кому-то не хватало генератора белого шума для лучшего засыпания – тому можно рекомендовать. Всем остальным – вряд ли.

Марина Аницкая

**Мир без Стругацких, антология, составитель
Василий Владимирский**

Этот сборник рассказов в жанре альтернативной истории я приобрела ещё год назад на книжной ярмарке – с недавних пор мне нравится собирать оригинальные сборники, которым я пророчу

некоторую раритетность. «Мир без Стругацких» – явный будущий раритет и интересный литературный эксперимент, а влияют на это два фактора.

Во-первых, сама идея сделать антологию с позиции «а если бы в научной фантастике не случилось Стругацких, то кто бы случился?».

Во-вторых, имена, которые собрались в книге: Алексей Сальников, Ника Батхен, Владимир Березин, Дарья Бобылёва, Эдуард Веркин, Ина Голдин, К.А.Терина, Николай Караев, Елена Клещенко, Сергей Кузнецов, Ася Михеева.

Все вышеперечисленные выбрали себе по одному советскому/российскому автору и написали рассказ, который мог бы появиться из-под его пера. Более того, каждую из историй предваряет биография автора из альтернативной ветки истории, причем биография довольно убедительная.

Не буду тянуть кота за... хвост, выделю свой бесспорный топ-3:

Страна Уран, автор Ника Батхен / в альтернативной истории – Варлам Шаламов

Пробирающий до костей дневник заключенного ГУЛАГа на Уране. Необычно, глубоко, потрясающе написано.

Катамант, автор Алексей Сальников / в альтернативной истории – Юрий Коваль

Подробнее об этом весёлом космическом сюре я писала (<https://t.me/culturehedonism/1094>) в рубрике #историянаночь – если «Страна Уран» вас загрузит, то «Катамант» разгрузит обратно. Почему-то этого рассказа нет в электронной версии в «Яндекс. Книгах», зато в моей бумажной есть, чему я крайне рада (говорю же – раритет!).

Песни снежного кита, автор К.А.Терина / в альтернативной истории – Юрий Рытхэу

Здесь, скорее, не научная фантастика, а сказания народов Чукотки. И это невероятно красиво! Застрявшие в непогоде люди рассказывают друг другу свои истории о ките, а в итоге все они сплетаются в одну – мистическую.

Итого: это вам надо!

Александра Прохорова

Путешествие в магическую Мексику: отзыв о книге «Боги нефрита и тени»

Решил почтить фэнтези на основе мифологии разных стран. Проводником в культуру Мексики стала Сильвия Морено-Гарсия. Впечатления от путешествия – разные: с восторгом засматривался на архитектуру, при этом знал, куда приведёт следующий поворот. Подробнее – ниже.

О чём книга

Это история о Владыках смерти, скрывающихся в глубинах подземного мира. О потерянном троне, неутолимой жажде приключений, древних чудовищах и тайной магии. Нам предстоит шагнуть в царство теней – Шибальбу, где правят повелители тьмы, насылающие на людей болезни и страдания.

Но рассказ начнётся в Срединном мире, среди смертных, где зреет кукуруза и светит солнце. Всё начнётся с женщины – потому что это её история. А дальше... Впрочем, пусть всё будет по порядку.

«Слова – это семена <...>. Ты рассказываешь истории, истории дают жизнь мифам, а в мифах есть сила».

Мнение о книге

Главный фишок – атмосфера и мир

Понравилось, как автор создаёт аутентичную картину Мексики 1920-х, где мифология майя переплетается с реальной историей. Для этого автор использует разные элементы:

- Еду как маркер статуса;
- Одежду для отражения эпохи и региона;
- Музыку как символ культурного смешения: здесь традиционные музыкальные инструменты соседствуют с африканской музыкой и кубинскими танцами;
- Язык, насыщенный локальными терминами;
- Архитектуру, которая подчёркивает социальные различия, культурные традиции и атмосферу эпохи.

«Комната деда была роскошной: тяжёлая мебель из красного дерева, пол выложен импортной плиткой, а на стенах цвели узоры из лоз и фруктов, нанесённые вручную».

«Кассиопея и Хун-Каме прибыли в Веракрус за день до Карнавала. Это значило, что отели требовали по швам и было трудно найти приличные номера. Пораспрашивав тут и там, они смогли отыскать готовый принять их пансион, но тот был в весьма запущенном состоянии. <...> Комнатушки были убогие, и хозяйка заломила за них слишком много... Кассиопея поставила чемодан у кровати и посмотрела на изображение Девы Марии – единственное украшение стен».

Сюжет: стандартный, но не простой

Один из классических сценариев фэнтези, где герой «гадкий утёночок» отправляется в путешествие

и перерождается в белого лебедя. Сюжетные повороты предсказуемы, а с преградами персонажи справляются слишком легко. При этом все решения автора логично укладываются в контекст мира.

Увидел многослойность конфликтов и дуализм, характерный для культуры Мезоамерики: авторитарность в семье и стремление к свободе, гендерное неравенство, католичество и язычество, многообразие народов Мексики, единство противоположностей. А ещё здесь нет привычной борьбы добра и зла, потому что сражаются друг с другом повелители загробного мира.

Спойлер, пропустите абзац. Понравилась идея, которую постепенно раскрывает автор – бог становится смертным и обретает земные чувства. Причём не случайный бог, а Повелитель Смерти – это усиливает идею: Жизнь и Смерть в вечной борьбе и союзе. Опять дуализм.

Персонажи

Показались плоскими, хотя все герои с понятной мотивацией, характером и намёками на глубину внутреннего мира. Но сопереживания не испытал, поэтому вскоре забуду.

«Нельзя увядать. В мире живых нужно жить».

Несмотря на минусы это было увлекательно приключение, которое напомнило Диснеевскую сказку с мрачными элементами. Ранее не читал книги о мифологии Мексики, поэтому было интересно.

Алексей Пак

Сегодня, с выходом романа *Trials of the Jedi*, завершился основной сюжет масштабного книгоиздательского проекта *The High Republic*. Это – первая

и пока единственная попытка создать в рамках единого канона «Звездных войн» новую эпоху с героями и конфликтами, практически не связанными с фильмами. Попытка амбициозная, но на мой взгляд не слишком удачная – если поначалу я активно читал книги и комиксы, то где-то на середине их забросил и не уверен, что доберусь даже до основных произведений, чтобы хотя бы просто узнать, чем все закончилось. Для себя я выделили три главные проблемы The High Republic:

Сама по себе идея показать Республику и джедаев в то время, когда они переживали расцвет, была, по-моему интересной, но те угрозы и вызовы, перед которыми их поставили авторы, мне показались мухами, раздутыми до размеров слонов.

Практически все персонажи, как положительные, так и антагонисты, на мой взгляд, получились блеклыми и не запоминающимися.

Сама структура проекта оказалась очень рыхлой – произведений много, они в разных форматах, ориентированы на разную возрастную аудиторию. Тот случай, когда из отдельных кусочков мозаики единая картина не сложилась. На это дополнительно наложилось и то, что за редким исключением для работы над проектом выбрали далеко не самых сильных авторов и сценаристов.

Дмитрий Злотницкий

18 июня:

Из интервью с Иваном Беловым, автором цикла «Заступа» про вурдалака Руха Бучилу:

Бучила близок людям. Он не супергерой, с тысячей мэрисьюшных способностей, и не рыцарь, без страха и упрека, на белом коне. Ему ничего не дается легко, свое место в мире он выгрызает зубами, его путь тернист, сложен и состоит из потерь. Он

может струсить, способен на подлость и совершает ошибки. Ленив, часто безответствен и силен задним умом. Но при этом умеет сострадать, любить и дружить. Он не стыдится своей сути и говорит то что думает. Оттого Рух так не нравится лицемерам, сnobам и псевдоинтеллектуалам. Он плоть от плоти простого народа и этим гордится. Такой, немножечко шукшинский персонаж.

Очень люблю, когда автор настолько неравнодушен к своему творчеству, что готов назвать читателей, которым (какой ужас) не понравилось, разными милыми словами.

Николай Караев

19 июня:

Стася Мэл, «Айвз и Мэллоун». Изд. МИФ

Этот роман содержит все, что положено – да, именно так, – содержать современному около-историческому роману о фейри: смерть родами, полукровки, зачарованные мечи, врата в мир фейри, капельку дворцовых интриг и, конечно, силы иного порядка, которые хотят разрушить тонкую границу между реальностями. Ведь когда-то в мире Стаси Мэл люди запечатали Источник Волшебства, феи и фейри ослабли, «с ними ушли и настоящие чудеса». Вот и еще один чекпоинт: метафора прогресса, отменяющего былое единение с природным (читайте – потусторонним). К добру или к худу? Надо разбираться.

Впрочем, если как-то и делить все романы о фейри, то на две очень условные ветви этого фольклорного дерева: хтоническую и сказочную. И текст Стаси Мэл точно произрастает на второй. Герой мечтает вернуть былой, полностью волшебный мир; однако кто сказал, что есть только приятные, добрые чудеса? Даже пасторы могут оказаться кровожадными

чудовищами; такими, впрочем, могут быть и люди – они в умении творить жестокости феири в подметки не годятся. Но «Айвз и Мэллоун» – прежде всего аттракцион не сюжетный и эмоциональный, а эстетический: манеры, костюмы, аристократы, да и, впрочем, сыновья конюхов – словно ирландские «Бриджертоны» с их любовью к маленьkim драмам персонажей и 5D-эстетике, созданной из столь же мелких деталей. Собственно, это и играет с книгой злую шутку. События порой кажутся несколько наигранными, нарочито-театральными; такими же порой кажутся и диалоги, и все декорации. Это могла быть часть авторской игры, нечто в духе Уэса Андерсона, не пытающего сделать реальность кино подлинной, но весь текст словно говорит о обратном. Пытаясь быть порой нарочито-красивым и эстетизированным, он теряет живость.

И, словно одурманенный гламором феири, читатель уже не погружается в историю героев, не изучает их психологические портреты, а просто рассматривает красивые картинки с Pinterest. В этом, безусловно, тоже есть свое удовольствие – но слиш-

ком высоки в начале казались ставки. И настрой был на совсем другое чтение.

Денис Лукьянов

20 июня:

Heaven's Vault – боги, роботы и археология

Совершенно чудная игрушка, прекрасная и медитативная, на стыке «высокой фэнтези» и НФ – все то, что я искала у Веркина, но не нашла:) По атмосфере больше всего напоминает трилогию Беннета «Божественные города» (и диснеевский мультик «Планета сокровищ»).

Играем за археолога Алию, которая плавает по небесным рекам, бродит по руинам и находит там разные артефакты с надписями. Надписи приходится расшифровывать, и каждый кусочек дает нам все больше информации о том, что произошло в прошлом этого мира. Сеттинг красивый и необычный – эта какая фэнтазийская небесная Индия/Египет, раскиданная по Туманности (но с оригинальным пантеоном). По сути, как и у Беннета, это мир «благополучного постапоката» – с имущественным расслоением, роботами, которых выкапывают из земли, телепортами, похожими на магические

порталы и процветающей поверх всего этого империей «Петличников» (Loopers), веряющих в реинкарнацию... и образовавшейся поверх падших империй, которые в такое совсем не верили. Вот с этими загадками героине придется разбираться – откуда взялись небесные реки, по которым она плавает с луны на луну? Что когда-то знали, но забыли роботы? Что искал и куда делся историк, которого ее отправили искать? Считает ли себя ее научная руководительница новым воплощением Императора, и что если обнаружится, что это не так?

Очень понравилась игровая механика с тайм-планом, который простирается на пять тысяч лет в прошлое, но может быть приближен «в настоящее» до минуты:) Ну и самое главное, конечно же, то, что делает эту историю настолько близкой классической НФ в духе Саймака – вера в важность истории, в то, что загадки можно разгадать и ответы будут иметь смысл, в красоту и печаль истории, в трепет перед бездной времени:)

И именно для этого нам нужны фэнтези и НФ – чтобы в простой развлекательной форме обо всем этом напоминать:)

Марина Аницкая

Новости по экранизации «Трудно быть богом»: Никита Кологризовый играет барона Пампу (на снимке; японскость костюма скорее одобряю, остальное – мнэ), Федор Лавров – дона Рэбу (Лавров отличный актер, как по мне).

Ранее мы узнали, что Сергей Безруков – дон Кондор. Кого же там играет Федор Бондарчук? Короля – светлое величество? Ну не Румату же. Надеюсь.

Еще там по ссылке постом ниже написано, что барон Пампа – «житель Арканара». Ну изучите же

вы матчасть. Бароны Пампа гнездятся в замке Бау, а Арканар – это город такой.

Николай Караев

Но хорошая новость в том, что барон Пампа – точно не отец Руматы. Чисто по возрасту. Надеюсь, хотя кто знает, какие у них в арканарской пустыне сексуальные нравы-то.

Николай Караев

Дон Куб! Надеюсь, там будет также донья Квадрата и отец Параллелепипед.

Николай Караев

Давно не было пятничной рубрики Book of calm. Даже две, обе от «Дома историй». Вообще пора рассказывать о книгах минувших зимы и весны.

Елена Волынцева, Наталья Копейкина «Невалаляшка»

Умница и красавица Даша прошла реверсивный путь одной там сказочной героини: встретила условно прекрасного принца (в городе Н. что ни приезжий все потенциально перспективный кавалер), но что-то такое между ними произошло, что лежит теперь онемевшая Даша в ванне и печально подергивает русалочьим хвостом. А рядом промостился младший брат Слава, которому и без того забот хватает, но у сказочных сиблиングов, как известно, даже при фоновых родителях, кроме друг друга, никого.

Волынцева и Копейкина написали остроумную сказку для старших подростков и взрослых, которым надо немного передохнуть от полыхающей новостной ленты. Буквально. В этой книге почти как у Цоя: третий день с неба течет вода, очень много течет воды, говорят, так должно быть здесь, говорят, это так всегда. А еще среднерусская тоска панелек, школьная травля и вечное непонимание между подросшими птенцами с необрязанными крыльями и теми, кого жизнь уже изрядно ощипала.

Я не зря сказала, что это сказка. Она развивается со всеми приличествующими атрибутами: у Славы, решившего разобраться с колдуном, отнявшим у стремительной и умненькой Даши движение и голос, есть до поры невидимый враг и явные противники, появляются относительно добрые помощники и наставник, дорога выталкивает за порог и т.д. При этом трогательный, как пузичко ежа, страдающий от собственного несовершенства подросток здесь один из самых достоверных из прочитанного

недавно. И одно то, как он пытался пошить на уроках технологии юбку для сестры, какая-то воплощенная трагикомическая нежность.

Ева Сталюкова «Город Чудный. Книга 1: Воскресшие»

Здесь я немного предвзята как литред этого романа, но фэнтезийные события, разворачивающиеся на улицах и в окрестностях вымышленного города, которому читатели уже приписали черты того и этого, правда хороши для выходных и вечера трудного дня. На первом плане история пассионарной журналистки, раскручивающей сюжет с ожившими мертвецами. Никакого зомбирана: древний город (сам по себе персонаж) крепко стоит на собственной мифологии, населен как типичными российскими типажами, так и типичными городскими сумасшедшими. И если примерно понятно, что делать с зомби-из-ужастиков, то с почившим родственником, наследство которого уже прытко поделено, сплошные вопросы. Как и с насилиником, смерть которого принесла облегчение. Воскресшие при этом похожи на себя прежних, но лишь отчасти – это большие лысоватые младенцы. В том числе ментально. А параллельно этому раскручивается пружиной история изначально бессмертного Боди и провидящего беду Вырея. В отличие от книги выше, роман Евы – фэнтези куда более темное и неторопливое, чем «Невалаляшка». Здесь элемент волшебного лишь антураж, театрализация достаточно тяжелого разговора о насилии и умолчании. Триггеров будет немало, как и подвешенных вопросов – намечено продолжение истории. Но иронии немало и у Сталюковой, если что. Просто это сказка, в которой чем дальше, тем страшнее, потому что чудовищнее человека монстра нет.

И пользуясь случаем. Я человек простой: Настя Завозова пишет, что, кажется, есть подходящая для меня книга, так и получается. Еще один текст, с которым я работала с большим удовольствием, пока только ожидается – «Копия неверна» Татьяны Дыбовской. Еще одно остроумное городское фэнтези, но не сказочное и без воскресших, а скорее с аллюзиями на раннюю Каменскую с чертами Клариссы Старлинг. Не пропустите, словом.

Анастасия Шевченко

22 июня:

Если вам хочется почитать фольклора на стыке с социалкой, где всякое фантастическое, от мертвей-

цов до Бабы-яги, несколько надламывает разную историческую реальность – хватайте «Адвокатку Бабы-яги»!

Здесь, как всегда, ритм текста правит бал, а каждый текст – то ли миф, то ли сказка, то ли наговор, то ли вовсе снимок реальности за окном на пленочную камеру, где одно-два место засветило, но отчего-то так все стало видно даже яснее, отчетливее. Смотришь, как Баба-яга из заглавного рассказа, сразу и на ту сторону, и на эту. Да только не факт, что сможешь выдержать это знание.

Денис Лукьянов

Тем временем Изабель Дж. Ким с современным прочтением классического легуиновского Омеласа эффектно и последовательно собирает все старшие НФ-премии: BSFA, Nebula, и вот теперь ещё Locus (а ещё была премия читателей журнала Clarkesworld, в котором рассказ и был опубликован в прошлом году). Очень надеюсь, что Хьюго она тоже заберёт. Я прочла Why Don't We Just Kill the Kid In the Omelas Hole во время моей прошлогодней рассказной эстафеты, и он был одним из лучших из 100+ прочитанных тогда современных англоязычных оклофантастических текстов.

К.А.Терина

Дописал черновик рецензии на книгу Брайана Герberта «Увидевший Дюну». Из того, что понавыписывал, но в окончательный вариант не вставил – несколько фан-фактов:

– Среди старшего поколения семьи был силовой акробат, выступавший в цирке под псевдонимом Профессор Герберт;

– Фрэнк умел ловить рыбу ногами – этому его в детстве научил старший товарищ-индеец, которого

изгнали из племени за какое-то ужасное преступление (возможно, за то, что ловил рыбу ногами);

– В 1955 году будущий автор «Дюоны» купил спицанный катафалк и на этой машине вместе с семьей отправился в Мексику: набожные мексиканцы от катафалка сперва шарахались, а потом попривыкли и раздели машину на стоянке – только тогда Герберт наконец избавился от рухляди;

– Ну а еще в книге упоминаются удивительные персонажи, которых зовут Фредерик Поль, Тед Стерджен и Барри Мальцберг. Кто все эти люди – понятия не имею. Надо у редактора уточнить. Фредерика Поля, Теодора Старджона и Барри Молзбера знаю. Но это, видимо, не они.

Василий Владимирский

23 июня:

О возрасте героев «Соляриса»

По мотивам комментариев к одному из постов

Несмотря на многочисленные перечитывания «Соляриса», мой мозг очень успешно подавил воспоминание о том, что на момент смерти оригинальной Хари было всего 19 лет. Однако ж это так. И внезапное осознание этого факта изменило мое восприятие романа.

До этого в моей голове была очень гармоничная картинка околосорокалетнего Кельвина, потерпленного и побитого кризисом среднего возраста, и Хари, которой было от 20 до 30 лет, когда она покончила с собой. Это был продолжительный брак, который под конец стал для обоих тяжким и несчастливым из-за взаимной усталости и охлаждения. Мой мозг даже выдвигал предположения, что каким-то образом произошедшее могло быть связано с отсутствием у пары детей.

Частично эту иллюзию поддерживал фильм Сами-Знаете-Кого, где Кельвина играет сорокавосьмилетний Донатас Банионис. Наталье Бондарчук, игравшей Хари, было всего 22 года, но выглядела она как будто немного старше.

Стивен Содерберг почти во всем следовал за Сами-Знаете-Кем, поэтому в его фильме Кельвина играет сорокаоднолетний Джордж Клуни, выглядящий при этом даже старше своего реального возраста. Рея же отличается от оригинальной Хари не только именем: исполнившей ее роль Наташе Макэлхон на момент выхода фильма был 31 год.

Благодаря такому визуальному воплощению ложная картинка, нарисованная моим мозгом, казалась очень логичной и хорошо вписывающейся в атмосферу романа.

Но оказалось, что все совсем не так.

То, что до этого выглядело, как осознанный поступок зрелой женщины, на самом деле ближе к импульсивному подростковому всплеску эмоций.

Насколько я помню, точный возраст Кельвина в романе не указан. Поэтому можно сделать два предположения.

Первое – Кельвин и Хари были одноклассниками, которые поженились сразу после школы.

Второе – Кельвин старше Хари. Возможно, не очень намного, и тогда это были отношения старшеклассницы и студента. Или же он был значительно старше, что уже с точки зрения современного общественного мнения предосудительно. Можно даже усилить мрачность такого варианта, представив, что изначально Хари была пациенткой Кельвина.

Первый вариант мне более приятен, но в него плохо вписывается то, что в момент самоубийства Хари Кельвин уже работал и, видимо, на довольно ответственной должности. А вот второй неплохо

объясняет, почему Кельвин испытывал такую сильную вину за смерть жены. Ведь из-за большой разницы в возрасте он очевидно должен был чувствовать себя более ответственным за нее, чем это было бы при более равном партнерстве.

Зато первого варианта явно придерживались режиссеры телеспектакля 1968 года Борис Ниренбург и Лидия Ишимбаева. В их версии Кельвина играет тридцатичетырехлетний Василий Лановой, а Хари – двадцатиоднолетняя Антонина Пилюс. И эти актеры не просто моложе своих коллег из других фильмов – они и в кадре выглядят намного младше. Что не может не влиять на восприятие происходящих на экране событий.

Все это лишь в очередной раз подтверждает, что телеспектакль Ниренбурга и Ишимбаевой – это лучшая экранизация “Соляриса”. По крайней мере, в отличие от других, эти режиссеры внимательно прочитали роман.

P.S. Я обязательно буду еще раз перечитывать, чтобы специально уточнить вопрос с возрастом Кельвина и прочими деталями, касающимися его брака с Хари. Но если кто-то хорошо помнит уже сейчас, то напишите, пожалуйста, в комментариях.

P.P.S. Есть и третий вариант, более фантастический. В гипотетическом будущем романа изменился общественный договор, и совершенолетие стало наступать раньше. Однако глядя на тенденции нашего времени, такое развитие событий кажется даже более невероятным, чем существование разумного океана.

Инар Ис kennирова

Сделал вот такую книгу:

Энтони Бучер «Ракета в морг»

530 стр., твёрдый шитый переплёт с тиснением и суперблокжкой, тираж 30 экз.

Содержание:

– Роман «Ракета в морг» (Книга Rocket to the Morgue вышла в 1942 году под псевдонимом Н. Н. Holmes в издательстве Duell, Sloan and Pearce). Первая публикация перевода.

– Сборник «Далеко не близко» (Anthony Boucher «Far and Away», 1955):

1. Аномальный случай с пустым человеком – The Anomaly of the Empty Man – The Magazine of Fantasy and Science Fiction, апрель 1952

2. Первый – The First – The Magazine of Fantasy and Science Fiction, октябрь 1952

3. Валаам – Balaam – в антологии «9 Tales of Space and Time», 1954 – Перевод А. Корженевского, в антологии «Другое небо», 1990

4. Они кусаются – They Bite – Unknown Worlds, август 1943. Илл. Фрэнк Крамер. Перевод Н. Савиных, сборник «Фата-Моргана 9.» 1994.

5. Клоподав – Snulbug – Unknown Worlds, декабрь 1941. – иллюстратор Эдд Картье. – Перевод И. Можейко, ант. «Пески веков», М. Мир, 1970.

6. Когда-нибудь – Elsewhen – Astounding Science-Fiction, январь 1943. – иллюстратор Фрэнк Крамер.
7. Секрет дома – Secret of the House – Galaxy Science Fiction, март 1953. иллюстратор Эд Эмшвиллер.
8. Сибердеджит – Sriberegit – Unknown Worlds, июнь 1943. илл. Холл.
9. Звёздная невеста – Star Bride – Thrilling Wonder Stories, декабрь 1951.
10. Экземпляр на рецензию – Review Copy – The Magazine of Fantasy, осень 1949.
11. Другая инаугурация – The Other Inauguration – The Magazine of Fantasy and Science Fiction, март 1953 – «И другие рассказы разных лет»:
12. Настоящий верволф – The Compleat Werewolf – Unknown Worlds, апрель 1942. илл. Мануэль Рей Айсип. Перевод М. Тогобецкой. Антология Unnatural Creatures, составители Нил Гейман, Мария Хэдли, 2013. Рус. издание антологии: Фантастические создания – М.: АСТ, 2014.
13. Поиски Святого Аквина – The Quest for Saint Aquin. 1951. Первое издание – в антологии New Tales of Space and Time, ed. Raymond J. Healy, 1951. Перевод А. Корженевского, в ант. «Другое небо», 1990.

«Ракета в морг» – роман с ключом о научно-фантастической сцене Южной Калифорнии начала 1940-х гг. Многие персонажи – это тонко завуалированные версии личностей, таких как Роберт Хайнлайн («Остин Картер»), Л. Рон Хаббард («Д. Вэнс Уимпол»), тогдашний литературный агент Юлиус Шварц («М. Холстед Финн») и ученый-ракетчик-оккультист-фэн Джек Парсонс («Уго Шантрелл»); или узнаваемые составные имена двух писателей («Мэтт Дункан» – Клив Картмилл и Генри Каттнер; «Джо Хендерсон» – Джек Уильямсон и Эдмонд Гамильтон). Настоящие псевдонимы некоторых пи-

сателей появляются как второстепенные персонажи, наиболее заметны «Дон Стюарт, редактор Surprising» (Джон Кэмпбелл, редактор Astounding Science Fiction); «Энсон Макдональд» и «Лайл Монро» (оба – псевдонимы Хайнлайна), и сам Бучер (под своим настоящим именем Уильям Энтони Паркер Уайт). Научно-фантастическая культура представлена в знакомой манере, со ссылками на Denvention (Всемирный съезд научной фантастики 1941 года в Денвере), и появлением типичного поклонника научной фантастики, некоего Артура Уоринга, члена научно-фантастического общества и издателя научно-фантастического фэнзина, чей сложный язык и научные познания, продемонстрированные в письме поклонника, произвели впечатление на детектива Маршалла, но при интервьюировании он оказался ребенком: «младенцем с розовыми и пушистыми щеками». Подробнее о романе: <https://fantlab.ru/blogarticle89561>

На суперобложке – рисунок Роберта Стэнли с обложки книжного издания романа 1952 года.

Объем книги 22 а.л.

Сергей Соболев

24 июня:

ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО, ВОЛАНД И НЕСБАЛАНСИРОВАННЫЕ ПЕРСОНАЖИ

В ленточке обсуждают «Монте-Кристо» (кому-то было скучно, кто-то читал как историю про месть, кто-то про побег, кому-то вообще не зашло и человек бросил, кто-то перечитывает во взрослом возрасте и удивляется, насколько какие-то вещи вроде нравов в туристический сезон не поменялись).

Я, конечно, не могу не думать, насколько хорошо роман написан – и как трудно, на самом деле, такую штуку провернуть – пожалуй, хорошо получилось

только у Булгакова в «Мастере и Маргарите», и потому, что Булгаков пользуется тем же самым приемом:

– автор вводит персонажа-имбу (*imbalanced character*, «несбалансированный персонаж») – который несоразмерно превосходит своим могуществом всех, с кем сталкивается, невероятно обаятелен, богат, коварен и все те вопросы, о которых задолбался предполагаемый читатель, решает по щелчку. Наказывает всех, кто воплощает тех, кого читатель ненавидит (отличный мелькал разбор на ФБ, что бытовые мерзавцы – армия-банкиры-судейские – это как раз те, по отношению к которым у читателей Дюма наболело в эпоху перемен, так же, как у Булгакова наболело по поводу Массолита и «квартирного вопроса»),

– но при этом автор держит в голове, что вот этот персонаж, который возомнил себя божественным правосудием – он, в общем-то, нечисть. Булгаков прописывает это в лоб, Дюма, в общем, тоже – другое дело, что из другой культуры это не так очевидно (то есть, скажем, советский читатель вряд ли считывал, что Монте-Кристо, «гора Христа» – это, собственно, Голгофа, а граф со своими миллионами – тот самый персонаж, который выбрал «царства земные» и понесся карать и миловать. Ну и характеристика «lord Рутвен во плоти» (тот самый первый литературный вампир, списанный с лорда Байрона:) тоже взялась не с потолка (и тоже вряд ли считывалась:)

– соответственно, и Воланд, и Монте-Кристо, конечно, обаятельны (потому что автор, конечно, от души вложил в них все своим гилти плэжа) – но выполняют в сюжете роль скорее обстоятельства для всех остальных (именно поэтому так отличаются части про Эдмона Дантеса – и именно поэтому часть читателей признаются, что «книжка была про побег, а потом я бросил»). А самое главное (и самое

интересное) – это панорама типажей эпохи, нравов и выборов, которые делают герои, которые с таким персонажем-обстоятельством сталкиваются.

И это резко отличает то, что получилось у Дюма и Булгакова, от историй про мэри-сью, которые всех так бесят: фокус в истории не на том, как очешуйтельно хорош какой-то персонаж. Фокус на том, как всем остальным жить в мире, в котором время от времени происходит Монте-Кристо – и как быть, если оно происходит в непосредственной близости от тебя.

Марина Аницкая

**«Дело теневого сыска», Екатерина Андреева.
Изд МИФ**

Вторая книга в новой «имперской» серии издательства МИФ кардинально отличается от первой и сеттингом, и манерой повествования, и стилистикой. Если «Имперский сыщик» был озорным авантюрным романом, построенным зачастую по принципу книжного сериала, то «Дело тайного сыска» – психологический роман-пейзаж, местами намеренно тяжеловесный и тягучий, упакованный в красивой фантик альтернативной истории. Тут есть маги, и есть Магистрат, где они заседают; есть локальные духи разных областей; есть демоны, помогающие гореть огню в печи; и есть Теневой сын – этакая тайная канцелярия, которая распутывает самые странные магические дела. А тут как раз на Камчатке жуткое ритуальное убийство... Делать нечего – приходится отправляться на край Империи.

Екатерина Андреева смешивает сразу два пленительных колорита: неизведанный север России с его духами и ритуалами и Российской Империя с ее чиновничим аппаратом и различными учреждениями. Это тот редкий случай, когда действия популярного ныне «имперского» романа все время

происходят не в столице и окрестностях, а в отдаленном регионе; более того – не в городе даже, в деревне. Это играет свою роль и в стилизации – особенно в речи персонажей. Но, собственно, альтернативно-исторический мир – не главное, что беспокоит Андрееву. Это книга не о geopolитике и не о цивилизационной катастрофе, и даже не взаимоотношении людей с духами и божествами, хотя герои зачастую задумываются на эту тему. В центре внимания здесь психологический рост главной героини; ведь многие проблемы, сопутствующие ей по мере развития сюжета, связаны с ее прошлым. Такое же темное прошлое и у второго ключевого персонажа, местного «нелегального» мага, как-то слишком много знающего и любящего привирать: и как только он оказался в такой глупи, когда ведет себя явно как столичный? Эта психологическая темнота, подобно какой-нибудь космической силе, притягивает героев – летят искры, произносятся остроты, но персонажи оказываются чертовки интересны друг другу. Такое задает особенную динамику их отношений.

Вот и выходит, несмотря на то, что альтернативная Империя Андреевой полностью построена на почитании локальных духов и божеств, в книге они – на уровне подтекстов, – играют не такую уж важную роль. Только подталкивают героев узнать правду о других и, что важнее, о себе. Хотя ее не нужно узнавать – надо признавать. А это куда сложнее.

Ну и, в конце концов, это просто красиво!

Денис Лукьянов

Стивен Кинг «Сияние»

Жанр: Мистика/Хоррор

Оценка: 10/10

«Сияние» по праву считается одним из лучших произведений в творчестве Стивена Кинга. Экранизация Кубрика мне не особо понравилась, и поэтому знакомство с романом я долгое время откладывал. Но после прочтения могу смело сказать, что книга мне понравилась несравненно больше. Сам Кинг был экранизацией крайне недоволен. Именно «Сияние», по мнению критиков, утвердило Мастера ужасов как успешного писателя. Тема домашнего насилия, поднятая в книге, выводит её за рамки обычного ужастика. Лично я не являюсь фанатом жанра ужасов, а люблю Кинга за его психологические романы. В них мистика играет лишь роль стрессовых ситуаций, в рамках которых и проявляются сильные или слабые стороны героев. Ведь в «Сиянии» самое важное – это не все призраки «Оверлук», а как он влияет на героев, показывая их скрытые качества. Теперь о сюжете.

Главный герой, Джек Торранс, получает работу зимнего сторожа в отеле «Оверлук», который располагается в горах, и на всю зиму оказывается отрезан снежными заносами от остального мира.

И в обязанности Джека входит следить за отелем это время. Управляющий нанимает нового работника крайне неохотно. Дело в прошлом Джека и в прошлом «Оверлука». Главный герой, алкоголик ввязке, уволенный с предыдущего места работы за драку с учеником. К тому же однажды на эту работу уже нанимали человека с семьёй, и дело закончилось тем, что он убил жену и двоих дочерей, а затем совершил самоубийство. Но Джека это не пугает, ведь у него есть цель – дописать наконец свою пьесу. В прошлом он подавал большие надежды как писатель, но постепенно из-за рутины и пьянства растерял своё вдохновение. Вернуть его должна зимовка в «Оверлуке». Из-за пристрастия к алкоголю в прошлом Джек совершил много ошибок, и потеря работы – лишь одна из них. Однажды в пьяном угаре он сломал сыну руку, а жена хотела подать на развод. Но Джек сумел вовремя одуматься и перестал пить. Хотя работа в «Оверлуке» и кажется прекрасным шансом вернуться к нормальной жизни, интуитивно вся семья Торрансов чувствует беспринципную опасность.

В день закрытия Джек с женой Уэнди и сыном Дэнни прибывает в отель. Семья знакомится с чернокожим поваром Диком Холлораном. От Дика Дэнни узнаёт, что «сияет», т.е. обладает паранормальными способностями (умеет читать мысли, видеть прошлое и будущее и т.д.). И правда, с детства Дэнни обладает особыми способностями. Мистер Холлоран предупреждает мальчика, что отель очень опасное место. Особенно для таких, как они. Он даже рассказывает о самых опасных местах, которых нужно избегать. В случае большой опасности Дэнни может мысленно позвать Дика, и тот придёт на помощь.

Семья Торрансов остаётся в отеле одна, и чем дальше, тем больше отель показывает свою демо-

ническую сущность. Больше всего опасностей сваливается на Дэнни. Джек также порой видит пугающие вещи, но убеждает себя в том, что ему это кажется. Дик предупреждал Дэнни никогда неходить в номер 217, но любопытство оказывается сильнее. Там он находит оживший труп женщины, которая когда-то совершила в этом номере самоубийство. Со временем призраков становится всё больше, а они всё материальнее. Отель жаждет заполучить себе «сияющего» и пытается добраться до него через самое слабое звено – Джека. Алкоголизм и врождённая вспыльчивость делают его очень лёгкой мишенью. В подвале Джек находит альбом с историей отеля и после этого становится словно одержимым. Пьеса отходит на второй план, появляется новая навязчивая идея – написать разоблачительную книгу о загадочной истории «Оверлука». В порыве одержимости Джек разбивает радио – единственное средство связи с остальным миром – и выводит из строя снегоход. Джека всё больше и больше затягивает в призрачный мир отеля, и его обитатели завораживают писателя. Призрачный бармен наливает Джеку алкоголь, который действует как настоящий, а таинственные голоса склоняют к убийству жены и сына.

Якобы, это они разрушили его жизнь и заслуживают наказания. И тогда Джек берет в руки молоток для роке... Кто же из героев останется в живых, читатель узнает сам.

Мне очень нравится язык Стивена Кинга. У него уникальный и неповторимый стиль, присущий всем его произведениям. Джек Торранс получился очень живым и реалистичным. Его проблемы ненадуманные и понятны каждому. Важным моментом является его отношения с отцом в детстве. В начале Джек буквально ненавидит его за жестокость и грубость, а к концу романа начинает понимать и, по

сути, становится таким же. Это ещё раз подтверждает ту идею, что все наши проблемы из детства. В романе присутствует отличный психологизм, наблюдение и описание, что типично для произведений Мастера.

Итог: На мой взгляд, «Сияние» уже можно отнести к современной классике. В романе обличается множество человеческих слабостей и пороков. Для меня это один из лучших романов Стивена Кинга.

Алексей Севериан

Коллега Караев где-то писал, что фантастика расцветает там, где все хорошо с публикацией фантастических рассказов. Видимо, да – взаимосвязь есть, хотя и неочевидная. В истории отечественной фантастики было два таких периода. Во-первых, 1960-е – до журнала фантастики тогда дело, правда, так и не дошло, зато в СССР появилось два тематических альманаха, «Фантастика» и «НФ», а молодежные и научно-популярные журналы начали наперегонки запускать постоянные рубрики. Второй период – 1990-е и нулевых, когда на русском выходило до полудюжины специализированных журналов, не считая кучи ежегодных и тематических антологий. Сейчас все умерло – кроме МирФа, где прозу почти не печатают, и «Полудня», о котором мало кто знает в силу крайне ограниченного тиража.

Вакуум у нас сейчас отчасти заполняют конкурсы. Где-то победителю обещают миллион рублей. Где-то – сулят бумажную публикацию, тоже дело. Вот, буквально вчера прислали ссылку (https://t.me/twelve_plots/3157) на очередной конкурс, который я пропустил: проводят его журнал «12» и онлайн-библиотека «Прочитано», до 11 июля 2025 года, отбирают строго НФ, причем коротенькие рассказы, до 7000 знаков с пробелами. Последнее, я считаю, скорее плюс: не обязательно искать что-то в своих

бездонных архивах, можно сесть и за пару часов написать что-то новенькое.

Это все, конечно, паллиатив. Полумера, временное решение. Но запускать новый фантастический журнал «в наше нелегкое время», что бумажный, что электронный, дураков нет. Но, надеюсь, когда-нибудь в светлом будущем к этой теме мы еще вернемся.

Василий Владимирский

Тут недавно праздновал ДР великого Амброза Бирса. Прославившегося в том числе своими мистификациями и плагиатом. В ленте мелькнул роман Бирса «Монах и дочь палача» – так вот, Бирс его не писал. Роман «Der Monch des Berchesgaden» написал немец Рихард Фосс в 1890-м.

Мы можем предположить, что Бирс его хотя бы на английский перевел – но нет, не переводил. Это сделал некий Адольф де Кастро в 1891-м. Весь вклад Бирса – он вычитал перевод и прошелся «рукой мастера». То есть поработал редактором и литобработчиком. После чего роман был издан под именами де Кастро и Бирса, а со временем и де Кастро отпал.

Плагиат давно раскрыт, справедливость восстановлена, но в России эта вещь все еще выходит как «роман Амброза Бирса». Мама дорогая.

Василий Владимирский

25 июня:

Приснилось животное адаптица. Красивая, оранжево-красная, похожа одновременно на фламинго, швейцарский перочинный нож, морского конька и сверхнавороченный синтезатор. В неё стреляли, а она совершенно айкидошными движениями уклонялась от снарядов и крыльями замазывала дырки в реальности.

Реальность выглядела как гипсокартонная стена с детскими (ну или стилизованными под детские наивными) рисунками, так что дырки были убедительными.

На адаптице сидел наше Басё (без кисё) и что-то писал на её перьях – естественно, кисточкой из её же пера и её же кровью, она почему-то была жемчужной. Но адаптица, кажется, этого не особо замечала.

Всё это под очень густо-синим южным небом. Густоту хотелось разбавить облаками – это, по идеи (не спрашивайте, по какой, во сне она была) должно было снизить интенсивность обстрелов. Но эти облака можно было сделать только из мороженого (не спрашивайте!), которое хранится за вот этой гипсокартонной стенкой реальности, а пока стреляют, туда было не пройти.

Самым экономичным способом решения был признан следующий: берём мадагаскарских тараканов, вживляем в них чипы, одному лепим на спинку маленький контейнер, отправляем попарно. За стеной реальности первый таракан отгрызает часть мороженого, кидает в контейнер и сам ложится на крышку, чтобы незаметно было. Потом приползают обратно, ну если уж приползают, как повезёт. Когда набирается достаточное количество мороженого, его надо сунуть в специальный коллайдер и хорошенько раскрутить, после чего направить струю в сторону, откуда прилетают выстрелы.

Всё хорошо, но тут мешал Басё, который рассказывал, что это мороженое ему цветочки поморозит, я не могу работать в таких условиях, вот это всё. А с лауреатом Нобелевки (не спрашивайте!!!) приходится обходиться бережно и аккуратно...

В общем, проснулась я на моменте осознания, что на самом-то деле для адаптицы всё это – вклю-

чая обстрелы её – типовой брачный танец, и скоро прилетит ещё одна.

(Нет, ничего круче кофе и матэ не употребляю. Всё внутреннее, без консервантов и на свободном выгуле.)

Танда Луговская

Анджей Сапковский не слишком дипломатично, с формулировкой «в отличие от Джорджа Мартина, если я обещаю что-то написать, то я это делаю», объявил, что собирается написать «что-то еще».

Дмитрий Злотницкий

«Когда речь идет об ужасе как о фундаментальной философской категории, считается важным учитывать ряд аспектов. Во-первых, разница между страхом и ужасом не является количественной, т.е. неправомерно воспринимать ужас как скопление страха. Обратившись к таким философам, как С. Кьеркегор и М. Хайдеггер, которые уделяли большое внимание в своих работах различию страха и ужаса, мы увидим, что первый всегда имеет

разумную основу, т.е. будет рациональным и мотивированным, а второй не будет в качестве причины иметь конкретный источник и, следовательно, будет иррационален по природе.

Во-вторых, европейская философия концептуализировала и продолжает концептуализировать сегодня ужас как результат воздействия мира на человека, в результате чего в рамках западной философии ужас обладает онтологическим измерением и встраивается в общую тенденцию деантропологизации мысли. Русская же интеллектуальная традиция воспринимает ужас как результат встречи человека с самим собой, а значит, правомерным становится говорить не только об аксиологическом измерении ужаса, но и о его антропологизации.

Обращаясь к «двойственному человеку» Ф. М. Достоевского, мы делаем вывод, согласно которому ужас раздвоенного человека вызван тем, что в результате поворота к самому себе тот сталкивается со своим двойником, с собственной не-бытийностью и с отсутствием своего места в мире. Испытывая ужас перед самим собой как перед тем, что не встроено в порядок наличного, человек нащупывает в себе подлинно человеческое, т.е. то, что позволяет нам заявлять о его онтологической инаковости по отношению к миру. Кроме того, это повлечет за собой новое осмысление двойника как феномена».

Холоднова К.Н. Ужас как фундаментальная философская категория в творчестве Ф.М. Достоевского (на примере повести «Двойник») // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 2 (30). С. 29–45.

Николай Подосокорский

26 июня:

Из цикла “Рассказы палеонтологов”: Диплоцерас

Гетероморфный аммонит
Вообще-то не был знаменит.
Ну да, встречался он нередко,
Был хвост его похож на скрепку,
И в раннем, кажется, мелу
Водился он в любом углу.
Хотя какие там углы?
Катились волны, тяжелы,
Потом обрушивались точно –
И вот уже во тьме песочной,
Вот диплоцерас-аммонит
В тебя из мрамора глядит!

(рисунок James McKay)

Танда Луговская

Вторая книга это «Вильнюсский покер» Ричардаса Гавялиса. Книга написана в 1989 году, её почти сразу перевели на русский (и автор одобрил перевод). Но издали русский перевод только в 2024. Пишут, что для успешной интеграции иностранцев.

Чтобы, значит, лучше усваивали культурный код. Не читая книгу, невозможно оценить, насколько издевательски это звучит.

Коротко говоря, если бы я прочитала эту книгу в начале нулевых, я бы не переехала в Вильнюс. Ни на каких условиях, ни за что. Потому что есть предел моей самонадеянности, которая у меня вместо настоящей отваги. И вот он, этот предел.

Вильнюс Ричардаса Гавялиса – мёртвый (не метафора) город, в котором победил и прочно установился Серый Ад максимальной степени достоверности. Невозможно быть вне его. Кто не читал Тяжёлый Свет Куртейна, этот термин не поймёт. А кто читал – да, вы правильно поняли. Я не преувеличиваю. Совсем.

Когда в 24-м году вышел русский перевод, я сразу почувствовала, что читать мне это не надо ни в коем случае. Чисто по-человечески подозревала себя в мелочной ревности – ах, кто-то ещё написал про Вильнюс? И его роман знаменит? Хотя чувство было совсем не похоже на ревность. Всё во мне орало – не трогай, не суйся, там беда.

Этой весной приехал мой друг, я потащила его в ночной книжный. Там лежал «Вильнюсский покер» на русском, в единственном экземпляре, здоровенный талмуд. Я рассказала другу о своих смешных метаниях – и интересно, что там, и почему-то стрёмно, и наверное это ревность, хотя хэзз.

– А давай я тебе подарю эту книгу, – предложил друг. – У меня лёгкая рука.

Ну и подарили. Купил и забрал с собой в гостиницу. Сказал, что будет её прекрасным собой облучать. Но вышло наоборот: все ночи другу снились жуткие сны. О том, как он, один из самых добрых и сердечных людей, кого я знаю, бесконечно с кем-то дерётся, иногда убивает, и вокруг него тоже дерутся и убивают. Кароч, не сны, а полный пиздец.

Теперь этот портал в Серый Ад лежит у меня дома. Точнее висит у меня в коридоре в сумке. Я иногда достаю, читаю фрагменты. Текст – абсолютно гениальный. И это плохо. До сих пор я даже не могла вообразить, сколько ада может поместиться в буквы, из которых состоят слова.

При этом автор реально понимает и тонко чувствует Вильнюс. Я никогда, ни у кого не встречала настолько точных суждений о нём. Его мёртвый Вильнюс – натурально юнгианская тень нашего живого Вильнюса, города, где слой реальности немыслимо тонок, а под ним по венам бежит волшебство.

Если каждую пару страниц «Вильнюсского покера» запивать несколькими моими виленскими историями, можно (наверное) выжить и не сойти с ума. Я слабак и баба, читаю эту книгу не каждый день. И не подряд, а фрагментами. У меня в жизни было много всякого страшного. Но «Вильнюсский покер» пока лидирует по очкам.

Я поэтому буду тут иногда о нём рассказывать. Чтобы уменьшить силу. Когда ты пишешь о книге в тг-канальчике, она просто книга, даже если портал в Серый Ад.

Макс Фрай

Вася Владимирский написал текст о биографии Фрэнка Герберта кисти его сына Брайана. В основном там пересказ самой книги, и поскольку я во многом по ней написал в свое время большую статью о Герберте и «Дюне» для «Мира фантастики», читается это дело (мною) знакомо. Еще у Васи есть полезные наблюдения о самой биографии: она, если без обиняков говорить, плохая.

Во-первых, Брайан просто мало знает о жизни отца, особенно, так сказать, интеллектуальной, но и прочей тоже. Он часто упоминает о чем-то, что не может объяснить, будь тоссора Герберта

с Робертом Хайнлайном или манера писать хокку для собственных книг. Очевидно, что Герберт был не из тех, кто даже с сыновьями делится своими мыслями. Честно сказать, Вася тоже как-то прохаживается по Герберту:

Если верить Брайану, автор «Дюны» всерьез увлекался сверхчувственным восприятием, телепатией, концепцией «генетической памяти», дзен-буддизмом, гадательной книгой «И-Цзин», приятельствовал с популяризатором восточной эзотерики Аланом Уоттсом, «часто полагался на астрологические и другие методы предсказаний» – типичный коктейль эпохи нью-эйдж.

Типичный или нет, его стоит учитывать, когда читаешь «Дюну». Вообще, смотреть свысока на такого рода «коктейли» я бы не стал. Особенно у автора «Дюны».

Во-вторых, да, Брайан ни фига не понял. Это очевидно, кажется, уже вот вообще всем. Его интерпретации отцовских текстов – и сиквелы к ним – просто не выдерживают критики.

В-третьих, да, Герберт предстает в биографии не лучшим человеком. Это касается не только физического наказания обоих сыновей, но и истории с братом Брайана, геем (Вася об этом не упоминает, не знаю, переведен ли этот кусок вообще в связи с законами РФ). С другой стороны, стоит помнить, что это пишет близкий родственник, который мало знал и понимал. Я бы послушал и других свидетелей. Увы, именно что полновесных биографий Герberта, кроме этой книжки, нет ни на русском, ни на английском. И Вася прав в том, что приходится за неимением гербовой писать на простой.

В общем, да, отца, мужа, деда разглядеть получается, а вот писателя – еле-еле. Я бы и насчет отца, мужа, деда усомнился. К слову, такая же – только уже автобиография – у Джека Вэнса, друга Фрэнка Гер-

берта: ничего там нет внутри, кроме путешествий и какой-то семейной жизни, и как эти люди умудрились написать то, что написали, – непонятно.

Николай Караев

3 книги для мистических летних вечеров

В каждой из этих историй есть другая реальность, невероятная и выдуманная так ловко, что в нее запросто можно поверить. Оторваться невозможно, а мороз по коже гарантирован (приятный бонус в жару). Как всегда – советую только то, что читала сама.

«Выюрки», Дарья Бобылева
(Астрель-СПб, 2019)

Уехать с дачи больше нельзя, вокруг – марсианские соцветия борщевика и дурмана, дороги ведут в непроходимый лес, связи нет, а лето длится уже пятый месяц; один урожай сменяет другой. Мечта? Нет, кошмар! В каждом доме возникают страшные чудеса: нечто стучит по половицам и расшвыривает вещи, неведомые голоса звучат из реки, призрак обрушивается с гневом на спящих дачников... Роман в рассказах Дарьи Бобылевой – путевка в дачное лето, таинственное и пугающее, где вас ждут узнаваемые герои и жутковатая нечисть из бабушкиных сказок. Вы сможете разобраться, как все же выбираться из Выюрков (но в какой-то момент вам не уже не захочется это делать).

«Колдун с Неглинки», Саша Степанова
(«МИФ», 2023)

Старшеклассник Мирон готовился сдавать ЕГЭ, а стал подмастерьем ведьмы. Он исполняет желания, принося «жертвочку», «не отдашь – не возьмешь»: чужую беду, жизнь или просто доброе дело.

Мирон видит совсем другую Москву – в Сандуновских банях обитает банник, в одной из квартир притаился умрец, а по улицам бродит тот, кого к ночи поминать не принято, и только шорные, защитники города, в силах его остановить. Обычные люди в этом романе порой оказываются страшнее нечисти, а динамичное городское фэнтези порой сменяют пугающий магический реализм и роман взросления с вопросами о выборе и цене любого колдовства.

«Последний день лета», Андрей Подшибякин (*«Редакция Елены Шубиной»*, 2023)

Ростов-на-Дону, 1993 год. Четыре мальчика подружатся и случайно разбудят древнее зло. Герои живые и настоящие – книжный мальчик Аркаша по прозвищу Пух, выдумщик Витя Крюгер, обожающий черепашек-ниндзя, Степа Шаманов – брат местного бандита, который хочет для себя другой судьбы. А еще Степа, который живет с большой бабушкой в обгоревшем доме. Ростов 90-х не менее жуткий, чем Дэрри из «Оно» Стивена Кинга – с героями вы исходите его вдоль и поперек, от трущоб до развалин древнего города Танаис. Именно оттуда придет демон, которого мальчишкам придется остановить (предупреждаю, Андрей Подшибякин порой к читателю безжалостен). Скоро экранизация, автор работает над продолжением, читать самое время. А я, пожалуй, перечитаю.

Даша Кельн

Отзыв о книге Роджера Желязны «Хроники Амбера»

Познакомился с тремя частями первого тома. Я давно читаю фэнтези – от подростковых историй до тёмного эпика, – и могу сказать: «Хроники Амбера» по-прежнему читаются увлекательно. Прошло

уже 55 лет с момента выхода первой книги, но произведения не утратили оригинальности.

О чем книги

Карл Кори приходит в себя в частной клинике и с амнезией после автокатастрофы. Сбежав оттуда, он начинает расследование, по крупицам собирая правду о самом себе. Оказывается, что он – Корвин, один из принцев Амбера, вечного города, тенью которого является наша Земля, как и все остальные миры мультивселенной. Трон пустует, и за него идёт отчаянная борьба между наследниками. Девять братьев, девять принцев Амбера, девять претендентов на престол... И только один шанс вернуть память, выбраться из коварной ловушки Отражений и завоевать трон Янтарного королевства...

Мнение о книгах

Динамика сюжета в книгах разная. В первой части Желязны уплотняет сюжет: всего за пару страниц успевает задать напряжённую интригу, очертить характеры и развернуть конфликт. В последующих частях автор снижает темп повествования и часто рассказывает о конкретном событии. Особенно удались политические игры: борьба за власть в Амбере напоминает сложную шахматную партию, где каждый ход – на вес жизни. Союзы непрочны, родственные узы – иллюзия, а братья чаще всего становятся врагами.

Главный герой – сложный и неоднозначный. Он благороден, но не без жесткости; готов идти на многое ради трона. Часто встречаю мнение, что мотивация героев кажется слишком простой. Но это впечатление обманчиво. По-настоящему персонажи раскрываются не сразу – нужно время, чтобы

увидеть, насколько глубоко и логично выстроены их желания и поступки. Например, не все претенденты на престол действительно хотят им обладать. А те, кто всё-таки рвётся к власти, движимы обидами и амбициями. К тому же в цикле множество уровней конфликта: борьба добра со злом, противостояние порядка и хаоса, семейные распри, вопросы самоопределения личности.

Фантастический мир Желязны поражает масштабом. Он не объясняет всё сразу – читателю нужно вчитываться, всматриваться, собирать картину по кусочкам. Это придаёт чтению особую интригу. Мир как будто вырастает из текста – живой, многослойный, подвижный.

Понравилась ключевая идея: все известные нам вселенные – это лишь тени истинного мира, Амбера. Земля, на которой живём мы, в этой системе – всего лишь одна из бесконечных теней. Эта концепция наводит на размышления: если всё вокруг – отражение, то где настоящая реальность? А существует ли она вообще? Что делает мир «подлинным»: его прочность, память о нём, власть над ним? И кто мы – тени или отражатели?

Также порадовали магические артефакты, созданные загадочным волшебником Дворкином. Они оригинальны, наполнены силой и таинственностью. Желязны сознательно не раскрывает их до конца, оставляя место для воображения. Этот приём характерен для всего цикла – и в этом его прелесть.

Художественный стиль. Желязны пишет энергично, выразительно, с иронией. Слог наполнен как резкими штрихами, так и мечтательными описаниями. Автор не просто передаёт внешний облик места, а создает почти мистическое ощущение величия природы – как будто она наделена собственной волей и энергией.

«Я никогда ещё не видел таких деревьев, могущественных и величественных, глубокого богатого зелёного цвета с крапинками золота. Они возвышались, подавляли. Это были огромные сосны, дубы, клёны и много других деревьев, названий которых я не знал. В них шелестел ветерок с фантастически приятным, нежным запахом, который так и обевал меня, когда я опустил окно».

Желязны мастерски сплетает реальность с фэнтезийной структурой. Использует метафоры и образы, имеющие почти архетипическую силу. Например, слово «Амбер» работает как мистическая мантра, триггер памяти, символ реальности и её потери.

«Амбер! В этом слове заключалось что-то жизненно важное, пульсирующее, живое».

Алексей Пак

27 июня:

Я с утра до вечера смотрю фильмы 1925 года, которые показывают на Cinema Ritrovato, – от выпавшего из сюрреалистического канона «Воображаемого путешествия» Рене Клэра (клерк превращается в бульдога и попадает в страну фей) до экранизации «На западном фронте без перемен» с масштабными батальными массовками.

Король программы – восьмичасовой кинороман Анри Фекура «Отверженные». Фантину и ее дочь играет русская эмигрантка, дягилевская балерина Сандра Милованофф.

«Отверженные» – один из важнейших романов в моей жизни, потому что первыми книжками, которые я прочитал, были две брошюры – «Гаврош» и «Козетта», адаптированные для детей еще в сталинские времена.

Но только сейчас, много десятилетий спустя, я все понял! Жан Вальжан питает к Козетте отнюдь не отцовские чувства и, надо понимать, растили ее. Фактически это история Гумберта Гумберта и Лолиты, даже имена созвучны.

Наверняка набоковеды да и просто искушенные в пороках читатели давно это заметили, но я ошарашен собственным открытием, как будто одна из черепах, на которых стоит Земля, громко захохотала.

Дмитрий Волчек

Аркадий и Борис Стругацкие «Отель «У Погибшего Альпиниста»

И вновь классика советской фантастики – повесть братьев Стругацких «Отель «У Погибшего Альпиниста». Стоит сразу отметить, что это довольно необычное произведение для писателей. Эта необычность связана с историей написания. Дело в том, что в конце 60-х братья-фантасты находились под пристальным вниманием советской цензуры – о публикации чего-то серьезного не могло быть и речи. Вот Стругацкие и решили написать детектив, но не обычный, а резко переходящий в их любимую фантастику. Сложно рассказать о сути повести без некоторых спойлеров, но самый главный спойлер уже сделала обложка книги... Сами авторы оказались недовольны результатом, а вот мне понравилось.

Инспектор Петер Глебски приезжает в небольшой горный отель на отдых по рекомендации своего коллеги. Правда отель этот довольно необычный. Несколько лет назад один из постояльцев ушел в горы и не вернулся. В честь его, Погибшего Альпиниста, и был назван отель. Хозяин, Алекс Сневар, свято чтит память о нем. Настолько, что превратил бывший номер Альпиниста в музей. В отеле периодически творится всякая чертовщина: то вещи

пропадают, то появляются непонятные послания, то трубка Альпиниста курится сама по себе. Одним словом, весь отель кажется наполненным его присутствием.

Постояльцы отеля также весьма необычны. Симон Симонэ – физик, от скуки лазающий по стенам. Известный иллюзионист Дю Барнстокр с Чадом покойного брата (молодым человеком или девушкой, сразу и не поймёшь). Семейная чета Мозесов: муж – странноватый господин с замашками миллионера и манией величия, жена – ослепительно красива, но глуповата. Олаф Андварафорс – мужчина с внешностью викинга. Хинкус – невзрачный человечек, приехавший в горы лечить туберкулёз свежим воздухом. Можно добавить к этой пестрой компании и постоянных жителей отеля. Хозяин отеля, Алекс Сневар, увлекается механикой и утверждает, что изобрел вечный двигатель. Кайса – горничная, «этакая кубышка лет двадцати пяти», очень глупа и смешлива. Ну и конечно же, Лель – сенбернар Погибшего Альпиниста, очень умен и понятлив.

Роман начинается с неспешного знакомства с персонажами. Затем один из постояльцев оказывается убит, а из-за обвала отель оказывается отрезан от остального мира. Инспектор хотел отдохнуть, но получается так, что только он может разобраться во всем происходящем. На первый взгляд, все происходящее напоминает типичный герметичный детектив в духе Агаты Кристи. Однако по мере расследования Глебски находит все больше и больше фактов, которые не укладываются в обычную логику. Хозяин намекает на мистическую составляющую происходящего, но прагматичный ум инспектора отказывается это принимать. Шаг за шагом инспектор раскручивает это дело, но кажется, что логического объяснения попросту нет. Перед Глебски встаёт нелегкий выбор: Поверить в невозможное или и дальше цепляться за привычное? Поступить по инструкции или по совести? И как потом жить с этим выбором? Внутренняя борьба главного героя показана очень реалистично.

Хотелось бы поговорить о плюсах повести. Это история, в которую проваливаешься буквально с первых страниц. Интрига просто не даёт отложить книгу. «Отель» приятно читать и благодаря лёгкому юмору авторов, который именно в этой повести помог раскрыть для меня Стругацких с новой стороны. Не обошлось без интересной философской дилеммы. Инспектор все-таки сделал свой выбор, и теперь расплачивается за него. Это прекрасно раскрывается в эпилоге. Что ж, Глебски можно только посочувствовать. Заметно, что авторы не пощадили своего главного героя.

Итог: «Отель «У Погибшего Альпиниста» раскрыл для меня Стругацких с новой стороны. Это очень интересная повесть, в которую погружаешься с головой. Сюжет интригует, а НФ-элементы, добавляют в классический детектив эффект но-

визны. Персонажи тоже не подкачали – они очень яркие и запоминающиеся. Смело могу рекомендовать всем любителям хорошей литературы.

Жанр: «Мягкая» научная фантастика/детектив

Оценка: 10/10

Алексей Севериан

28 июня:

Мёбиус Дик

TheNewYorkerRu

29 июня:

Новая книжка вырисовывается в уме постепенно. Пока написан только пролог, но задумка в моей голове медленно обрастает плотью.

Например, в голове уже ожила столица волшебников, скрытая от обычных людей, с архитектурой в стиле ар-деко. А ещё главная героиня Терри и её семья – одна из шести самых могущественных семей волшебного мира.

У Терри лучший в мире брат, прекрасный батя, который носит титул Короля Шипов и состоит

в правящем Совете, не менее прекрасная матушка и остроумная прарабушка-призрак, которая присматривает за потомками уже несколько поколений.

Попробую сегодня все же наконец вытащить их из головы в вордовский файл.

Евгения Сафонова

Начал читать «Пластиковый океан» (固体海洋, 2018), роман китайца Хуэй Ху в переводе Натальи Власовой. Прямо в самом начале – забавное. Действие происходит более-менее в наши дни. Один из героев – молодой японец (нет, не китаец) родом из глухого рыбакского поселка. И вот, значит, он получает диплом гидробиолога и возвращается на родину, чтобы выйти в море вместе с дядей, опытным рыбаком. Показывает диплом тете. А та – неграмотная! И дядя неграмотный тоже.

Что тут такого? Повторяю, следите за руками. Япония. Наши дни. Чувак только что закончил университет. Ему 22 года, это сказано прямым текстом. Тетушке и дядюшке, соответственно, в районе полтинника, мои сверстники. Получается, их юность пришлась на 1980-1990-е годы. Тот, кто немножко имеет представление о Японии, понимает, что хотя бы без среднего образования эти люди остаться не могли – даже в самой отсталой жопе мира. К тому моменту уровень грамотности в Японии давно приблизился к 100%, начальная и средняя школа – обязательны, учились с 6 лет все поголовно.

Неграмотный ребенок – скандал и форсмажор, а уж тем более двое сразу. Муниципальным чиновникам вставили бы такой пистон, что они до конца жизни враскоряку бы ходили. То есть к реальной Японии эта история отношения не имеет никакого, такая «развесистая клюква» по-китайски.

Я только начал читать, возможно, там какая-то хардкорная альтернативная история дальше попрёт. Или выяснится, что у тетушки и дядюшки неизлечимая дислексия. Но скорее дело в другом. В СССР когда-то шутили про «Вашингтонский обком», когда наши писатели или журналисты проектировали чисто советские фишки на страны капиталистического лагеря. Дескать, посмотрите, какие ужасы творятся у этих буржуев! Иногда такое происходило случайно, от незнания реалий, но чаще делалось сознательно: все, кому надо, понимают, что автор имеет в виду, но формально редактору и цензору прикопаться не к чему. Очень похоже, что китаец с неприличным именем действовал примерно по той же схеме. Не удивлюсь, если в рукописи фигурировали не японские, а китайские рыбаки. Однако более опытные товарищи посоветовали кое-что подправить в консерватории.

Василий Владимирский

30 июня:

Я животное, ты же видишь, я животное. У меня нет слов, меня не научили словам, я не умею думать, эти гады не дали мне научиться думать. Но если ты на самом деле такой... всемогущий, всесильный, всепонимающий... разберись! Загляни в мою душу, я знаю, там есть всё, что тебе надо. Должно быть. Душу-то ведь я никогда и никому не продавал! Она моя, человеческая! Вытяни из меня сам, чего же я хочу, – ведь не может же быть,

чтобы я хотел плохого!.. Будь оно всё проклято, ведь я ничего не могу придумать, кроме этих его слов: „СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЁТ ОБИЖЕННЫЙ!“

В который раз перечитал и в который раз подумал, насколько это все-таки крик бодхисаттвы в пустоту. И как тут постулируется то, что называется в буддизме «изначальным просветлением»: ведь не может же быть, чтобы я хотел плохого!.. И, нет, я не пытаюсь свести Стругацких к буддизму. Хотя АНС, переводчик Саньютэя Энте и не только, понятно, о буддизме многое знал по определению. Но нет, наоборот, здесь не сужение, а расширение – есть универсальные вещи, которые можно выражать и так, и эдак, и еще на миллионе языков и миллионом способов.

И вот этот крик в пустоту – он у АБС в принципе составляет суть суммы текстов.

Николай Караев

В общем, «Пластиковый океан» по принципу 50 страниц отправляется в стопку «сдать в букинист». У Хуэй Ху после японского эпизода идет глава о сладкой жизни международного экотеррориста, явно списанная с бондианы, а дальше – душепательная история про эскимосского мальчика и белого медведя. Большой, умирающий от голода мишка, запертый с инуитом на льдине, вместо того, чтобы задрать беззащитного пацана и набить брюхо, учит его рыбу ловить. Потому что – матушка-природа, она такая! Я, конечно, глубоко сочувствую китайцам, которые знания о мире черпают или из кинобоевиков, или из официальной прессы (а в чем-то даже разделяю их боль), но это еще не повод эти книжки читать.

Зато за один вечер и не без удовольствия проглотил роман Софии Ремез «Личные мотивы».

Что в общем не удивительно, там 200 страничек всего. Не фантастика, детектив – хотя финал слегка напомнил мне «Вести из Непала» Виктора Олеговича Пелевина, дай ему Будда здоровычка. Ну как детектив? 100500-я «отходная детективному жанру». Но главное – это «роман с ключом», об убийстве (или нет) в Переделкино во время семинара, который киношники проводят для писателей. Сарказм и гротеск, значит. Типажи яркие, хотя и сумасшедшие как на подбор, локация знакомая, с чувством юмора и самоиронией у Софьи все окей. В общем, легкий, бодрый, увлекательный текст.

Одно меня опечалило: никого из прототипов не узнал. Редакция Петра Тулупова – понятно, мельком упомянутая рецензентка Скопова – видимо, Таня Соловьева, но кто все эти люди – фиг знает. Безмерно далек я от мира актуальной русской словесности, увы. Вот здесь «ключ» не помешал бы.

Да, еще любопытный момент: Софья Ремез фантастике не чужда, есть у нее как минимум одна антиутопическая повесть для школьников «по мотивам» ковида. Но вообще она на детских и (реже) подростковых книжках специализируется. А тут вдруг – детектив (псевдодетектив) для взрослых. Нежданчик. Видимо, сильно выбесили ее киношники, которые что-то там резидентам Переделкино пообещали – и кинули. Захотелось хоть одного грохнуть. Ну, тоже источник вдохновения, что уж тут.

Василий Владимирский

Тем временем лучшим автором на Евроконе признали Альett де Бодар.

На русском у нее не вышло ни одной книги. Ни из огромного цикла о вселенной Сюйя, ни из трилогии ацтекских мистических детективов, ни из цикла Dominion of the Fallen о раздираемом колдовской войной падших ангелов магическом

Париже, где Альетт де Бодар, француженка вьетнамского происхождения, и живет.

Николай Караев

© Источники:

RocketMan, https://t.me/RocketMan_kosmodrom

TheNewYorkerRu: <https://t.me/thenewyorkerru>

Александр Егоров: Подчиняю примус, https://t.me/egorov_author

Александра Прохорова: Винишко под книжку, <https://t.me/culturehedonism>

Алексей Андреев: Alex Andreev Art, <https://t.me/alexandreearts>, <https://www.facebook.com/hermetic.art>

Алексей Пак: Пацанские полки, https://t.me/boy_shelfs

Алексей Севериан: Книжная Берлога, https://t.me/book_bear_lair

Анастасия Шевченко: Заметки панк-редактора, <https://t.me/UmiGame>

БВИ: Братия по Разуму, <https://t.me/bratrazum>

Василий Владимирский: speculative_fiction, <https://t.me/SpeculativeFiction>

Виктор Язневич: mail

Владимир Березин: березин, <https://t.me/berezin>

Дарья Бобылёва: Ход грибной королевы, <https://t.me/inomirj>

Даша Кельн: Бесконечные истории, https://t.me/keln_chitaet

Денис Лукьяннов: Денозавр в мезозое, <https://t.me/denosavor>

Дмитрий Волчек: Митин журнал, https://t.me/mitin_zhurnal

Дмитрий Злотницкий: Фантастика с Дмитрием Злотницким, https://t.me/zlo_i_sff

Дэвид Лангфорд, Ansible, <https://news.ansible.uk/>

Евгения Сафонова: Мать стекла, <https://t.me/steklomama>

Екатерина Каретникова: #прокнижное, <https://t.me/karetni>

Инар Ис kennирова: Так говорил Лем, <https://t.me/lemtalking>

К.А.Терина: Непонятная, но милая дичь, https://t.me/anyret_a_k

Макс Фрай: Ловец книг, https://t.me/lovez_knig

Марина Аницкая: какая реальность, такой и реализм, https://t.me/radio_amarinn

Николай Караев: Звездные маяки капитана Норта, <https://t.me/starlighthousekeeping>

Николай Подосокорский: Подосокорский, <https://t.me/podosokorsky>

Сергей Безруков: БЕЗРУКОВ, https://t.me/sv_bezrukov

Сергей Карелов: Малоизвестное интересное, <https://t.me/theworldisnoteasy>

Сергей Соболев, <https://fantlab.ru/user13240>

Танда Луговская: Tanda_v_Telegrame, https://t.me/tanda_v_telegrame

Шамиль Идиатуллин: Idiatullin, <https://t.me/idiatullin>